

МВД России
Санкт-Петербургский университет

**ПРОВОКАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Монография

Санкт-Петербург
2025

УДК 159.9 + 159.95 + 378

ББК 88.8

П78

П78 Провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел: монография / Бережнова Л. Н., Гайдамашко И. В., Злоказов К. В. [и др.]. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2025. — 176 с.

Авторский коллектив:

*Бережнова Л. Н., Гайдамашко И. В., Злоказов К. В.,
Тамбовцев А. И., Рожков А. А., Федотов А. Ю.*

ISBN 978-5-00277-038-0

EDN: YCOUFI

В монографии дается характеристика провокации как социальному феномену, рассматриваются актуальные правовые, и психологические вопросы провокационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел, описана педагогическая методика рефлексивного наблюдения, которая позволяет выявлять сотрудников, ставших мишенью провокационного воздействия.

Издание представляет интерес для научно-педагогических работников образовательных организаций системы МВД России и всех интересующихся проблемами провокационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел.

УДК 159.9 + 159.95 + 378

ББК 88.8

Рецензенты:

Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя);

Купавцев Т. С., доктор педагогических наук, доцент
(Академия управления МВД России)

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2025

ISBN 978-5-00277-038-0

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОВОКАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	6
1.1. Провокация как социальный феномен	6
1.2. Коммуникативное провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел	14
1.3. Негативное информационно-психологическое воздействие на сотрудников органов внутренних дел как вид провокации	19
1.4. Методика рефлексивного наблюдения в воспитании сотрудников органов внутренних дел	28
ГЛАВА 2. ДЕВИАНТНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОВОКАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	38
2.1. Провокационное воздействие на сотрудника органов внутренних дел: цели и контексты	38
2.2. Механизм провокационного воздействия и его особенности.....	51
2.3. Девиантные и деструктивные последствия провокационного воздействия на сотрудников и служебные коллективы органов внутренних дел.....	80
ГЛАВА 3. ПРОВОКАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	89
3.1. Генезис института провокации в деятельности правоохранительных органов.....	89
3.2. Провокация как элемент оперативно-розыскной деятельности.....	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	122
ПРИЛОЖЕНИЯ	143

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования провокационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел обусловлена тем, что в современных социальных и политических условиях провокационное воздействие становится инструментом противодействия органам внутренних дел, который активно применяется не только антиобщественно направленными лицами, но и большими социальными группами, возглавляемыми внесистемной оппозицией и антигосударственными общественными объединениями, финансируемыми правительствами недружественных стран или международными корпорациями.

Противоправными целями провокационного воздействия на сотрудников выступают: затруднение деятельности органов внутренних дел; формирование негативных общественных представлений о правоохранительных органах; порождение конфликтов между гражданами и органами внутренних дел, препятствующих их взаимодействию по превенции правонарушений и преступлений; изменение представлений у самих сотрудников о значимости их профессиональной деятельности, направленное на демотивацию и деморализацию.

В.А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации отмечал: «Деструктивными силами для провокаций используются самые различные поводы: от обычных бытовых конфликтов до резонансных геополитических событий. Придумывают любые инсинуации, лишь бы внести в умы наших сограждан сомнения в правильности действий властей»¹. Министр указывает на необходимость задействования всех имеющихся у органов внутренних дел возможностей для предотвращения подобных ситуаций в будущем.

¹ Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-ministerstva-vnutrennikh-del-020424/>.

Социальная и практическая значимость исследования вызваны необходимостью противодействия провокационному воздействию, совершенствованию форм, средств и методов такой работы. Целью исследования выступает анализ и обобщение сведений о провокационном воздействии на сотрудников органов внутренних дел и морально-психологического обеспечения противодействия им.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОВОКАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

1.1. Провокация как социальный феномен

Понятие «провокация» происходит от латинского слова «provocatio» и означало «вызов на поединок». Понятие приобрело популярность в социальной практике и стало употребляться, приобретая множественность значений, наполняясь различным смыслом в зависимости от контекста.

В настоящее время можно выделить несколько подходов к пониманию «провокации»: философский, культурологический, социологический, политологический, лингвистический, медицинский, юридический и другие.

В *рационалистической* философии отношение к «провокации» негативное, как к действию, нацеленному на ослабление контроля разума над чувствами, ведущему к разрушению сложившегося порядка. Провокационное действие (нарушать принятые нормы, унижать, оскорблять, высмеивать) является серьезным вызовом, который часто вызывает в человеке сильные эмоции, аффекты (ярость, гнев, злость, негодование, унижение, обида), слабо им коррелируемые. Она блокирует у человека способность рассуждать и делать осознанные выводы, запускает психофизиологические автоматизмы и это приводит к тому, что поведение человека регулируется на биологическом уровне. Действуя в таком состоянии, человек становится инструментом в чужих руках. В рамках этой традиции провокации рассматривается как подстрекательство; манипулирование; обман; предательство; действие, противоположенное нравственному.

В *иррационалистической* философии отношение к «провокации» скорее позитивное. Это связано со скептическим отношением к разуму как основы принятия решений. «Провокация» является инструментом прорыва из мира единообразия и ограничений к подлинной свободе и настоящим чувствам. Научные труды А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Хайдеггера и других философов, сторонников иррационалистических течений, по содержанию являются провокациями. Они направлены на то, чтобы читатель переосмыслил сложившиеся представле-

ния, которые воспринимались как постоянные и неприкасаемые истины. Люди, руководствуясь рамки рационального мышления, попадают в мир банальных условностей и нежизнеспособных схем. «Провокация» стимулирует нешаблонность мыслей и действий, поощряет уход человека от шаблонов с помощью творчества. Таким способом он освобождается от диктата рационалистических представлений и переходит от «сухой» теорий к живой жизни. Это определяет социально-позитивный потенциал «провокации», как способа преодоления инерции у людей, который приводит к повышению уровня общественно-полезной активности.

При этом четкой границы между позитивной и негативной «провокацией» нет. Условность зависит от контекста ситуации и позиции наблюдателя¹. «Провокация в целом есть апелляция к жизни, которая в своих позитивных формах направлена на освобождение от догм и ограничений. Однако, как и любой другой эффективный инструмент воздействия на человека, она может быть использована против него»².

В культурологическом подходе «провокация» или «провокативность» представлена как особая тема в литературе, искусстве, мифологии, религии и других областях культуры. Авторами создается некоторый, обособленный от образа культурного героя, образ «провокатора», который совершает «провокационные действия» и находится в заведомо невыгодной по отношению к нему позиции. В условиях торжества добра и порядка его попытки создать хаос бесперспективны. В произведениях можно выделить «сюжеты провокации»: ответное действие на отличное от общепринятого художественное действие; активная оборона, противопоставление чему-то, что устоялось в виде творческих приемов, вкусов публики и профессиональных деятелей; спонтанная деятельность, эпатажные непродуманные шаги по отстаиванию своего видения, творческих принципов и действий³.

¹ Сычев А.А. Провокация между теорией и жизнью // Провокация: сферы коммуникативного проявления. - М.: Русайнс, 2016. - С. 18-38.

² Дмитриев, А. В. Провокация : Введение в теорию / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Издательство ЮРАЙТ, 2020. – С. 18. – (Открытая наука). – ISBN 978-5-534-08045-2. – EDN VXJHAA.

³ Маршак, А.Л. Культура и провокации / А. Л. Маршак // Провокация: сферы коммуникативного проявления. – Москва : Русайнс, 2016. – С. 103-116. – EDN VMZGGJ.

Таким образом, «сюжеты провокации» в культуре рассматриваются как знак, сигнализирующий об изменении ситуации, о появлении новых культурных форм, которые могут носить как деструктивный, так и конструктивный характер. «Провокации» же направлены на оказание морального воздействия личность и на формирование у нее определенного действия или нравственной модели поведения.

При применении политологического подхода «провокации» дается следующая характеристика – это «сознательно конструируемая технология использования информации и средств ее трансляции в целях политического влияния»¹. Конечной целью политических провокаций может быть также «дестабилизация обстановки, эскалация насилия, дискредитация политики государств, партий, лидеров, дезинформации общественного мнения»². Они являются способами политического противоборства и призваны ставить оппонента в ситуации, сопряженные с рисками, серьезных репутационных последствий, причинения значительного ущерба.

В социологическом подходе под «провокацией» понимают направленное действие на побуждение отдельных личностей, социальных групп или организаций к совершению действий, наносящим ущерб кому-либо, но выгодных для провокатора³.

Применение лингвистического подхода позволяет рассмотреть «провокацию» через призму дискурса и речи⁴, целями которых являются выведывание скрываемой информации или ретрансляция собеседнику испытываемого или имитируемого психического состояния, вербального или невербального поведения, выгодного провокатору.

Медицинский подход к пониманию «провокации» предполагает организованное физическое или химическое воздействие на организм, позволяющее проявиться симптомам болезни, что способствует постановке диагноза.

¹ Кузнецов И.И. Технологии политических провокаций в Рунете // Теория и практика общественно-научной информации. 2004. – № 19. – С. 198.

² Губин П.А., Золотилев В.А., Петина Т.М. Политические провокации в СМИ как средство манипулирования массовым сознанием // Юность и знания – гарантия успеха. – 2015. – С. 283.

³ Тумский, С. В. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа / С. В. Тумский // Социодинамика. – 2017. – № 8. – С. 5. – EDN ZDNFSZ.

⁴ Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... докт. филол. наук. / В. Н. Степанов – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 48.

Юридический подход к пониманию «провокации» включает правовые ее трактовки, которые изменялись на протяжении исторического периода до неузнаваемости. Под «провокацией» в Древнем Риме и Древней Греции, которые являлись классическими правовыми институтами, понимали право гражданина на обращение к народному собранию для пересмотра вердикта властей, обжалования судебных решений. Этим правом обычно пользовались в случае вынесения смертного приговора, реже - телесного наказания. Граждане не были связаны в суждениях о виновности лица, в выборе ему видов и размера наказания узами права и решали эти вопросы на основе здравого смысла, житейского опыта и представлении о справедливости. «Провокация» представляла собой правовой инструмент, позволяющий увидеть человека через призму реальных жизненных обстоятельств, а не через обезличенные требования закона. У приговоренного появлялся шанс сохранить жизнь или свободу при возникновении к нему симпатии у народа. Позже «провокация» как древнейшее право римского гражданина распространилась и на гражданское судопроизводство¹. Указанное юридическое значение «провокации» в современных условиях не используется и имеет историческое значение, а сам институт «провокации» имеет глубокие исторические корни².

Понятие «провокация» в действующем законодательстве встречается в следующем контексте: «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, то есть попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо лицу, указанному в части первой статьи 200.5 настоящего Кодекса, без его согласия денег, ценных бумаг, иного иму-

¹ Панокин, А. М. Пересмотр судебных решений в Древней Греции и Древнем Риме / А. М. Панокин // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10(71). – С. 138-146. – DOI 10.17803/1994-1471.2016.71.10.138-146. – EDN XQODDF.

² Титова, А. С. Провокация преступления в уголовном праве: исторический анализ и зарубежный опыт / А. С. Титова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 9(130). – С. 124-132. – DOI 10.17803/1994-1471.2021.130.9.124-132. – EDN HCIUHS.

щества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа»¹; «Органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)²», в тоже время, следует отметить, что в законодательстве отсутствует единое его значение. Поэтому для толкования данного социального и правового явления следует обращаться к толковым словарям и научным разъяснениям.

Таким образом, нами сделан вывод о том, что имеются существенные различия в понимании «провокации» как явления в различных отраслях знаний. В современной науке не выработано однозначного емкого определения «провокации», которое позволяло бы отличить данное социальное явление от других смежных явлений вне зависимости от ситуативных факторов, вида и уровня социального взаимодействия.

В Толковом словаре Ожегова приводится следующее объяснение «провокации» – это «предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия».

Анализ приведенных выше подходов и дифиниций позволяет утверждать, что «провокация» всегда действие осознанное, целенаправленное, по структуре сложное и может включать в себя множество этапов. Она является средством коммуникации и воздействия.

Объект провокации (провоцируемый) получает от субъекта (провокатора) сигнал о необходимости совершить действие, отказаться от его совершения или изменить его. «Провокация» действенна, когда затрагивает личную сферу провоцируемого, его потребности, взгляды, убеждения, идеалы, ценности, ценностные ориентации. Планируемым результатом «провокации» может являться оказание сильного эмоционального воздействия с целью вызвать аффекты: ярость, гнев, злость, возмущение, негодование, обиду, унижение и другие. Аффекты спо-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, (статья 304).

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», (статья 5).

собны вывести провоцируемого из состояния эмоционального равновесия, сформировать у него образ ситуации неопределенности, что мешает принимать рациональные решения и приводит к совершению ошибочных поступков. Поэтому «провокация» является конфликтной формой взаимодействия людей, протекающей скрытно.

Провокация может осуществляться провокатором как самостоятельно, так и при помощи других людей «актеров-посредников», которые становятся средством реализации провокационных намерений. Провокатор часто прибегает к обману и скрывает конечную цель своих действий. Он стремится создать в сознании провоцируемого ложное представление о необходимости, целесообразности или привлекательности иницилируемых действий. В случае результативности таких действий провокатор становится способным манипулировать объектом провокации, незаметно управлять им.

«Провокации часто используются ее участниками (и порой довольно успешно) для удовлетворения личных амбиций. Зачастую посредством удачной провокации человек доказывает свою правоту, удовлетворяет свои комплексы. Благодаря ей, он может совершенствовать стиль своего поведения. Обычно провокаторы мнимо повышают свой статус и место во властной иерархии»¹.

Для реализации «провокации» необходимо наличие прямого или опосредованного взаимодействия между субъектом и объектом провокации. Результаты воздействия в большинстве случаев зависят от сложившегося доверия у объекта провокации к субъекту и к информации, получаемой от него. Провоцируемый не должен подозревать, что его хотят обмануть и ощущать возможность причинения ущерба его интересам. Чем сложнее «провокация», тем больше этапов она содержит и тем большую роль играет доверие между людьми, вовлеченными в ее процесс. Если «провокация» состоит из малого количества этапов, то наличие доверительных отношений не имеет большого значения, и она может быть успешно реализована.

¹ Дмитриев, А. В. Провокация : Введение в теорию / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Издательство ЮРАЙТ, 2020. – С. 33. – (Открытая наука). – ISBN 978-5-534-08045-2. – EDN VХJНАА.

Доверие неразрывно связано с риском в практике социального общения¹, основой результативности «провокации». Потеря доверия существенно снижает ее эффективность, может приводить к раскрытию замысла и совершению ответной «провокации» со стороны провоцируемого.

Таким образом важно отметить, что главная цель «провокации» добиться реакции адресата, которую можно условно, разделить на следующие виды:

1. Ожидаемая реакция (нормальная реакция) – реакция провоцируемого в полной мере или частично соответствует ожиданиям провокатора.

2. Гипореакция (слабая реакция) – реакция провоцируемого заметно не соответствует ожиданиям провокатора или вообще отсутствует. Это может быть обусловлено завышенными ожиданиями провокатора, который переоценил силу провокационного воздействия, либо с сознательной позицией провоцируемого по противодействию провокации. Игнорирование провокации может оказаться лучшим вариантом реагирования, но не в любых случаях. Такая позиция может быть воспринята провокатором как слабость оппонента, что повлечет за собой повышение его активности.

3. Гиперреакция (сильная реакция) – реакция провоцируемого превосходит ожидания провокатора. Причинами таких следствий могут быть: во-первых, когнитивная ошибка провокатора при прогнозировании своих действий; во-вторых, провоцируемый может быть заинтересован в эскалации конфликта; в-третьих, провоцируемый выбрал агрессивный способ противодействовать провокации.

4. Провокационная реакция – реакция на провокацию имеет своей главной целью спровоцировать провокатора. Формы и методы такой провокации в общем случае не зависят от характера изначальной провокации, но могут быть замаскированы под любой другой вид реакции.

5. Неадекватная реакция – реакция провоцируемого представляет собой случайный набор ответных действий и не детерминирована ни видом, ни силой, ни формой провокации.

При этом надо иметь в виду три особенности провокативной деятельности. Во-первых, трудно спрогнозировать конечный результат

¹ Кравченко С.А. Жизнь в условиях «нормальной аномии»: становление инсценированного доверия // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики. – 2016. – С. 58-65.

провокации. Во-вторых, провокация эффективна в тех случаях, когда она является новизной для тех людей, которые с нею сталкиваются. В-третьих, провокация связана с существенными реальными и латентными рисками, как для провоцируемого, так и провокатора, делает уязвимыми всех ее участников.

На основе анализа механизма провокации мы выделили ее часто встречающиеся признаки:

- в большинстве случаев провокация протекает в несколько этапов и представляет собой комплекс хорошо продуманных и подобранных действий;
- провокация осуществляется провокатором самостоятельно или с привлечением посредников;
- провокатор имеет четкую позицию по отношению к провоцируемому и сложившейся ситуации, преследует конкретную цель прогнозируя и программируя ответные действия или реакции оппонента;
- провокатор действует скрытно и не раскрывает истинные намерения, пользуясь доверием провоцируемого;
- действия провокатора являются неожиданными и не предсказуемыми
- провокатор стремится нанести материальный, моральный или физический вред своему оппоненту;
- провокация является средством скрытой борьбы, оказания влияния на провоцируемого;
- сущность провокации зависит и от ее вида и социального уровня, на котором она применяется;
- характер провокаций различается в зависимости целей и мотивов провокатора, его интеллектуального уровня, жизненного и профессионального опыта, сложности выбранной провокации и других условий;
- гибкость структуры провокаций, возможность выбора различных средств воздействия позволяет провокаторам применять их в различных ситуациях социального взаимодействия;
- провокация часто связана с нарушением моральных норм, обманом оппонента или других лиц, вовлеченных в процесс реализации провокации;
- осуществление провокации имеет существенные риски как для субъекта, так и объекта провокации.

Таким образом мы пришли к выводу о том, что «провокация» – это вид социального взаимодействия, который представляет собой комплексное действие противоборства субъекта и объекта с целью реализации скрытного намерения отстоять собственные интересы за счет нарушения интересов других или причинения им ущерба.

Это определение является рабочим и служит для решения практической задачи – изучения провокационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел и не раскрывает всей природы данного социального явления.

1.2. Коммуникативное провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел

Не редкими ситуациями в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел являются ситуации взаимодействия с гражданами, демонстрирующими агрессивное поведение, которое сопровождается провокациями. Совершая провокационные действия, недобросовестные граждане стремятся вовлечь представителей власти в открытый конфликт, вызывать у них яркую эмоциональную, часто слабо контролируемую, реакцию, которая, в свою очередь, делает их в глазах окружающих дискредитированными.

Реакция идет вразрез с ожидаемым от сотрудников органов внутренних дел поведением в конкретной ситуации, следовательно, ставит под сомнение их профессиональную компетентность, влечет за собой неуважение и презрение со стороны неопределенного круга лиц.

Таким образом, некорректное, неаккуратное реагирование на провокации со стороны сотрудников не только не способствует решению правоохранительных задач, но и наносит значительный вред репутации всей правоохранительной системе. Такие случаи благодаря мобильным средствам коммуникации достаточно быстро становятся достоянием общественности и с помощью СМИ, демонстрирующих пренебрежительно-негативное отношение к органам внутренних дел, получают свое дальнейшее распространение с «приукрашенной» интерпретацией произошедшего.

В. А. Шаповал и В. Ю. Курдюкова справедливо заметили: «Платформы социальных сетей и мессенджеров позволяют мгновенно распространять любую информацию на миллионную аудиторию пользователей, которая воспринимает ее одинаково некритично, особенно

если такая информация затрагивает актуальные и значимые для массового сознания темы, способствующие эскалации человеческих страхов и предрассудков»¹.

Поскольку традиционной формой взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с гражданами является общение, то распространенными способами провокационного воздействия на сотрудников является задавание им провокационных вопросов или произношение в их адрес провокационных реплик.

В исследованиях, посвященных изучению практики применения провокаций, С.Е. Борисова², О.В. Гарманова³, Е.Л. Доценко⁴, Е.Ю. Ионкина⁵, О.С. Иссерс⁶, Ю.В. Красноперова⁷, О.А. Плотникова⁸,

¹ Шаповал В. А., Курдюкова В. Ю. Источники и приемы негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конференции. СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2020. С. 532.

² Борисова, С. Е. Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения / С. Е. Борисова, Ф. Н. Зейналов // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 51-63. – DOI 10.17759/psylaw.2020100404. – EDN CEKAAB.

³ Гарманова, О. В. Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции преодолению речевых провокаций со стороны граждан / О. В. Гарманова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3(99). – С. 184-195. – DOI 10.35750/2071-8284-2023-3-184-195. – EDN FMZCNH.

⁴ Доценко Е.Л. Манипуляция: феномены, механизмы и защита. М. : Че-Ро : Юрайт, 2000. 344 с.

⁵ Ионкина, Е. Ю. Реализация коммуникативной тактики провокации в интервью-портрете: основные сценарии речевого поведения адресата (на материале немецкой прессы) / Е. Ю. Ионкина, В. В. Тихаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 71. – С. 91-113. – DOI 10.17223/19986645/71/6. – EDN LPIWUJ.

⁶ Иссерс, О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2(18). – С. 92-104. – EDN MTBBID.

⁷ Красноперова, Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Красноперова Юлия Валерьевна. – Иркутск, 2005. – 19 с. – EDN NIEMLL.

⁸ Плотникова О. А. Провоцирующие речевые тактики в публичном интервью / О. С. Иссерс, О. А. Плотникова // Вопросы культуры речи. Том 10. – Москва, 2011. – С. 334-340. – EDN PYINZT.

В.Н. Степанов¹, В.С. Третьякова², Е.А. Чигоряев³ конкретные речевые тактики рассматриваются как приемы провокационного воздействия, которые по психологическому содержанию являются «конфликтогенными технологиями речевого воздействия»⁴ и направлены на прямое обвинение, демонстрацию физической угрозы, выражение недоверия, проявление подозрительности, демонстрацию насмешки, иронизирование и т.д.

Примерами провокационных вопросов являются: «Можно ли остановить человека на улице просто так, без оснований?», «Вы паспорт никогда не видели?», «Вы точно в полиции служите?», «Почему я должен вам верить?», «Сколько денег вы сегодня заработали на добродетельных гражданах?», «Вы верите в то, что помогаете людям?», «Вы думаете, когда говорите?», «Сколько сейчас платят в полиции за произвол?», «Сколько вам платят, чтобы вы мешали людям спокойно жить?», «Вы давно служите?», «Вы знаете кто такие менты?», «У вас хоть есть жена и дети?», «Вам самому не противна ваша работа?», «Вам нравится приставать к людям?», «Вы не смогли найти нормальную работу?», «У вас вообще есть образование?», «Вы пробовали найти нормальную работу?», «Вас хоть кто-нибудь уважает?».

Реплики как приемы провокационного воздействия могут:

- содержать намеки на определенные «негативные» личностные и профессиональные черты сотрудника или отрицать его положительные качества;

- выражать недоверие (сомнение) обоснованности и правомерности действий сотрудника;

¹ Степанов, Валентин Николаевич. Провокативный дискурс массовой коммуникации : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.10 / С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2005. – 37 с.

² Третьякова, В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения / В. С. Третьякова // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 112-120. – EDN VQHDWP.

³ Чигоряев, Е. А. Прогнозирование вероятности оказания сопротивления со стороны правонарушителей при их задержании / Е. А. Чигоряев, Д. В. Литвин, И. В. Герасимов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27, № 1(88). – С. 95-101. – DOI 10.24412/1999-6241-2022-188-95-101. – EDN SYFCYH.

⁴ Иссерс О.С., Плотникова О.А. Провоцирующие речевые тактики в публичном интервью // Вопросы культуры речи : сб. статей / под ред. А.Д. Шмелева. Т. 10. М., 2011. – С. 334–340.

- содержать прямую лексически выраженную негативную оценку сотрудника как представителя правоохранительных органов;
 - апеллировать к собственному мнению сотрудника ни как представителя власти, а как «обычного» человека;
 - апеллировать к слухам, общественному мнению, мнению СМИ.
- В них приводится прямая или косвенная характеристика органов внутренних дел и требует подтверждения или опровержения;
- выражать упрек в адрес сотрудника;
 - демонстрировать обиду;
 - содержать запрос информации, которая противоречит нормам профессиональной этики органов внутренних дел;
 - предполагать обсуждение «новой», не связанной с возникшей ситуацией, темы, которая по своему содержанию является не этичной.

Практика взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с гражданами показывает, что провокационное воздействие строится на одновременном применении провокационных вопросов и реплик со стороны недобросовестных граждан.

Формально подобные провокационные вопросы и реплики невозможно или проблематично без проведения лингвистической и психологической судебной экспертизы квалифицировать в качестве правонарушения, поэтому практика их применения сохраняется. Следует научиться правильно на них реагировать.

Ответное речевое поведение сотрудников органов внутренних дел в условиях провокационного воздействия может развиваться по следующим сценариям:

- сотрудник игнорирует провокацию, дает правомерный ответ без проявления эмоциональной реакции (неуспех провокации);
- сотрудник проявляет признаки неуверенности в своих действиях, не может в полном объеме обосновать их правомерность, допускает неточности в высказываниях, при этом эмоциональная реакция может иметь место и быть заметной для собеседника (частичный успех провокации).
- сотрудник проявляет яркую эмоциональную реакцию и (или) произносит негативные речевые высказывания, допускает нарушение требований к служебному поведению или закона (полный успех провокации).

Выбор сотрудником сценария зависит от множества факторов, базовыми из них являются:

- знания способов и приемов провокационного воздействия и его отражения;
- умения прогнозировать дальнейшее развитие ситуации на основе профессиональных знаний и опыта;
- знание алгоритма действий в условиях различных видов провокационного воздействия;
- эмоциональной устойчивости сотрудника;
- согласованности действий сотрудников между собой;
- информационно-психологической уязвимости сотрудника¹;
- утомленности сотрудника².

Оценена эффективности отражения сотрудниками органов внутренних дел провокационного воздействия может осуществляться по следующим критериям:

- гражданин выполнил законные требования сотрудника, воздержался от совершения или продолжения противоправных действий;
- сотрудник не нарушил требования законодательства, требования к служебному поведению и соблюдал нормы профессиональной этики;
- сотрудник проявил эмоциональную устойчивость;
- гражданин прекратил провокационное поведение.

¹ Духновский, С. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел разным уровнем устойчивости и утомленности / С. В. Духновский, К. В. Злоказов // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 50-67. – DOI 10.17759/psylaw.2024140404. – EDN WBUMHX.

² Духновский, С. В. Темпоральные особенности утомленности сотрудников органов внутренних дел / С. В. Духновский, Л. Т. Бородавко, В. А. Корзунин // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2025. – Т. 30, № 2(101). – С. 130-136. – DOI 10.24412/1999-6241-2025-2101-130-136. – EDN UKZXZY.

1.3. Негативное информационно-психологическое воздействие на сотрудников органов внутренних дел как вид провокации

Другой отличительной формой провокационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел является воздействие в информационном пространстве – оказание негативного информационно-психологического воздействия.

Отметим, что понятие «негативное информационно-психологическое воздействие» употребляется в научной литературе достаточно давно, однако в связи с появлением новых деструктивных форм поведения в социальной практике и усилением роли цифровых технологий в передаче информации его значение часто уточняется в зависимости от контекста.

Например, Е. В. Камнева характеризует информационно-психологическое воздействие как «вид психологического воздействия, которое определяется как способ оказывать влияние на людей (на отдельных индивидов и на группы), осуществляемого для изменения идеологических и психологических структур их сознания и подсознания, трансформации эмоциональных состояний, стимулирования определенных типов поведения с применением различных способов явного и скрытого психологического принуждения»¹.

В.Г. Стуканов акцентирует внимание на том, что в широком смысле информационно-психологическое воздействие рассматривают как целенаправленный процесс, направленный на изменение определенных психических характеристик личности (психического состояния, степени внимательности, уровня внушаемости, оценочного отношения к тем или иным объектам, Я-образа, восприятия самого себя, других людей и т. д.) и ее поведения, а также социальных групп².

Н.В. Сердюк и В.В. Вахнина под негативным информационно-психологическим воздействием на сотрудников органов внутренних

¹ Камнева Е. В. Информационно-психологическое воздействие средств массовой коммуникации на психическое состояние (на примере студенческой выборки) // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 5 (18). С. 51.

² Стуканов В. Г. К уточнению понятия «информационно-психологическое воздействие» // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 225.

дел понимают распространение информации, ведущей к дестабилизации обстановки среди сотрудников, расколу служебных коллективов по различным основаниям, снижению служебной активности»¹.

С.А. Голубева определяет негативное информационно-психологическое воздействие как сознательно инициируемое влияние (внушение), провоцирующее личностную и социальную напряженность, снижение степени организованности, искажение нравственных критериев и норм, влекущее снижение морально-психологического состояния личного состава, что приводит к ухудшению результатов служебно-боевой и учебной деятельности².

Под негативным информационно-психологическим воздействием на сотрудников органов внутренних дел О.С. Мантуров понимает «любые действия граждан, институтов гражданского общества, иных общественных объединений, как целенаправленные, так и нецеленаправленные, по оказанию деструктивного влияния на оперативно-служебную деятельность органов внутренних дел, дискредитацию органов государственной власти, в том числе органов внутренних дел, их отдельных подразделений и сотрудников, результатом которых является создание и воспроизведение негативного имиджа правоохранительной системы как одного из институтов государственной власти, причинение ущерба репутации органов внутренних дел, дестабилизация существующих моделей осуществления правоохранительной деятельности, подрыв доверия сотрудников органов внутренних дел к органам государственной власти, умаление значимости собственной служебной деятельности, разочарование в собственном месте в правоохранительной системе и перспективах служебного роста»³.

¹ Столяренко А. М., Сердюк Н. В., Вахнина В. В. и др. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 77.

² Голубева С. А. Методика экспресс-диагностики риска подверженности курсантов негативному информационно-психологическому воздействию // Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси. 2019. Т. 3. № 3. С. 334.

³ Мантуров, О. С. Обеспечение защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия: монография / О. С. Мантуров. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – С. 12.

Таким образом, оказание негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел как элемента провокационного воздействия не является новым в Российской Федерации, однако в настоящее время оно получило распространение.

Установление основных субъектов оказания негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел, выявление источников, подпитывающих данную форму провокационного воздействия, поможет раскрыть природу данной социальной проблемы и будет способствовать поиску путей ее решения. Латентный характер данного явления не позволяет продемонстрировать существующую причинно-следственную связь источником негативного информационно-психологического воздействия и его последствиями. Очевидным становится кумулятивный эффект таких действий, который наносит значительный ущерб органам внутренних дел, всей правоохранительной системе и государству в целом. Утверждение Президентом В.В. Путиным «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ было важным шагом в обеспечении национальной безопасности государства. В Стратегии прямо указано на то, что расширяется использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государства, подрыва его суверенитета и нарушения территориальной целостности. Стратегия определяет «развитие безопасного информационного пространства, защиту российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия» одними из национальных интересов России на современном этапе ее развития, а информационное пространство – одной из «новых сфер ведения военных действий». Среди деструктивных сил в Стратегии перечислены специальные службы и организации иностранных государств, подконтрольные им российские общественные объединения и отдельные лица, международные террористические и экстремистские организации². Их деятельность характеризуется деструктивным латентным характером и обусловлена внешнеполитическими интересами определенных стран

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

и международных правительственных и неправительственных организаций. Зачастую мишенями информационно-психологического воздействия являются органы внутренних дел. Основной целью негативного информационно-психологического воздействия на органы внутренних дел является их дискредитация, формирование на этой основе недоверия граждан к правоохранительной системе, создание и поддержание негативного информационного фона в отношении правоохранительной системы.

Понятие «дискредитация» берет свое начало от латинского «discretus» – «раздельный», или «discredo» – «не верить». Дискредитация этимологически переводится как «подрыв доверия». В научной литературе встречаются разные определения данного явления. О.С. Иссерс под дискредитацией предлагает понимать подрыв доверия к кому-, чему-либо, умаление авторитета, значения кого-, чего-либо¹. М.А. Сиворакша – «речевое поведение говорящего, в котором он выражает свою отрицательную оценку другого, направленную на подрыв доверия к нему окружающих, умаление его достоинства и авторитета»². В научных трудах З.С. Хабекировой указано, что для реализации стратегии дискредитации используется определенный репертуар речевых тактик: это тактики обвинения, нагнетания отрицательного, например, нанизывание отрицательных фактов или последствий; также применяются тактики не прямых оскорблений, навешивания ярлыков, умаляющих сравнений и др. Достижению заданной цели способствуют и использование метафор с негативной оценочностью, приемы иронии и сарказма³.

В рамках исследования научной проблемы – провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел под дискредитацией предлагаем понимать совершение лицом или группой лиц любых действий, направленных на причинение ущерба чести, достоинству и де-

¹ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М., 2002. – С. 160.

² Сиворакша М.А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 44. – С. 452-457.

³ Хабекирова З.С. Стратегия дискредитации в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-1 (54). – С. 194-197.

ловой репутации органов внутренних дел. Существенными признаками дискредитации являются: действие носит осознанный и целенаправленный характер; направлено на подрыв чести, достоинства и деловой репутации органов внутренних дел; является общественно опасным; может проявляться в различных латентных и открытых формах.

Можно выделить следующие способы негативного информационно- психологического воздействия: диффамация; злоупотребление правом; распространение информации, имеющей отношение к личной жизни сотрудников; распространение фото- и видео материалов с участием сотрудников; создание фото-, видео- и иных визуальных материалов с участием обычных граждан, переодетых в форменную одежду сотрудников органов внутренних дел; систематическая критика в информационном пространстве органов внутренних дел; распространение негативных слухов и недостоверной информации среди личного состава; создание и тиражирование в информационном пространстве «фейков».

Диффамация представляет собой распространение не соответствующей действительности информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников органов внутренних дел. Н.Н. Дьяченко предлагает относить к порочащим сведениям «не соответствующую действительности, т.е. объективно не подтвержденную, информацию о нарушении сотрудниками действующего законодательства, моральных принципов, профессиональной этики»¹. Данная форма воздействия встречается повсеместно и носит латентный характер. Она выражается в создании броских заголовков новостей, ссылок на мнение квази «известных экспертов» и общественных деятелей, на результаты вымышленных социологических опросов. Основными каналами передачи такой информации являются различные сетевые информационные ресурсы. Количество данных ресурсов и скорость передачи по ним информации настолько велики, что превышают возможности государства действительно противостоять данному явлению и своевременно выступить с опровержениями, обращаться за судебной защитой и к мерам прокурорского реагирования, использовать другие правовые средства защиты чести, достоинства и деловой репутации. Противостоять данной форме негативного информационно-психологического воздействия сложно еще и потому, что авторы распространяемой

¹ Дьяченко Н. Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013. № 3. С. 56.

ложной информации скрывают ее под обликом «личного мнения», с указанием, что «мнение автора публикации может не совпадать с мнением редакции»; в текстах публикаций не содержится описание конкретных фактов, не называются имена, что делает такую информацию непроверяемой и поэтому неопровержимой.

Злоупотребление правом представляет собой действия по обращению в органы государственной власти и местного самоуправления с заявлениями и жалобами, содержащими заведомо ложную информацию о неправомерной деятельности сотрудников органов внутренних дел. В соответствии с действующим законодательством, органы власти обязаны в предусмотренный законом срок рассмотреть каждое обращение, при необходимости провести проверку по фактам, изложенным в обращении, и уведомить гражданина о результатах рассмотрения его обращения, предоставив письменный ответ¹. Работа с подобного рода обращениями предполагает использование значительного количества ресурсов (кадровых, временных), что значительно затрудняет реализацию правоохранительной функции. Злоупотребляют правом юридически грамотные граждане, которые имеют искажения в потребностно-мотивационной сфере².

Н.Н. Дьяченко выявил закономерность: «Как правило, порочащие обращения рассылаются гражданами не одному, а целому кругу адресатов – в прокуратуру, высшим должностным лицам государства, в подразделения собственной безопасности органов внутренних дел, в аппарат Уполномоченного по правам человека. Чем шире круг лиц, которым рассылается порочащая информация, тем яснее прослеживается ее дискредитирующий характер»³.

Распространение информации, имеющей отношение к личной жизни сотрудника. Опасность данного способа воздействия заключается в том, что распространяемая информация не является ложной, но характеризует сотрудника с негативной стороны. Информация копиру-

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

² Осипов Р. А. Правовая информированность как средство противодействия деформациям правосознания личности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 24.

³ Дьяченко Н. Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013. № 3. С. 57.

ется адресатом из открытых источников: с личной страницы в социальной сети сотрудника, из сообщений и комментариев, оставленных на открытых площадках сети «Интернет».

Распространение фото- и видеоматериалов, на которых сотрудники органов внутренних дел представлены в ситуациях, позах, видах одежды, которые могут быть объяснены по-разному, а истолкованы как нарушение требований профессиональной этики. Материалы адресаты получают из открытых источников.

Создание кинофильмов, телесериалов, театральных постановок и другого медиаконтента, где в ролях представлены сотрудники органов внутренних дел. Актеры, как правило, одеты в форменную одежду, что позволяет однозначно их идентифицировать. Особенностью таких произведений является то, что в них сюжетные линии разворачиваются вокруг ситуаций, где сотрудники нарушают требования к служебному поведению, совершают поступки, порочащие честь и достоинство. Наиболее распространены сценарии употребления сотрудниками алкогольных напитков на службе и в быту, взяточничество, превышение и злоупотребление должностными полномочиями. Подобные художественные произведения закрепляют и усиливают существующие в обществе негативные стереотипы о правоохранительных органах. Важно отметить, что создание такого контента является частью творческой деятельности, и авторы не стремятся отразить реальные события и создать образы конкретных личностей. С юридической точки зрения, отсутствие прямой связи киносюжета с реальными событиями не дает оснований для запрета публичного показа подобных произведений на телевидении, театральных подмостках или в интернет-пространстве.

Создание визуальных материалов - фотографий, видеороликов и другого контента, на которых граждане, не имеющие отношения к органам внутренних дел, изображают сотрудников, надевая их форменную одежду. Такие действия могут иметь различные мотивы: от развлечения до попыток нанесения ущерба репутации правоохранительных органов и авторитету их сотрудников.

Критическое освещение деятельности органов внутренних дел с акцентом, на существующие противоречия внутри правоохранительной системы и аргументацией ее враждебности к собственным сотрудникам. В этих информационных материалах сотрудники часто представлены как пострадавшая сторона, что формирует определенный

негативный информационный дискурс. Подобный способ информационно-психологического воздействия демонстрирует высокую эффективность, так как затрагивает значимые для действующих сотрудников проблемные вопросы. Несмотря на то, что описываемые ситуации имеют место в служебной деятельности, их эмоциональное освещение и акцентирование внимания на широкой распространенности преследует цель дискредитация органов внутренних дел. Негативные последствия такого информационно-психологического воздействия проявляются в формировании у сотрудников негативного образа профессии, состояния подавленности и разочарования, снижении мотивации в службе, в развитии необоснованного критического отношения к руководству, в повышении риска профессиональной деформации и профессионального выгорания, что приводит к текучести кадров.

Распространение негативных слухов и недостоверной информации среди сотрудников органов внутренних дел. В органах внутренних дел активно может распространяться недостоверная информация и негативные слухи, что представляет собой особую форму информационно-психологического воздействия на личный состав. Информация распространяется массово и стремительно, что затрудняет выявление ее первоисточника и истинных мотивов распространителей. Тематика недостоверной информации сопряжена с актуальными проблемами, затрагивающими интересы каждого сотрудника. Наиболее распространённые темы слухов включают: увеличение срока выслуги для выхода на пенсию, отмена различных льгот, прекращение индексации денежного довольствия, отмена премиальных выплат из-за «недостаточного финансирования», сокращение штата сотрудников, перевод части должностей из категории «аттестованных» в разряд государственных гражданских служащих. Факторами, способствующими распространению недостоверной информации, являются: недостаток официальной информации и слабая организация разъяснительной работы среди сотрудников. Особую роль в распространении слухов играют сотрудники - некритичные слушатели, которые не только передают информацию, но и дополняют ее собственным тревожным содержанием, что приводит к росту эмоционального напряжения у сотрудников, снижению у них мотивации и показателей служебной деятельности, к усилению мысли о поиске альтернативного трудоустройства, снижению уровня социально-психологического климата в структурных подразделениях.

В современном информационном пространстве широкое распространение получило создание и распространение дезинформации об органах внутренних дел, известной как «фейковые материалы». Их создание и распространение преследует конкретные цели: манипуляция общественным мнением, увеличение посещаемости информационных ресурсов и увеличение дохода от рекламы, дискредитация органов власти. Действенность фейковых материалов определяется простотой подачи материала, доступностью формата, эмоциональной привлекательностью контента, манипулятивными заголовками, отсутствием верифицируемых источников.

Таким образом мы можем наблюдать информационно-психологическую уязвимость сотрудников органов внутренних дел под влиянием провокационного воздействия – неспособность критически оценивать информацию, отделяя истинную от ложной, регулировать воздействие эмоционально значимой информации на собственные представления, чувства и поведение¹. Следствием уязвимости сотрудников является появление в их сознании когнитивных искажений, под влиянием которых происходит деформация таких психологических структур как: ценностей, ценностных ориентаций, идеалов, убеждений, установок, потребностей, формирование новых информационно-идеологических парадигм, изменение поведения.

Выработка у сотрудников устойчивости к провокационному воздействию, влиянию деструктивной идеологии, формирование навыков распознавания в информационной среде контента ложного и провокационного характера являются важными задачами морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел².

Действенным механизмом формирования и развития такого рода устойчивости может быть, по нашему мнению, обращение к ценностно-смысловой сфере личности, через которую осуществляется восприятие и интерпретация всей поступающей информации, а также обучение со-

¹ Духновский, С. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел разным уровнем устойчивости и утомленности / С. В. Духновский, К. В. Злоказов // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 50-67. – DOI 10.17759/psylaw.2024140404. – EDN WBUMHX.

² Приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации».

трудников технологии критического осмысления информации и способам ситуативного реагирования на провокационные воздействия. Данный педагогический процесс целесообразно организовать на принципах неформального образования в рамках осуществления политико-воспитательной и психологической работы с личным составом.

1.4. Методика рефлексивного наблюдения в воспитании сотрудников органов внутренних дел

В рамках монографического исследования мы предлагаем изложить методику рефлексивного наблюдения, которая позволяет выявлять сотрудников, ставших мишенью провокационного воздействия, имеющих когнитивные искажения и изменения в поведении. С такими сотрудниками должен проводиться расширенный комплекс мероприятий в рамках политико-воспитательной и психологической работы субъектами морально-психологического обеспечения органов внутренних дел.

Методика рефлексивного наблюдения относится к предметной области «Методология и технология профессионального образования». Основу разработки методики составила структура самосознания развивающейся личности (В. Мухина). Методика предполагает интерпретацию и стандартизированную оценку поведения сотрудника органов внутренних дел, на основе анализа выраженности форм его проявления, отражающих отношение к профессиональным российским духовно-нравственным ценностям (их принятие или отвержение).

Преимуществами предложенной методики являются:

- возможность сочетать различные виды наблюдения на основе стандарта, который позволяет соотнести формы поведения сотрудника и способы их регистрации;
- возможность наглядного представить поведение сотрудника в виде профиля, позволяющего определить доминирующие формы во взаимосвязи с содержанием структурных звеньев самосознания;
- возможности выявлять и фиксировать изменения в поведении сотрудника;
- возможность применять методику в различных организационных условиях осуществления политико-воспитательной работы;

– возможность использовать полученные результаты для определения психологического профиля сотрудника и содержания политико-воспитательной работы с ним.

Научной основой методики рефлексивного наблюдения являются положения о методе рефлексивного наблюдения, разработанного Л.Н. Бережновой¹ и положения о структуре самосознания развивающейся личности В.С. Мухиной².

Педагогическое наблюдение за поведением сотрудника организуется в естественных для него условиях служебной деятельности, является включенным и открытым. Позиция наблюдателя, определяется содержанием политико-воспитательной работы. Важно принять во внимание, что субъекты политико-воспитательной работы принимают непосредственное участие в наблюдении за сотрудником и одновременно осуществляют воспитательный процесс.

По способу организации, рефлексивное наблюдение за сотрудником может быть внешним или осуществляться в форме самонаблюдения. Количество наблюдателей может варьироваться. Увеличение числа наблюдателей способствует повышению достоверности выводов.

С позиции планирования может представлять интерес как преднамеренное периодическое, так и непреднамеренное рефлексивное наблюдение. В первом случае наблюдение ведется в течение срока, определяемого субъектом политико-воспитательной работы, а по завершению – дается оценка поведения сотрудника. Таким сроком может являться период обучения по дисциплине, семестр, срок обучения в образовательной организации, время нахождения в занимаемой должности, период выполнения поручений и т.д. Во втором случае поведение сотрудника не связывается с каким-либо периодом времени, а оценивается как характерное для него, в целом, в настоящий момент.

Под оценкой понимается не субъективное мнение наблюдателя, а категоризация объекта путем его соотнесения со стандартом, изло-

¹ Патент РФ 2018126712. Метод рефлексивного наблюдения в профессиональном воспитании военнослужащих / Бережнова Л.Н. Заявл. 2018. Опубл. 2020.

² Мухина, Р. П. Развитие сознания и самосознания в контексте пересечения реалий условий бытия в исторической динамике / Р. П. Мухина // Мир психологии. – 2012. – № 2(70). – С. 77-91. – EDN PEYIGH.

женным в методике. Оценке подлежит частота проявления определенных форм поведения сотрудника, которая варьируется в установленных пределах значений.

Суждения о поведении сотрудника разделены на блоки:

блок А «Я+имя собственное»;

блок Б «Притязание на признание»;

блок В «Половая идентификация»;

блок Г «Психологическое время личности»;

блок Д «Социальное пространство личности»;

блок Е «Ценностное отношение к жизни».

Каждая пара суждений в их составе отражает два направления в поведении: на принятие или непринятие ценности, составляющей основу содержания блока (структурного звена самосознания).

Блок А «Я + имя собственное»

Содержит ценности собственного «Я», отражает профиль поведения, направленного на самоотвержение или самопринятие.

Линия поведения, ориентированная на самопринятие, характеризуется чувством собственного достоинства, уверенностью в себе, готовностью к социальному взаимодействию.

Линия поведения, ориентированная на самоотвержение, предполагает чувство неполноценности, убежденность в своей непривлекательности для окружающих.

Самоотвержение - Самопринятие		
1.	Старается быть незаметным, внешне пассивен	Активен, все время на виду
2.	Не проявляет интереса к жизни подразделения, групповым формам работы, взаимодействия с другими сотрудниками	Проявляет интерес к жизни подразделения, принимает активное участие в обсуждении значимых вопросов, взаимодействует с другими сотрудниками
3.	Круг общения ограничен, мнение о себе зависит от окружающих	Свободно общается с другими сотрудниками, прислушивается к их мнению о себе, самокритичен
4.	Избегает общения, замкнут	Активно общается, проявляет инициативу в общении

5.	В общении с начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет беспокойство, теряется, часто сбивается	В общении с начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет уверенность и сосредоточенность, соблюдает субординацию
6.	Болезненно переживает критические замечания в свой адрес и затруднения в служебной деятельности	Спокойно относится к критическим замечаниям в свой адрес, затруднения в служебной деятельности воспринимает спокойно, оценивает как преодолимые
7.	Уверен в своей непривлекательности, неинтересности для окружающих, избегает обращения за помощью, не проявляет инициативы в коллективных делах	Уверен в своей привлекательности для других, интересности для окружающих, расположен к оказанию и принятию помощи, проявляет инициативу в коллективных делах

Блок Б «Притязание на признание»

Содержит ценности притязания на успех и отражает профиль поведения, направленного на самоуничижение или самоуважение.

Самоуважение проявляется в стабильности, открытости в отношениях с другими сотрудниками, уверенности в своих поступках.

Самоуничижение характеризуется повышенной тревожностью, самообвинением, страхом брать ответственность на себя, страхом потери признания значимыми окружающими, что побуждает человека изменять самого себя.

Самоуничижение - самоуважение		
8.	Желает, но не может быть объектом внимания, вызывать к себе интерес, чаще ожидает сочувствия	Склонен производить впечатление, в коллективе является яркой личностью
9.	В сложных ситуациях ведет себя осторожно, теряется, переключает свое внимание с достижения цели на личные переживания	В сложных ситуациях мобилизуется, стремится достигнуть цели
10.	Старается оправдать ожидания начальников (руководителей), соответствовать их требованиям, угадывать их желания	Стремится достичь максимальных результатов в служебной деятельности

11.		Страх «потерять лицо» перед другими сотрудниками повышает личную ответственность, активность
12.		Считает себя предрасположенным к службе в органах внутренних дел, неудачи компенсирует игнорированием того, что у него не получается
13.		Страх быть отвергнутым мотивирует к развитию личных и профессиональных качеств
14.		При наличии соперничества между сотрудниками в подразделении сосредотачивается на собственных силах и возможностях, дисциплинирует себя
15.	Страх «потерять лицо» перед другими сотрудниками приводит к повышению веселости, шутливости, подыгрыванию окружению	
16.	Считает службу в органах внутренних дел для себя чуждой, направляет усилия на поддержание отношений с другими сотрудниками, а не на выполнение служебных обязанностей	
17.	Страх быть отвергнутым побуждает, подстраиваться под тех, кто проявляет хоть какой-то интерес к нему, самоизменяться	
18.	При наличии соперничества между сотрудниками в подразделении проявляет тревожность, неуверенность в своих силах	

Блок В «Половая идентификация»

Содержит ценности и линии поведения, направленные на самореализацию или на подавление других. Им соответствует профиль поведения, направленного на самовыражение в превосходстве или в добродетели. Самовыражение в превосходстве проявляется в презрении и подавлении других сотрудников, желании влиять на них, признании позиции силы определяющей. Самоуважение в добродетелях предполагает уверенность в своих силах и уважение других, ориентацию на справедливость и порядочность.

Самовыражение в превосходстве – самовыражение в добродетелях		
19.	Старается быть важной фигурой в подразделении, от помощи другим уклоняется, проявляет скупость	Расположен к оказанию помощи другим, делиться тем, что умеет и знает, чем обладает
20.	Склонен высмеивать других, подшучивать над их недостатками	К другим сотрудникам проявляет уважение, справедливое отношение
21.	Неуспех воспринимает агрессивно, выражает несогласие оценкой результатов работы, проявляет завистливость и злопамятство	Способен признать собственный неуспех, радуется достижениям других сотрудников, склонен миролюбиво разрешать разногласия
22.	Проявляет недоверие к другим сотрудникам, скрытность, неискренность	Проявляет добродушие доверие открытость и искренность в общении с другими сотрудниками
23.	Обидчивый, конфликтный, открыто выражает недовольство по любому поводу	Проявляет отходчивость, бесконфликтность
24.	Склонен к подавлению окружающих, жесткий	Не терпит насилия над собой и над другими
25.	Игнорирует просьбы других сотрудников	Проявляет внимание к просьбам других сотрудников

Блок Г «Психологическое время личности»

Содержит ценности индивидуального психологического времени: прошлого, настоящего и будущего и отражает профиль поведения, ориентированного на саморазвитие или самоограничение.

Саморазвитие характеризуется целеустремленностью, активностью, самостоятельностью, стремлением к развитию собственных способностей.

Самоограничение проявляется в безразличии к службе, пассивности, отсутствии волевых усилий, некритичном отношении к себе.

Самоограничение - саморазвитие		
26.	В недостижении желаемых результатов в служебной деятельности обвиняет всех, кроме себя: других сотрудников, обстоятельства или завышенные требования начальника (руководителя)	Критично и адекватно ситуации оценивает свои достижения
27.	Проявляет безответственность	Проявляет требовательность к себе
28.	Сосредоточен на личных достижениях и переживаниях, в служебной деятельности не стремится к самореализации	Видит в своих достижениях не только свои заслуги, но и заслуги других сотрудников, стремится в служебной деятельности к самореализации
29.	Имеет узкий или ограниченный круг интересов	Имеет широкий круг интересов
30.	Профессиональная деятельность не является ценностью	Личные перспективы связывает с достижениями в служебной деятельности
31.	Служебную деятельность воспринимает как деятельность с большим количеством обязанностей и ограничений	Относится к служебной деятельности как к важному и ответственному делу
32.	В служебных делах и в подразделении проявляет сильную зависимость, приспособление	В служебных делах и в подразделении проявляет инициативу и самостоятельность

Блок Д «Социальное пространство личности»

Содержит ценности индивидуального социального пространства и притязание на место в служебном коллективе. Им соответствует профиль поведения, направленный на самоутверждение в защите или в самораскрытии.

Самоутверждение в защите проявляется в чувстве враждебности, упрямстве, эгоистичности, расчетливости, боязни сложных ситуаций.

Самоутверждение в самораскрытии характеризуется порядочностью, открытостью, дружелюбием, предполагает заслуженный авторитет в коллективе.

Самоутверждение в защите – самоутверждение в самореализации		
33.	В служебной деятельности боится выглядеть беспомощным, помощь других сотрудников игнорирует, стремиться избегать ответственности	В служебной деятельности проявляет усердие, не боится нести ответственность за свои дела и поступки
34.	В отношениях начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет излишнее упрямство	В отношениях начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет дипломатичность
35.	В конфликтных ситуациях проявляет эгоистичность и напористость	В конфликтных ситуациях проявляет деликатность
36.	В отношениях с другими сотрудниками проявляет расчетливость	В отношениях с другими сотрудниками проявляет порядочность
37.	Проявляет властность в дружеских отношениях	Проявляет дружелюбие и доброжелательность
38.	Склонен в поведении к авантюризму, подвержен негативному влиянию	Имеет твердые убеждения, проявляет устойчивость к негативному влиянию
39.	Проявляет деспотичность и стремится к обесцениванию других	Проявляет великодушие и уважение прав других сотрудников

Блок Е «Ценностное отношение к жизни»

Содержит признание жизни как личной ценности и выражается в поведении, направленном на саморазрушение или самосохранение.

Самосохранение рассматривается как поведение, соответствующее самоосуществлению человека, достижению его биологического, психологического и социального благополучия и направленное на сохранение, рост и развитие личности.

Саморазрушение – как поведение, противоречащее самоосуществлению человека, достижению его биологического, психологического и социального благополучия и направленное на саморазрушение тела и личности.

Саморазрушение - самосохранение		
40.	В поступках придерживается собственных взглядов на ценности и правила поведения, отличающиеся от общепринятых	В поступках придерживается общепринятых взглядов на ценности и правила поведения
41.	Не имеет ни одно дело, которое считает делом жизни	Имеет одно или несколько дел, которые считает делом (делами) жизни
42.	Трудится на пределе и сверх своих возможностей	Трудится в меру своих возможностей
43.	Имеет вредные для здоровья привычки	Не имеет вредных для здоровья привычек
44.	Правила личной безопасности игнорирует, пренебрегает установленными требованиями	Правила личной безопасности соблюдает, следует установленным требованиям
45.	Во взаимоотношениях с другими сотрудниками стремится отстаивать свои принципы (даже во вред себе), способен на провокации, склонен к поведению «назло»	Во взаимоотношениях с другими сотрудниками ведет себя корректно и конструктивно
46.	Достижения связывает с удачным течением обстоятельств, а неудачи – со своими неправильными действиями	Достижения связывает со своими правильными действиями, а неудачи – со течением обстоятельств

Смысловое содержание блоков и направления поведения, принятые за основу, в перечне вопросов, выдаваемых респондентам и наблюдателям, не раскрываются (для удобства ориентации в стимульном материале указывается только их условное наименование: А, Б, В, Г, Д, Е).

Так как основные параметры наблюдения задаются стандартом, изложенным в перечне вопросов, наблюдение считается неполным. Вместе с тем, в методике учтена и индивидуальность наблюдаемых ситуаций: графа в нижней части карт рефлексивного наблюдения позволяет указать формы поведения сотрудника, которые по мнению наблюдателей (или самого наблюдаемого) имеют значение (но не охвачены типологией, изложенной в перечне вопросов).

Оценка поведения сотрудника осуществляется по анкете (приложение 1) фиксируется путем выставления точки в строке карты рефлексивного наблюдения (приложение 3), соответствующей номеру суждения из перечня вопросов. По окончании ее заполнения между точками проводятся соединительные линии. Полученный рисунок соответствует общему профилю поведения сотрудника по мнению наблюдателей и с его собственной точки зрения. Профиль характеризует поведение наблюдаемого сотрудника во взаимосвязи с содержанием структурных звеньев его самосознания (по содержанию суждений из перечня вопросов). Отклонение профиля поведения в сторону отторжения ценности указывает на актуальные направления политико-воспитательной работы с сотрудником; в сторону принятия ценности – на положительные стороны в поведении сотрудника, которые могут служить опорой в воспитательном процессе.

Оценки наблюдателей (или наблюдателей и сотрудника) соотносятся на отдельной карте рефлексивного наблюдения. Результаты могут показать значительные расхождения во взглядах разных наблюдателей или наблюдателей и сотрудника: они будут видны визуально из положения и характера начертания профилей, составленных по результатам наблюдения и являться основанием для постановки педагогической задачи, так как причиной этого может быть неадекватная оценка поведения сотрудника одним из участников наблюдения (в том числе, и рефлексия своего поведения самим сотрудником).

Важно отметить, что если методика предлагается для работы самому сотруднику (приложение 2), то заполнение им карты рефлексивного наблюдения должно происходить в присутствии педагога: выдача стимульного материала на руки исключается. Среднее время на заполнение карты занимает до 15 минут.

Одной из методик, позволяющих выявлять сотрудников, ставших мишенью провокационного воздействия, имеющих когнитивные искажения и изменения в поведении является Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма. Ее содержание представлено в приложении 4.

ГЛАВА 2. ДЕВИАНТНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОВОКАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

2.1. Провокационное воздействие на сотрудника органов внутренних дел: цели и контексты

Актуальность изучения девиантных и деструктивных последствий воздействия на сотрудника органов внутренних дел обусловлена несколькими контекстами, отражающими значение органов внутренних дел для обеспечения национальной безопасности.

Для этого можно выделить несколько направлений анализа: во-первых, как воздействие на один из институтов государственной власти, как посягательство на функционирование федерального органа власти в сфере правоохранительной деятельности, и, наконец, как воздействие на государственного служащего, замещающего должность в системе органов внутренних дел и выполняющих соответствующие функции. Современные формы информационного противоборства всё чаще принимают характер целенаправленного воздействия на сознание и поведение ключевых профессиональных групп, включая сотрудников правоохранительных органов. В условиях цифровизации и роста роли социальных медиа такие воздействия становятся всё более изощрёнными, а их последствия – более опасными для государственной безопасности и общественного порядка.

Когнитивная война, понимаемая как стратегия манипулирования сознанием с целью изменения восприятия, ценностей и поведения целевых групп, представляет собой особый вид информационно-психологического противоборства, который активно используется для дестабилизации государственных институтов. Сотрудники органов внутренних дел, будучи важным элементом системы государственной безопасности, становятся одной из приоритетных мишеней такого воздействия. В данной главе через призму теорий когнитивной войны рассматриваются механизмы, цели и последствия провокационного воздействия на личный состав ОВД, а также предлагаются направления развития теории, методологии и практики противодействия этим угрозам.

Концепция когнитивной войны получила широкое распространение в последние годы в западных исследованиях¹. В докладе «Когнитивная война» она определяется как война, целью которой является «изменение восприятия, мышления и поведения противника»². Авторы подчёркивают, что это воздействие направлено не столько на информацию как таковую, сколько на когнитивные процессы её обработки, то есть на то, как человек думает. Еще одна трактовка цели когнитивной войны заключается в завоевании «когнитивного превосходства» (cognitive dominance), то есть способности контролировать или деформировать информационную и смысловую среду противника, влияя на его решения и поведение на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях [³, с. 12–15]. Наконец, в третьей интерпретации, когнитивная война осуществляется на уровне глубинных структур сознания, манипулируя восприятием, эмоциями и поведенческими паттернами⁴. Она ориентирована на формирование устойчивых когнитивных искажений, приводящих к принятию решений, выгодных агрессору.

Анализ зарубежных исследований показывает, что когнитивная война – это научно-военная концепция, объясняющая как закономерности познавательной деятельности индивида могут использоваться для нарушения, прерывания или влияния на процесс принятия им решения⁵. Данный вид воздействия рассматривается в виде шестого театра военных действий, наряду с существующими (наземным, воздушным, водным, космическим и пр.)⁶. Вместе с тем концепция когнитивной войны развивает предложенное еще в начале XIX века Карлом Фон Клаузевицем толкование сущности войны – подчинение противника своей воле

¹ Kott, A., Corpac, P. S., & Albright, L. D. An Introduction to Cognitive Warfare. In *Cognitive Warfare: An Attack on Knowledge and Knowing* (pp. 43–62). NATO STO, 2021.

² Клузель Ф. Когнитивная война // Innovation Hub Warfighting 2040 Project Report [Электронный ресурс]. NATO, 2020. URL: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

³ Munoz, J. R. The Cognitive Domain: The Next Battlespace. Joint Force Quarterly, 2020, 97, 10–19.

⁴ Kolobara R. Information Operations as a Means of Cognitive Superiority-Theory and Term Research in Bosnia and Herzegovina (Volume 24, No. 2, 2023.).

⁵ Claverie B., Du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // Innovation Hub Sponsored by NATO Allied Command Transformation. – 2022. – Т. 2.

⁶ Le Guyader H. Cognitive domain: A sixth domain of operations // Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. – 2022. – С. 3, 1-5.

посредством достижения физического или морального превосходства над ним¹. В настоящее время подобное подчинение достигается целенаправленным информационным воздействием, оказываемым одной стороной противоборства на другую. В отличие от «гибридной войны»², «информационной войны»³ или «ментальной войны»⁴, объектом воздействия в ходе когнитивной войны выступают процессы восприятия, обработки и использования информации личностью.

В контексте воздействия на сотрудников ОВД это проявляется в попытках спровоцировать неадекватные действия, подорвать моральный дух, дискредитировать правоохранительную систему и вызвать раскол в обществе.

В российской научной традиции близким понятием является «ментальная война», которая трактуется как агрессивное комплексное воздействие, нацеленное на информационное поле, образование и воспитание, с целью изменения исторического самосознания и базовых ценностей общества А. М. Ильницкий выделяет оперативные цели такой войны, включающие «атаки на сложившийся стиль жизни, вытеснение существующих норм поведения, делигитимацию власти, раскол общества»⁵. Именно эти цели прослеживаются в провокационном воздействии на сотрудников органов внутренних дел. Деструктивный эффект, оказываемый на сотрудника многократно превышает таковой у рядового гражданина. Его полномочия, доступ к информации и, что, символический статус «защитника правопорядка» превращают его в мощный резонатор негативных последствий провокации. В подобной диспозиции, один неадекватный поступок, совершенный под влиянием провокации (например, немотивированная жестокость, заснятая на видео, или утечка сфабрикованных «сенсационных» данных), мгновенно

¹ Клаузевиц, К. фон. О войне: [перевод с немецкого] / К. Клаузевиц. Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард, 2007. - 861 с.

² Бартош, А. А. «Трение» и «износ» гибридной войны / А. А. Бартош // Военная мысль. – 2018. – № 1. – С. 5-13.

³ Алексеев, А. П. Информационная война в информационном обществе / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 5-14.

⁴ Алаудинов, А. А. Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны / А. А. Алаудинов, А. В. Манойло // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14, № 2(102). – С. 583-591. – DOI 10.35775/PSI.2024.102.2.021.

⁵ Ильницкий, А. М. Ментальная война / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19-33.

тиражируется в медиапространстве, наносящая репутационный ущерб не только конкретному ведомству, но и государственной власти в целом. Сотрудник становится «доказательством», используемым для радикализации общества, подрыва доверия к институтам государственной власти.

Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства показывает, что когнитивная (ментальная) война представляет собой эволюцию классических информационных и психологических операций, обогащённую новейшими цифровыми технологиями¹. Её ключевой особенностью является фокус на «взломе личности» – использовании технологий для глубокого понимания психики, прогнозирования поведения и манипуляции сознанием². Этот подход стал возможен благодаря конвергенции нейронаук, искусственного интеллекта, анализа больших данных и социальной инженерии. В целом, когнитивная война характеризуется как форма неконвенционального воздействия, направленная на изменение когнитивных процессов, ценностных установок и принятия решений у целевой аудитории.

Как отмечается в исследованиях, её цель – «атаковать, эксплуатировать, унижать или даже разрушать то, как кто-то строит свою собственную реальность, свою ментальную уверенность в себе, своё доверие к процессам и подходам, необходимым для эффективного функционирования групп, обществ или даже наций»³. Применительно к сотрудникам органов внутренних дел это подразумевает целенаправленное влияние на их самосознание, морально-психологическое состояние, лояльность к руководству и государству. Провокационное воздействие в парадигме когнитивной войны осуществляется в виде целенаправленной, скрытой деятельности, нацеленная на индукцию у объекта (индивида или группы) эмоционально заряженных, им-

¹ Выходец, Р. С., Панцеров, К. А. (2022). Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства. Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 16(4), 139–148.

² Клужель Ф. Когнитивная война // Innovation Hub Warfighting 2040 Project Report [Электронный ресурс]. NATO, 2020. URL: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

³ Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / Eds. B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler and F. Du Cluzel. Bordeaux: INP, 2022. № 2 – 2. P. 2–3.

пульсивных и деструктивных поведенческих реакций, которые выгодны инициатору воздействия и вредны для объекта и его социального окружения¹.

Когнитивная война рассматривается исследователями в разных терминологических рамках:

1. Ментальная война – воздействие на мировоззрение, идентичность и отношение к своей стране. Для сотрудника органа внутренних дел это может выражаться в навязывании представлений о несправедливости системы, которую он защищает, о «предательстве» со стороны руководства, о бессмысленности службы².

2. Когнитивная (познавательная) война – влияние на способы мышления, образование, аналитические способности. Здесь используется дезинформация, фейки, глубокие подделки (deepfake), которые ставят под сомнение оперативную информацию, приказы, легитимность действий³.

3. Смысловая война – подмена ценностных ориентиров: служение обществу подменяется потребительством, карьеризмом, цинизмом⁴.

4. Психо-семантическая война – дискредитирующая значение правоохранительных органов, формирования негативного образа «карательной системы» и отчуждения сотрудников от традиций ведомства.

Для их отличия следует подчеркнуть, что, хотя цель когнитивной войны не отличается от других видов информационного противоборства и предполагает захват контроля над решениями и действиями населения, ее методы носят конкретно психологический характер. Объясняется это тем, что они нацелены на изменение когнитивных процессов, а не на распространение информации (как это осуществляется в рамках информационной войны) и не предполагают изменение социальной,

¹ Свенцицкий, А. Л. Психология манипулятивного воздействия в условиях социальной нестабильности. *Вопросы психологии*, 2017, (4), 75–85.

² Овчинский А.С. Угрозы информационной безопасности в условиях ментально-когнитивных войн // *Информация и безопасность*. 2023. Т. 26, вып. 3. С. 313–320.

³ Базавлук С.В., Ковалев А.А. Информационное противоборство в многополярном мире // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2025. Т. 25, № 2. С. 236–250.

⁴ Овчинский А.С. Угрозы информационной безопасности в условиях ментально-когнитивных войн // *Информация и безопасность*. 2023. Т. 26, вып. 3. С. 313–320.

этнической или религиозной идентичности (реализуется в рамках ментальной войны). Кроме того, поскольку суть рассматриваемых разновидностей войн заключается в манипулировании информацией, для когнитивной войны характерен акцент на когнитивной трансформации представлений, влияющих на социальное поведение человека¹.

К примеру, изменение представлений относительно значения религии в обществе позволяет повышать степень радикализации общества². В частности, популяризация идеи об исключительности верующих, их превосходстве над неверующими и правильности клерикализации государственных институтов неизбежно поляризует население страны. Следствием этих действий может выступить рост конфликтов между группами населения, различающимися уровнем религиозности, а также столкновений представителей разных религиозных конфессий. В условиях недостаточного оперативного вмешательства сил охраны правопорядка возникший социальный конфликт приобретает государственный масштаб.

Применительно к сотрудникам ОВД стратегия провокации войны может осуществляться на нескольких уровнях воздействия:

1. Индивидуально-психологический: направлен на деформацию профессионального самосознания, ценностных ориентаций, формирование чувства тревоги, неопределённости, профессионального выгорания.

2. Групповой: нацелен на подрыв сплочённости коллектива, размывание чувства принадлежности к единой профессиональной корпорации, формирование конфликтов внутри системы.

3. Социально-символический: ставит целью делегитимацию органов внутренних дел в глазах общества, разрушение доверия между населением и полицией, что, в свою очередь, негативно сказывается на самооценке и мотивации сотрудников.

4. Информационно-оперативный: предполагает использование дезинформации и провокаций для принятия сотрудниками неверных решений, совершения ошибок, ведущих к дискредитации ведомства.

¹ Кулягин И.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа формирования личности, устойчивой к влиянию террористической и иных деструктивных идеологий // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 2 (33). С. 7-16

² Злоказов, К. В. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны / К. В. Злоказов, А. Г. Караяни, Н. С. Прокурова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27, № 3(90). – С. 246-256.

Цели такого воздействия, вытекающие из логики когнитивной войны, соответствуют стратегическим задачам ослабления государства-противника: деморализация личного состава, снижение оперативной эффективности, провокация на незаконные или дискредитирующие действия, подрыв доверия населения к правоохранительной системе в целом.

Классические методы вербовки, основанные на компромате или финансовой зависимости, в условиях когнитивного противоборства все чаще дополняются или заменяются высокотехнологичными провокациями. Развитие технологий Big Data и искусственного интеллекта позволяет потенциальному противнику перейти от точечных атак к массовому сканированию личного состава на предмет уязвимостей. Алгоритмы могут анализировать психологические профили, выявлять сотрудников, переживающих финансовые трудности, семейные кризисы, проблемы с адаптацией или проявляющих признаки демотивации. На основе этого анализа возможна генерация персонализированного контента – фейковых новостей, фейк-сообщений с измененной внешностью собеседника (deepfakes), провокационных сообщений в социальных сетях, – которые с максимальной вероятностью вызовут нужную реакцию: гнев, страх, жадность, чувство несправедливости. Таким образом, провокационное воздействие становится масштабируемым, дешевым и эффективным оружием.

Противник, используя данные цифрового следа (социальные сети, интересы, круг общения), может создать для сотрудника детально проработанную альтернативную реальность. Например, посредством сфабрикованной переписки может быть сформировано устойчивое убеждение, что начальник является коррупционером или агентом влияния, а коллеги участвуют в заговоре.

В такой ситуации сотрудник, движимый (с его точки зрения) благородными побуждениями – защитой закона, службы или справедливости, – совершает действия, объективно наносящие ущерб системе. Он становится орудием в руках манипулятора, оставаясь в полной уверенности, что действует самостоятельно и правильно. Для органов внутренних дел это качественно новый уровень угрозы, против которого бессильны традиционные системы проверки благонадежности.

Провокационное воздействие на сотрудников ОВД реализуется через комплекс взаимосвязанных концепций и технологий, которые могут быть систематизированы следующим образом:

1. Концепция «перенапряжения и разбалансирования» (Overextending and Unbalancing). Эта стратегия предполагает создание для государства-цели множества кризисных ситуаций и проблем на разных направлениях, чтобы заставить его тратить ограниченные ресурсы и принимать неоптимальные решения¹. В применении к личному составу органов внутренних дел это выражается в:

– создании постоянного информационного шума и ложных угроз: массированные кампании в социальных сетях, распространяющие недостоверную информацию о готовящихся «массовых беспорядках», «терактах» или «противозаконных действиях самих полицейских». Это вынуждает руководство перераспределять силы, держать личный состав в состоянии постоянной мобилизации, что ведёт к физическому и психологическому истощению.

– провокация на силовое реагирование: организация акций с внедрением агентов-provokatorov, целью которых является спровоцировать сотрудников на применение силы. Полученные кадры затем используются в медиа для создания нарратива о «жестокости полиции».

– эскалация критики и давления: координированные атаки в медиапространстве, направленные на постоянную критику действий органов внутренних дел, гиперболизированное привлечение внимания к отдельным ошибкам.

2. Концепция «деконструкции профессиональной идентичности». Основана на теориях социальной психологии и информационного воздействия, направлена на размывание ключевых компонентов профессионального «Я» сотрудника ОВД:

– подрыв ценностно-смысловой основы служебной деятельности: через нарративы о «коррупцированной системе», «служителях режима», «карательном аппарате» осуществляется перекодирование положительной ценности служения закону и обществу в негативную. Как

¹ Overextending and unbalancing Russia: assessing the impact of cost-imposing options [Электронный ресурс] : report / J. Dobbins [et al.] ; RAND Corporation. Santa Monica (Calif.) : RAND Corp., 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения: 09.09.2025).

отмечает А. Н. Медушевский, когнитивная война ведётся за «пространство смыслов», и победа в ней означает «имплантацию» новой легитимности¹.

–обесценивание символов и ритуалов: публичное осквернение, порча символики органов внутренних дел (знаков отличия, формы), высмеивание ритуалов в целях снижения их значения и утраты смысла.

–создание когнитивного диссонанса: сотруднику одновременно навязываются противоречащие друг другу установки: «ты должен защищать людей» и «народ тебя ненавидит»; «ты действуешь по закону» и «твой закон – неправова́й». Разрешение этого диссонанса может идти по пути отторжения одной из установок, что часто ведёт к разочарованию в службе.

3. Технологии целевой цифровой обработки (Digital Targeting). Используют возможности социальных сетей и больших данных для персонализированного воздействия:

- микропрофилирование: анализ цифровых следов сотрудников (или их родственников) в социальных сетях для выявления психологических уязвимостей, ценностей, интересов. На основе этого создаются персонализированные информационные «пули» – сообщения, мемы, видео, которые с высокой вероятностью вызовут нужную эмоциональную реакцию (гнев, страх, обиду, сомнение).

–применение методов «фильтрующих пузырей» (Filter Bubbles) и «эхо-камер» (Echo Chambers): алгоритмы социальных сетей, настроенные на вовлечение, начинают показывать сотруднику (группе сотрудников), проявившему интерес к критическим материалам, всё больше контента, подтверждающего негативные стороны деятельности органов внутренних дел и подрывающего веру в руководство. В результате сотрудник оказывается в информационной изоляции, где его точка зрения постоянно «подтверждается» негативными фактами.

–использование deepfake и синтетических медиа: создание поддельных аудио- и видеозаписей, изображающих, как коллеги или начальство обсуждают «предательство», «некомпетентность» или «противозаконные приказы» своего руководства.

4. Технологии социальной инженерии и рефлексивного управления:

¹ Медушевский, А. Н. (2023). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 2). *Вопросы теоретической экономики*, (3), 92–107.

– фишинг-атаки с целью получения доступа к служебной информации или компрометации сотрудника через социальные сети: создание фейковых профилей для установления контакта с сотрудником, его вербовки или провокации на разглашение служебной информации, совершение противоправных действий;

– организация ситуаций морального выбора: создание ситуаций, в которых сотрудник, действуя строго по инструкции, оказывается в роли «бесчеловечного» исполнителя в глазах общественности (например, задержание «активиста»);

– фабрикация медиа контента сериалов, фильмов, где полицейские показаны как коррумпированные, циничные или некомпетентные фигуры;

– создание «альтернативных» историй о работе органов внутренних дел, где акцент делается на ошибках, а не на достижениях;

– формирование образа «успешного ухода» из системы – истории о бывших сотрудниках, которые «нашли себя» в альтернативных видах занятости и переосмыслили значение службы в органах внутренних дел.

Ожидаемым результатом провокационного воздействия на личный состав ОВД является не просто ослабление отдельного ведомства, а подрыв доверия к государству как к институту, что соответствует общей логике глубинной информационной войны, направленной на цивилизационное поражение России¹. В контексте воздействия на личный состав органов внутренних дел это превосходство стремится подорвать взаимосвязанные характеристики профессионального самосознания:

– когерентность профессионального самосознания (связность и логичность профессиональной картины мира) сотрудника органа внутренних дел,

– устойчивость ценностей и смыслов сотрудника органов внутренних дел, обеспечивающую когнитивный базис критического отношения к провокационному воздействию, нацеленному на снижение значимости профессиональной деятельности;

– профессиональную идентичность, обеспечивающую психоэмоциональное переживание принадлежности к органам внутренних дел и порождающее групповую сплоченность сотрудника.

¹ Овчинский А.С. Угрозы информационной безопасности в условиях ментально-когнитивных войн // Информация и безопасность. 2023. Т. 26, вып. 3. С. 313–320.

Провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел перестало быть набором разрозненных инцидентов и превратилось в системную, технологически оснащённую стратегию подрыва государственности. Противодействие ей требует адекватного ответа на теоретическом, методологическом и практическом уровнях.

В области теории противодействия провокационному воздействию целесообразно:

1. Развитие отечественной теории когнитивной (ментальной) безопасности органов внутренних дел. С этой целью требуют адаптации отечественные концепции информационной и когнитивной безопасности^{1, 2}, созданы модели уязвимостей сознания сотрудников ОВД в зависимости от различных типов информационно-психологических атак и провокационных воздействий.

2. Концептуализация «когнитивного иммунитета» органов внутренних дел. Требуется разработать теоретические основы устойчивости коллективного сознания ОВД к манипуляциям, основанные на формировании внутренней смысловой и ценностной резистентности. С этой целью научной разработке должны быть подвергнуты когнитивные профили сотрудников ОВД в зависимости от возраста, опыта, должности для выявления наиболее уязвимых групп, концептуализированы модели управления в условиях когнитивного воздействия применительно к оперативно-служебной деятельности, оценено влияние цифровых экосистем (соцсети, мессенджеры, игровые платформы) на сознание сотрудников органов внутренних дел.

В области методологии противодействия провокационному воздействию, видится необходимой:

1. Разработка методов диагностики и мониторинга когнитивных атак. Должны быть разработаны принципы и методологические основы системы выявления провокационного воздействия, способные «определить начало когнитивной информационной кампании и проследить её осуществление»³.

¹ Ильницкий, А. М. Ментальная война / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.

² Медушевский, А. Н. (2023). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 2). *Вопросы теоретической экономики*, (3), 92–107.

³ John Hopkins University & Imperial College London. (2021). Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience. NATO Review. Retrieved from

2. Создание методологии оценки психологического состояния и устойчивости личного состава органов, организаций и подразделений МВД России перед провокационными воздействиями.

3. Формирование методология расследования провокационных воздействий на сотрудников органов внутренних дел через призму их представления в информационном пространстве. Она позволит создать специализированные инструменты мониторинга информационного пространства на предмет выявления целенаправленных кампаний против личного состава, установления их инфраструктуры и блокирования.

В области практической работы с личным составом нуждаются в разработке:

1. Методические основы психологической подготовки и поддержки, направленная на общекультурное развитие, формирование критического мышления, медиаграмотности, знаниевых основ профессиональной идентичности. Сотрудники должны понимать механизмы манипуляции, уметь распознавать информационные провокации и техники социальной инженерии.

2. Генерация позитивной информации о деятельности органов внутренних дел для всех категорий населения. Противодействие делегитимации через системную работу по формированию позитивного образа службы в органах внутренних дел, освещение реальных достижений и героизма сотрудников, быстрый и грамотный ответ на фейки и провокации в медиaprостранстве. Развитие ведомственных медиа, производство собственного контента (кино, сериалы, документалистика), героизирующего службу в ОВД и формирующего положительное отношение¹.

3. Создание специализированных подразделений информационно-психологического противодействия в структурах МВД в целях анализа состояния и мер противодействия, прогнозирования и проведения пропагандистских и контрпропагандистских кампаний, разработка упреждающих мер защиты личного состава.

Подводя итоги, сформулируем основные выводы. В условиях стремительной цифровизации и трансформации информационного пространства сотрудники органов внутренних дел оказываются в зоне

<https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.htm>.

¹ Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. Кино – инструмент когнитивной войны // Обозреватель–Observer. 2024. № 1. С. 41–57.

повышенного риска провокационного воздействия, направленного на их сознание, профессиональное поведение и лояльность.

Показано, что адекватное восприятие провокационного воздействия в целях объективной оценки его воздействия на сотрудника органа внутренних дел может осуществляться в контексте парадигмы когнитивной войны. Когнитивная война рассматривает человека не как физическую единицу, а как «когнитивную платформу», подверженную ошибкам восприятия, эмоциональным манипуляциям и информационным вирусам. В этом контексте провокация является средством деструктивного воздействия на сотрудника, служебный коллектив и социальное окружение.

В данном параграфе были рассмотрены теоретические основы когнитивной войны, механизмы её применения к сотрудникам ОВД, а также предложим направления развития теории, методологии и практики противодействия. Она описывается как современная форма геополитического противоборства, цель которого заключается не в физическом уничтожении противника, а в изменении его мышления, ценностей и решений. Когнитивная война использует комплекс методов: от информационно-психологического давления до технологий искусственного интеллекта и социальной инженерии. Для сотрудников ОВД, как носителей особых полномочий и репрезентирующих функции государственной власти, такое воздействие может иметь катастрофические последствия – от потери профессиональной дееспособности до внутренней дестабилизации всей системы правопорядка.

Установлено, что противодействие провокационному воздействию в контексте когнитивной войны требует построения системы когнитивной безопасности органов внутренних дел. Эта система должна интегрировать глубокое теоретическое понимание угроз, современные методики их мониторинга и выверенные практики укрепления «когнитивного иммунитета» на индивидуальном, корпоративном и общественном уровнях. Также система должна быть основана на понимании психологических, социальных последствий угроз, современных методологиях их выявления и нейтрализации, а также на практических мерах, укрепляющих психологическую и профессиональную устойчивость личного состава органов внутренних дел. Только так можно сохранить дееспособность правоохранительной системы как одного из ключевых оплотов государственного суверенитета в условиях гибридных конфликтов XXI века.

2.2. Механизм провокационного воздействия и его особенности

Изучение провокации выходит за рамки академического интереса, приобретая практическую значимость в условиях цифровой трансформации общества и гибридных конфликтов. Сопровождая развитие человечества, провокация к настоящему времени эволюционировала от точечных акций дезинформации, порождения слухов и паники к одному из средств ведения когнитивной войны, вмешивающимся в сознание и поведение населения.

Исторически провокации против руководства страны служили целям дискредитации власти, дестабилизации населения и создания поводов для контроля или захвата страны. В современное время цели провокации не претерпели изменения, хотя ее тактики видоизменились, адаптировавшись к медийной и цифровой среде. В ранние исторические периоды провокация предполагала деятельность агентов в высших слоях власти, политических движениях и сообществах, задачей которых было внедрение, радикализация отдельных групп населения, организация неповиновения и насилия в отношении представителей власти.

Сегодня спектр провокационного воздействия расширился: активно применяются массовые ложные сообщения о минировании (телефонный терроризм), постановочные видео с якобы «неправомерным насилием» со стороны сотрудников полиции, где агрессивное поведение провоцируется специально для съемки, а также инициация потоков дезинформации в социальных сетях с целью формирования негативного общественного мнения и провоцирования массовых волнений. Данные действия направлены не только на конкретного сотрудника, но на подрыв легитимности и доверия к институту в целом.

С научной точки зрения, провокация представляет собой идеальную модель для исследования механизмов деструктивного воздействия на коммуникацию, социальные связи и индивида. К настоящему времени ее исследования образовали междисциплинарное поле, в котором сопрягаются когнитивная и прикладная лингвистика, социология и психология. В преломлении данных наук возникает возможность комплексного описания провокационного воздействия.

Методическая ценность сформированного междисциплинарного поля заключается в разработке интегративных диагностических критериев, а также методологий предупреждения и профилактики негативных последствий провокационного воздействия. Этот аспект прямо

связан с обеспечением национальной безопасности, общественного порядка и защиты институтов государства и общества от целенаправленных атак.

При всей актуальности изучения механизма провокации к настоящему времени не появилось ни одного полного и завершенного объяснения, которое бы удовлетворяло разнородности и сложности воздействия. В этой связи целесообразно рассмотреть предметное поле исследований, выделив среди образующих его подходов лингвистические, социологические и психологические теории провокации. Они предлагают наиболее разработанные объяснения сущности провокационного воздействия, давая трактовку его механизму, признакам и могут использоваться в прикладных целях предупреждения и профилактики негативных эффектов провокации в отношении сотрудников органов внутренних дел.

2.1. Лингвистический анализ провокации: от речевых актов к цифровым нарративам. Поскольку механизм провокации не получил в лингвистике целостного описания, следует отметить, что данный феномен изучается в контексте прагмалингвистики, теории речевого воздействия, дискурс-анализа и когнитивной лингвистики.

В лингвистике провокация первоначально рассматривается через призму теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, где она выступает как косвенный иллокутивный акт, чья прямая цель маскируется, но перлокутивный эффект (вывод из равновесия, провоцирование конфликта) является основным. С этих позиций провокация определяется как речевой акт с коммуникативным намерением вызывать определенное (провоцируемое) действие.¹ Еще одной прагмалингвистической трактовкой провокации выступает иллокативное вынуждение - когда говорящий демонстрирует в речи свое психологическое состояние с целью передать его собеседнику, заразить им собеседника и обусловить формирование у него аналогичного внутреннего состояния². Важную роль в характеристике провокационного воздействия теория имплицатур П. Грайса, согласно которой провокатор намеренно нарушает максимы общения (качества, количества, отношения, способа), заставляя адресата самому домыслить оскорбительный смысл, что снимает

¹ Козлов А. Е., Саженин И. И. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа //Science for Education Today. – 2015. – №. 5 (27). – С. 142-155

² Степанов В. Н. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики //Московский лингвистический журнал. – 2003. – Т. 6. – №. 2. – С. 157-180

с провокатора формальную ответственность. Более современные подходы включают теорию дискурса Т. ван Дейка, где провокация есть внедрение в публичное поле контрнарратива – упрощенной, эмоционально заряженной истории, предназначенной для взлома повестки дня и смещения фокуса внимания¹. В информационной среде это проявляется в создании фейковых новостей, которые мимикрируют под достоверный дискурс, используя лингвистические маркеры правдивости (псевдоцитаты, технические детали, модальность уверенности), но нацелены на быстрое вирусное распространение за счет шокирующего или поляризующего содержания.

В рамках теории языковой личности (Ю.Н. Караулов)² провокация интерпретируется как речевая стратегия, использующая «болевы́е точки» языкового сознания адресата – табуированную лексику, этнические или социальные стереотипы, – чтобы вызвать немедленную аффективную реакцию в обход критического мышления. В аспекте языкового манипулирования (А.П. Сковородников, И.А. Стернин) провокация трактуется как форма речевой агрессии, угрожающая безопасности собеседника³. Механизм провокации характеризуется набором тактик: от навешивания ярлыков и использования лексики с резкой негативной коннотацией до сознательного применения софизмов, эксплуатирующих не только формальную логику, но и естественные когнитивные паттерны категоризации и аргументации (например, прототипические эффекты).

Однако для понимания предпосылок эффективности провокационного воздействия необходимо обратиться к когнитивным механизмам, стоящим за языковыми структурами. Согласно теории фреймов⁴ и концептуальной метафоры⁵, провокация есть акт насильственной ре-

¹ Матыцина М. С. Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18. – №. 3. – С. 206-216.

² Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

³ Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. – 2016. – №. 1. – С. 42-50.

⁴ Fillmore C. J. et al. Frame semantics // Cognitive linguistics: Basic readings. – 2006. – Т. 34. – С. 373-400.

⁵ Lakoff G. Conceptual metaphor // Cognitive linguistics: Basic readings. – 2006. – Т. 34. – С. 185-238.

концептуализации, навязывания конфликтующего фрейма или метафорической модели для интерпретации ситуации (например, в ситуации противодействия массовым беспорядкам сотрудниками полиции фрейм «ЗАКОННОЕ ПРЕСЕЧЕНИЕ» подменяется фреймом «БЕССМЫСЛЕННАЯ ЖЕСТОКОСТЬ»). Эта стратегия непосредственно эксплуатирует уровень языковой личности, нацеливаясь на «болевые точки» её концептуальной системы – табуированные или гипертрофированные концепты, связанные с идентичностью, справедливостью, безопасностью.

Данный процесс можно смоделировать как построение провокатором гибридного ментального пространства, в котором реальные элементы смешиваются с эмоционально заряженными сценариями из других областей опыта объекта провокационного воздействия, что и порождает его аффективную реакцию¹.

В цифровой среде эти механизмы находят предельное выражение в фейковых новостях. Последние представляют собой не просто мимирию под достоверный дискурс, а сложные семантико-прагматические конструкции – сконструированные нарративные фреймы, обладающие высокой внутренней когерентностью и правдоподобием, достигаемым за счет соответствия ожидаемым когнитивным схемам и культурным сценариям целевой аудитории². В их создании и распространении используются лингвистические маркеры достоверности (псевдоцитаты, технические детали, способствующие повышению уверенности в подлинности информации, усиление модальности уверенности в ее передаче) что повышает вероятность ее признания подлинной.

2.2. Социологический ракурс: провокация как инструмент разрыва социальных связей. Социологический взгляд на провокацию базируется на теории социального взаимодействия И. Гофмана, где она понимается как умышленное нарушение ритуалов и атака на «лицо» (социальную репутацию и достоинство) индивида или группы, что ста-

¹ Fauconnier G., Turner M. Conceptual blending, form and meaning //Recherches en communication. – 2003. – Т. 19. – С. 57-86.

² Tsur R. Aspects of cognitive poetics //Cognitive Stylistics. – John Benjamins Publishing Company, 2008. – С. 279-318.

вит жертву в ситуацию вынужденного ответа под угрозой потери статуса¹. Через призму идей структурализма провокация в отношении сотрудников правоохранительных органов является вызовом социальному порядку, нарушение которого приводит к дисфункции институтов общества. Теория социального конфликта Л. Козера и Р. Дарендорфа² трактует провокацию как функциональный инструмент инициирования или эскалации конфликта для мобилизации своей группы, проверки прочности границ и легитимности оппонента. В таком ракурсе провокация выступает своеобразным способом тестирования социальных возможностей провокатора и его оппонента. Однако, легитимация провокации, например, в дискурсе критики власти снижает конфликтный потенциал и либо делигитимизирует провокацию, либо, напротив, позволяет индивидам, уравнивать свой статус провоцируя явно или скрыто побуждая оппонента к совершению определенных действий. Не менее важна для понимания социологической интерпретации провокации концепция общества спектакля Г. Дебора, согласно которой современная провокация – это прежде всего производство медиасобытия, шокирующего перформанса, рассчитанного на потребление через экраны³. Её цель – не физическое столкновение, а создание вирусного контента, живущего по законам вовлечения. Эту мысль развивает теория сетевого общества М. Кастельса, где провокация становится тактикой борьбы за внимание в цифровых потоках, а её успех измеряется не реальным ущербом, а охватом и резонансом в социальных медиа⁴.

Наряду со структурно-функциональными и интеракционистскими трактовками провокации, для описания механизма провокации необходимо обратиться к теориям и концепциям микро-социологического уровня. Они, в отличие от макро-концепций, позволяют прибли-

¹ Рябов М. А., Боченкова Н. А. Социальные аспекты анализа агрессивного сетевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2021. – Т. 5. – №. 2. – С. 170-178.

² Хайруллина И. Г. Теория социального конфликта по Р. Дарендорфу и её прикладное значение для анализа социальных процессов в обществе // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2021). – 2021. – С. 191-195.

³ Назаров М. М. Коммуникационное пространство как среда «общества спектакля» // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – №. 6. – С. 259-275.

⁴ Гладченко И. А. Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // Terra Linguistica. – 2019. – Т. 10. – №. 2. – С. 30-43.

зиться к пониманию сущности социальной реакции на провокационное воздействие, и, через соответствующую оптику, характеризовать и намерения провокатора и последствия для сотрудника органа внутренних дел. С этой целью нами привлекаются социально-когнитивные теории, объясняющие провокацию манипуляцией процессами социальной категоризации и идентификации. В рамках теории социальной идентичности¹ она служит инструментом активизации межгрупповых границ, переводя личный инцидент в плоскость конфликта «мы-группы» против «они-группы» (например, «законопослушные граждане» vs «каратели в погонах»). Это немедленно запускает механизмы стереотипизации и межгрупповой дискриминации, блокируя эмпатию и рациональную оценку. Структуралистский взгляд фиксирует, что провокация против сотрудника правоохранительных органов является вызовом институциональному порядку, но ключевым механизмом здесь выступает стратегический фрейминг². Провокатор осуществляет насильственное помещение действий института в деструктивный интерпретативный фрейм («произвол», «оккупация»), борясь за доминирование в поле социальных представлений³ – коллективного представления о справедливости и легитимности действий сотрудников органов внутренних дел. Несмотря на то, что социологическая теория социального конфликта справедливо видит в провокации функциональный инструмент эскалации для мобилизации сторонников и проверки границ. Однако легитимация провокации в публичном дискурсе (например, как «гражданского контроля») – это часть борьбы за фрейминг, которая может либо делегитимизировать её как вандализм, либо, напротив, повысить статус провокатора до «разоблачителя», символически уравнивая его с институциональным актором.

Через призму социологических интерпретаций провокации цифровые фейки выступают как оружие разрушения общего символического пространства, создавая параллельные, конфликтующие реально-

¹ Turner, J.C., Hogg, M.A., Oakes, P.J., Reicher, S.D., Wetherell, M.S. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1987.

² Snow D. A. et al. Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation // American sociological review. – 1986. – С. 464-481.

³ Moscovici S., Marková I. Presenting social representations: A conversation // Culture & psychology. – 1998. – Т. 4. – №. 3. – С. 371-410.

сти для разных социальных групп, тем самым углубляя расколы и атомизируя общество. С социально-когнитивной точки зрения, цифровая провокация – это управление впечатлениями для «воображаемой аудитории», рассчитанное на крипто-нормативный эффект: принуждение оппонента к изменению поведения под страхом символического наказания через виральный контент. Провокации в информационном поле выступают как оружие семиотического разрыва, создающее параллельные реальности. Они не просто информируют, а запускают процесс самокатегоризации, приводя в своем экстремуме к появлению «спирали молчания»¹ внутри групп, радикализируя позиции и подавляя разнообразие мнений. Таким образом, провокация работает как катализатор, переводящий латентные социальные расколы в актуальные и болезненные конфликты идентичности, разрушая общее символическое пространство и доверие, на котором зиждется социальная связь.

2.3. Психологические механизмы: от аффективного взрыва к управлению восприятием. Обращение к психологическим концепциям механизма провокации позволяет показать, что, начав разрабатываться в середине 40-х годов XX века в русле поведенческого подхода они к настоящему времени базируются преимущественно на когнитивных и социально-когнитивных теориях. Объяснение этому видится в усилении лингвистического подхода, которое изменило предмет психологического анализа с описания внешних изменений (в эмоциях и поведении) объекта провокационного воздействия на объяснение внутренних процессов (когнитивных процессов, ментальных схем), которые влияют на решения и поступки индивида.

Так базовым, но требующим расширения основанием когнитивных и социо-когнитивных трактовок провокации, является модель «Когнитивная оценка – Возбуждение – Аффект»², где провокация выступает в качестве стимула, оцениваемого как умышленно враждебный и несправедливый, что запускает каскад физиологического возбуждения, эмоции гнева и импульсивной поведенческой реакции. Данная модель выступает основанием для формирования нескольких объяснений провокационного воздействия. Ключевым элементом в них является враждебная атрибуция, то есть склонность приписывать действия провокатора его

¹ Noelle-Neumann E. The spiral of silence a theory of public opinion // Journal of communication. – 1974. – Т. 24. – №. 2. – С. 43-51.

² Reisenzein R. Varieties of cognition-arousal theory // Emotion Review. – 2017. – Т. 9. – №. 1. – С. 17-26.

злым намерениям¹, однако роль эмоционального состояния, которое возникает вследствие провокации и функциональное состояние когнитивных процессов нуждается в дополнительном объяснении.

Эмоциональное возбуждение, вызванное провокационным воздействием, мешает когнитивным функциям, связанным с контролем поведения (обдумывание последствий собственных действий, воспоминание о моральных нормах или переоценка намерений провокатора (например, учет смягчающих факторов). Такое когнитивное нарушение повышает вероятность агрессивного ответа. В рамках концепции «общей модели агрессии» (General aggression model, GAM)² отмечается, что провокация атрибутирует агрессию со стороны подвергшегося ей индивида, и, как следствие, продуцирует враждебный ответ на нее, вследствие высвобождения агрессивных моделей поведения. Следует подчеркнуть, что у сотрудников правоохранительных органов в условиях хронического профессионального стресса может формироваться перцептивная готовность к такой атрибуции, что служит фактором повышенной уязвимости к враждебной реакции на провокацию.

Более глубинные аспекты провокации затрагиваются в ряде когнитивных теорий «схем»³ согласно которой провокация предполагает целенаправленный конфликт с ведущими когнитивными схемами объекта, на которого направлено воздействие. Провокатор, по сути, занимается манипуляцией ментальными моделями (Johnson-Laird, 1983)⁴, заставляя жертву, в том числе и с помощью фейков, построить неверную внутреннюю модель ситуации, где он сам представлен как жертва или арбитр, а действия сотрудника – как неадекватные. Для сотрудника полиции таковыми являются схемы «законность» и «субординация». Нарушая их, провокатор создает мощный когнитивный диссонанс, разрешение которого через быструю аффективную реакцию кажется психике более простым выходом, нежели сложный рациональный анализ

¹ Dodge K. A. et al. Aggression and antisocial behavior in youth // Child and adolescent development: An advanced course. – 2008. – С. 437-472.

² Allen J. J., Anderson C. A., Bushman B. J. The general aggression model // Current opinion in psychology. – 2018. – Т. 19. – С. 75-80.

³ Emmott C., Alexander M. Schema Theory // The Routledge Companion to Literature and Cognitive Studies. – Routledge, 2025. – С. 83-96.

⁴ Johnson-Laird P. N. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. – Harvard University Press, 1983. – №. 6.

в стрессовых условиях. В таком ключе N. Miller с соавторами используется понятие «триггер», применяемое для описания агрессии, возникающей в ответ на провокационное воздействие¹. Иначе этот процесс описывается когнитивно-неоассоциативной моделью агрессии², где провокация активирует целую сеть взаимосвязанных в памяти мыслей, эмоций и поведенческих тенденций, связанных с гневом и агрессией, причем фрустрация от невозможности немедленно восстановить нарушенную профессиональную схему резко усиливает эту активацию.

Концепции психологического манипулирования³ рассматривает провокацию как прием целенаправленного воздействия, цель которого – вывести человека из состояния психического равновесия, «взломав» его психологические защиты через эмоциональный шок, чтобы сделать податливым для дальнейшего внушения. Этот процесс можно описать в терминах, предложенных J. Metcalfe и W. Mischel как переход из «холодного» (рационального, рефлексивного) режима функционирования психики в «горячий» (аффективный, импульсивный)⁴. Современные технологии генерации изображений, применяемые для создания видеофрагментов, особенно эмоционально нагруженных, выступают идеальным катализатором такого переключения.

Учитывая, что оперативно-служебная деятельность сотрудника органов внутренних дел характеризуется постоянным психоэмоциональным напряжением, следует акцентировать внимание на когнитивных концепциях, объясняющих значение этого фактора для повышения восприимчивости к провокации. Так, теория двойных процессов D. Kahneman объясняет эффективность провокации направленностью на мгновенную активацию автоматической, эмоциональной Системы 1 при блокировке аналитической Системы 2, что приводит к сужению сознания, туннельному восприятию и неадекватным действиям⁵.

¹ Miller N. et al. A theoretical model of triggered displaced aggression // Personality and Social Psychology Review. – 2003. – Т. 7. – №. 1. – С. 75-97.

² Berkowitz L. A cognitive-neoassociation theory of aggression // Theories of Social Psychology. – 2012. – Т. 2. – С. 99-117.

³ Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

⁴ Metcalfe J., Mischel W. A hot/cool-system analysis of delay of gratification: dynamics of willpower // Psychological review. – 1999. – Т. 106. – №. 1. – С. 3.

⁵ Kahneman D. et al. Before you make that big decision // Harvard business review. – 2011. – Т. 89. – №. 6. – С. 50-60.

Это явление может быть концептуализировано в рамках модели истощения эго (ego depletion), предложенной R. Baumeister¹. Согласно ей самоконтроль, волевая регуляция и сложная когнитивная деятельность индивида опираются на общий и ограниченный психофизиологический ресурс, подверженный истощению при интенсивном или длительном использовании. Усталость, стресс и необходимость постоянного поддержания самоконтроля у сотрудника правоохранительных органов закономерно ведут к снижению доступного ресурса для функционирования исполнительной системы внимания (executive attention), ответственной за подавление доминирующих, но нежелательных реакций, переключение между задачами и осуществление холодного, аналитического мышления (Система 2 по D.Kahneman)². В таком состоянии провокация целенаправленно перегружает ослабленные механизмы торможения, резко повышая вероятность срыва в доминирующую аффективную реакцию, которая требует меньших когнитивных затрат и управляется автоматизированной Системой 1

В этой парадигме провокационные сообщения представляют собой высокоадаптированный инструмент эксплуатации данного дефицита. Они не просто эксплуатируют отдельные когнитивные искажения, такие как подтверждающее предубеждение (тенденция искать и интерпретировать информацию в согласии со своими убеждениями), эвристика доступности (оценка вероятности события по лёгкости, с которой примеры приходят на ум) или эвристика аффекта (принятие решений на основе сиюминутных эмоций)³. Используя идеи К.Е. Stanovich можно также объяснить уязвимость по отношению к провокационному воздействию принципом когнитивной экономии или «когнитивной лени»⁴ утомленного сознания, которое в условиях

¹ Baumeister R. F. Self-regulation, ego depletion, and inhibition // *Neuropsychologia*. – 2014. – Т. 65. – С. 313-319.

² Kahneman D. et al. Before you make that big decision // *Harvard business review*. – 2011. – Т. 89. – №. 6. – С. 50-60.

³ Slovic P. et al. The affect heuristic // *European journal of operational research*. – 2007. – Т. 177. – №. 3. – С. 1333-1352.

⁴ Stanovich K. E., Stanovich P. J. A framework for critical thinking, rational thinking, and intelligence // *Innovations in educational psychology: Perspectives on learning, teaching and human development*. – 2010. – С. 195-237.

ресурсного дефицита стремится минимизировать энергозатраты на обработку информации¹. Уставший мозг предпочитает более быстрые интуитивные, а не медленные аналитические стратегии принятия решений, основанные на поверхностных признаках (сенсационный заголовок, эмоциональная картинка, авторитетный вид источника), а не на затратной и медленной аналитической проверке достоверности, источника и логической связности информации. Таким образом, высокотехнологичные средства изготовления провокационных видео-фрагментов ориентированы не просто на ошибки мышления, а на закономерности адаптации истощенной когнитивной системы, вынуждая её согласиться с упрощенной, но эмоционально нагруженной моделью реальности, что и является конечной целью манипулятивного воздействия.

Подводя промежуточный итог, отметим, что провокационное воздействие относится к инструментам психологического воздействия на людей с целью удовлетворения тех или иных потребностей, поскольку в социальных условиях жизни удовлетворение многих потребностей человека зависит от отношения к нему других людей, на изменение которого, осознанно или нет, направлены его манифестации и позиционирование². Последствия провокационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел принципиально отличаются от воздействия на других субъектов в силу поражения нескольких аспектов (целью является не только индивид, но и символический статус представителя власти), неизбежной публичности и правовых последствий реакции.

Провокация в данном контексте может быть определена как целенаправленное, умышленное действие, рассчитанное на эксплуатацию когнитивных искажений, аффективных триггеров и ролевых конфликтов с целью принуждения сотрудника к поведению, которое приводит к дискредитации, подрыву профессионального авторитета или наступлению негативных юридических последствий, при этом формальная ответственность за эскалацию возлагается на самого сотрудника.

Описание когнитивных механизмов целенаправленного деструктивного воздействия на сотрудников органов внутренних дел требует

¹ Laureiro-Martínez D., Brusoni S. Cognitive flexibility and adaptive decision-making: Evidence from a laboratory study of expert decision makers //Strategic Management Journal. – 2018. – Т. 39. – №. 4. – С. 1031-1058.

² Клейберг Ю. А. Провокативное поведение: психолого-девиантологический дискурс //Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9. – №. 1А. – С. 269-277

интеграции методологического аппарата широкого спектра научных отраслей: политической психологии¹, когнитивной лингвистики и семиотики², юридической психологии и теории информационной безопасности. Эти технологии направлены не столько на сиюминутный поведенческий акт, сколько на постепенное размытие, трансформацию смысловых структур сотрудника органов внутренних дел, что обеспечивает девиантное и деструктивное воздействие на самого сотрудника, его социальное окружение и служебный коллектив.

В данном контексте предметом анализа становится феномен технологии трансформации смыслов, понимаемых как система целенаправленных организационных (информационных, психологических, пропагандистских) воздействий, осуществляемых в течение продолжительного времени через последовательное многократное повторение определенных сообщений.

Цель технологии – формирование и закрепление в сознании субъекта специфических образов, установок, эмоциональных паттернов и поведенческих императивов, приводящих к изменению социального поведения в заданном ключе. Технологии являются ключевым компонентом «операций боевых эффектов» в рамках парадигмы когнитивной войны, где когнитивная сфера индивида – его сознание, субъектная память, система ценностей – рассматривается в качестве основной «психологической мишени» для воздействия.

Для теоретического осмысления данного феномена и его частного проявления в виде провокационного воздействия на сотрудника органов внутренних дел необходимо обратиться к нескольким теоретическим областям.

Во-первых, это психолого-лингвистический подход к анализу дискурса и текста. Работы основателей семиотики Ф. де Соссюра и Ч. С. Пирса заложили фундамент понимания знака как единства означающего и означаемого, связь между которыми является условной

¹ Экстремистский текст и деструктивная личность / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова [и др.]. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-7186-0621-8. – EDN VSFUGT.

² Ворошилова, М. Б. Психолингвистические методы исследования креолизованного текста / М. Б. Ворошилова // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 126-137. – EDN ZAFKWH.

и подверженной манипуляции. В контексте провокационного воздействия критически важным становится не сам знак, а представления субъекта о его значении, которые могут быть переопределены. Отечественные исследователи М.Б. Ворошилова¹, Ю.А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов² ввели и разработали понятие креолизованного (поликодового) текста, под которым понимается текст, фактурно состоящий из двух негомогенных частей: вербальной (языковой) и невербальной (изобразительной, графической).

Особенностью текста является наличие синергетического эффекта на читателя при таком сочетании: поликодовый текст обладает большим суггестивным потенциалом и воздействующей силой по сравнению с монокодовым, так как задействует несколько каналов восприятия и когнитивных систем переработки информации одновременно. Т.А. Винникова, развивая это направление, исследовала когнитивные модели понимания подобных комплексных сообщений (например, кинотекстов), показав, что их интерпретация зависит от активации у реципиента соответствующих фреймов и сценариев³. Последствия восприятия поликодового текста разнородны, поскольку они зависят от уровня деструктивной установки читателя, однако в целом, при ее наличии, поликодовый текст схожей направленности усиливает поддержку и одобрение деструктивных действий⁴.

Во-вторых, это когнитивно-лингвистическая парадигма, представленная работами Е.С. Кубряковой и других ученых⁵. В ее рамках язык рассматривается не как автономная система, а как инструмент познания и категоризации мира. Процессы категоризации (отнесения объектов и явлений к определенным классам) и концептуализации

¹ Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73-78.

² Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-186.

³ Винникова Т. А. Когнитивные модели понимания кинотекста // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 114-117.

⁴ Злоказов, К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1(47). – С. 265-272.

⁵ Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 13-18.

(формирования в сознании целостных, структурированных ментальных единиц – концептов) являются фундаментальными для человеческого мышления.

Для профессионального сознания сотрудника органа внутренних дел такими базовыми, осевыми концептами выступают бинарные оппозиции «Свой–Чужой», «Законность–Беззаконие», «Долг–Предательство», «Безопасность–Угроза». Эти концепты структурируют профессиональную картину мира, определяют оценку ситуаций и модели поведения. Целенаправленное воздействие на эти концептуальные структуры, их размывание или подмену составляет суть когнитивного механизма провокации. И.Г. Ольшанский в своих исследованиях указывал на то, что изменение концептуальных признаков ведет к трансформации фрагментов картины мира¹.

В-третьих, анализ когнитивного механизма провокационного воздействия необходимо осуществлять с опорой на психологическую теорию смыслов, предложенную Д.А. Леонтьевым².

Смысл, в его трактовке, – это отношение субъекта к явлениям объективной действительности, выявляемое в ситуациях его реальной жизнедеятельности. Динамика смысловой сферы подчинена закономерностям, среди которых для анализа провокации ключевой является концепция «смысловых ножниц». Этот эффект возникает в ситуации нарушения «смыслового контакта» между коммуникатором и реципиентом, когда сообщение не укладывается в существующую у реципиента систему смыслов. Для восстановления когнитивного равновесия субъект вынужден либо отвергнуть сообщение, либо – что используется в провокационных технологиях – перестроить свои смысловые связи, создав новое, часто деструктивное, понимание ситуации. Провокационный поликодовый текст как раз и призван создавать такие «смысловые ножницы», ставя под сомнение устоявшиеся связи между позитивным профессиональным концептом (например, «служебная деятельность») и его привычным смысловым полем.

¹ Ольшанский И.Г. Концептуальные признаки и когнитивные синонимы как фрагменты картины мира // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 34-36.

² Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. – 487 с.

В-четвертых, для понимания того, как сотрудник органа внутренних дел справляется с подобным смысловым вызовом, необходимо обратиться к концепциям интердискурсивности и трансдискурсивности, сформированным в социолингвистике.

Термин интердискурсивность (N. Fairclough, В.Е. Чернявская)^{1,2} описывает свойство текста быть связанным с различными дискурсами (социально обусловленными системами высказываний и практик).

Воспринимая текст, субъект невольно выбирает, в рамках какого дискурса (профессионального, бытового, политического, криминального) его интерпретировать. Этот выбор определяется идеологическими установками, социальным статусом и ценностными приоритетами. Провокационный текст часто апеллирует сразу к нескольким дискурсам, создавая конфликт интерпретаций.

Когда ни один из доступных дискурсов не дает удовлетворительного объяснения, может запуститься механизм трансдискурсивности (Г.Б. Гутнер) создания принципиально нового, гибридного значения на стыке или в результате конфликта старых. Г.Б. Гутнер описывает формы такого взаимодействия: элиминацию одного значения другим, дополнительность или колонизацию (подчинение) одного дискурса другим³. Эмпирические исследования К.В. Злоказова и А.В. Липницкого подтверждают этот тезис: при предъявлении креолизированных текстов с нарушенной связью между вербальной и визуальной частями реципиенты в 78% случаев формулировали оригинальное суждение, не вытекающее напрямую из семантики элементов, что свидетельствует о работе трансдискурсивного механизма⁴.

Анализ зарубежных исследовательских направлений, изучающих смежные проблемы, позволяет контекстуализировать когнитивный механизм провокации в глобальном масштабе.

¹ Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

² Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил: Коммуникации в экономике. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 89-97

³ Гутнер Г.Б. Трансдисциплинарность как трансдискурсивность // Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. С. 263-281.

⁴ Злоказов К. В., Липницкий А. В. Насилие в креолизованном тексте: исследование закономерностей понимания // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 135-143.

Политологические исследования (B.Laurent) фокусируются на влиянии провокации на демократические институты и формирование «цифрового гражданства», что косвенно раскрывает технологические возможности управления массовым и индивидуальным сознанием¹.

Контртеррористические исследования (I.Awan, A.Meleagrou-Hitchens) детально анализируют практики вербовки и радикализации в интернете², механизмы создания «виртуальных джихадистских сообществ», что методологически близко к изучению формирования анти-государственных протестных групп населения.

Работы в области геопропространственного анализа террористической деятельности (B. L. Smith) показывают важность контекстуальных и средовых факторов в провокации деструктивного поведения³.

К настоящему времени в российском научном сообществе не сложилось целостного понимания механизма трансформации смысла применительно к безопасности государственных служащих, включая сотрудников органов внутренних дел. Это создает значительный теоретический вакуум и открывает перспективу для построения комплексной модели, операционализирующей абстрактные концепты для нужд психологического обеспечения правоохранительной деятельности.

На основе изложенного теоретического фундамента можно детально реконструировать когнитивный механизм провокационного воздействия на сотрудника органа внутренних дел, используя предложенную схему трансформации смысла конфликтогенного поликодового текста как базовую модель⁴. Этот механизм представляет собой многоэтапный процесс «перепрограммирования» смысловых узлов профессионального сознания.

Этап 1: Определение цели и анализ смыслового поля. Перед созданием воздействующего контента манипулятор проводит анализ

¹ Laurent B. Democratic experiments: Problematizing nanotechnology and democracy in Europe and the United States. – The MIT Press, 2017.

² Awan I. Cyber-extremism: Isis and the power of social media // Society. – 2017. – Т. 54. – №. 2. – С. 138-149.

³ Smith, B.L., Cothren, J., Roberts, P., Damphousse, K.R. Geospatial Analysis of Terroristic Behavior // *Criminal Justice Studies*. 2009. Vol. 22, № 1. P. 91–103.

⁴ Психолого-лингвистический анализ трансформации смыслов вербальных и невербальных компонентов конфликтогенного поликодового текста экстремистской направленности в молодежной среде / К. В. Злоказов, М. Н. Лату, Ю. Р. Тагильцева, М. Р. Бабилова // Психология человека в образовании. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 66-75. – DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-66-75.

смыслового поля целевой группы – сотрудников органов внутренних дел. Выявляются ключевые позитивно заряженные концепты-якоря: «Долг», «Честь», «Справедливость», «Закон». Анализируются их визуальные репрезентанты: фотографии церемоний награждения, образ сотрудника, помогающего гражданину, символика (герб, флаг, знаки отличия). Параллельно изучаются «болевы́е точки» и латентные конфликты профессиональной среды: разрыв между нарративом и реальной практикой, усталость, профессиональная деформация, психоэмоциональное напряжение.

Этап 2: Конструирование конфликтогенного поликодового текста. Поликодовый формируется из двух основных компонентов:

- Базовый компонент: выбирается элемент, несущий безусловно позитивный смысл в рамках профессионального или общегражданского дискурса. Это может быть: а) Визуальный образ – фотография погибшего коллеги-героя, изображение ветерана органов внутренних дел, ребенок, обнимающий полицейского, фотография с торжественно-траурного мероприятия; б) Вербальный компонент – патриотический лозунг («Служим России, служим закону!»), цитата из устава, моральная максима.

- Трансформирующий компонент: Подбирается элемент, несущий смысл, который необходимо имплантировать или актуализировать в сознании. Этот элемент маркирован с позиций враждебного дискурса или дискредитируемой группы («Чужой»), либо гипертрофированно представляет «Своих». Это может быть:

- а) Визуальный ряд – символика радикальных группировок, изображения жестокости, портреты одиозных фигур, мемы с циничным подтекстом, стилистика криминальной субкультуры;

- б) Вербальный ряд – радикальные или экстремистские лозунги, оправдание внесудебной расправы, дискредитирующие комментарии о руководстве или государстве.

Задачей провокатора является сочетание провоцирующих компонентов таким образом, чтобы акцентировать внимание на наиболее ярких противоречиях служебной деятельности.

Этап 3: Трансляция и контекстуализация. Созданный текст внедряется в информационные потоки, максимально близкие к целевой аудитории: закрытые и открытые группы в социальных сетях и интернет-группах, посвященные полицейской тематике, комментарии под

новостями МВД, форумы, каналы, позиционирующие себя как «патриотические» или «правдоискательские». Важен эффект «социального доказательства»: текст должен быть представлен как мнение «своих» – таких же сотрудников. Многократное повторение и обсуждение (в том числе с помощью бот-сетей) нормализует провокационный месседж, интегрируя его в дискурс профессионального комьюнити.

Этап 4: Когнитивная обработка реципиентом-сотрудником. Встречаясь с таким текстом, сознание сотрудника сталкивается с когнитивным диссонансом. Узнаваемый и эмоционально значимый позитивный образ (базовый компонент) оказывается встроенным в нарратив, который противоречит официальному профессиональному дискурсу и, возможно, личным установкам.

Запускается механизм интердискурсивности: индивид пытается интерпретировать сообщение. Профессиональный дискурс («я – сотрудник») отвергает оправдание насилия или ненависти. Гражданский дискурс может быть амбивалентен. Если текст умело апеллирует к реальным профессиональным фрустрациям («начальство», «зарплата», «бумажная волокита»), он может активировать латентный альтернативный дискурс – «выгоревшего офицера», «прагматика, выживающего в системе». В этот момент может сработать трансдискурсивный механизм, согласно которому, не находя адекватного объяснения в «чистых» дискурсах, сознание, стремясь к смысловой целостности, создает новый гибридный смысл.

Этап 5: Трансформация представлений сотрудника.

Итогом провокационного воздействия является не просто изменение мнения по частному вопросу, а сдвиг в базовой когнитивной матрице «Свой–Чужой». «Своими» могут начать восприниматься не только коллеги, следующие уставу, но и те, кто «по-настоящему» борется «за правду», даже нарушая инструкции. «Чужими» могут стать не только преступники, но и «начальство», «либеральные СМИ», «неблагодарное общество».

Это приводит не только к размыванию профессиональной идентичности, но демотивации и обесцениванию собственной деятельности, снижению лояльности к непосредственному руководству и доверия к прямому руководителю. В опосредованной перспективе результатом провокации выступает повышение внушаемости к дальнейшим, более радикальным провокационным сообщениям, формирование готовности к девиантным поведенческим актам (сокрытие информации,

неповиновение приказу, жестокость, коррупция, утечка данных) как к «оправданным» в новой, искаженной смысловой реальности.

Характеризуя последствия провокационного воздействия необходимо уточнить и конкретизировать его определение с учетом ранее выделенных видов и форм воздействия, определяющих принципиальные отличия воздействия на сотрудников органов внутренних дел от воздействия на других субъектов профессиональной деятельности.

Представленный детализированный теоретический анализ и модель когнитивного механизма провокации раскрывают высокий уровень сложности и потенциальной опасности данного феномена для кадровой безопасности ОВД. Однако разрыв между теоретическим пониманием и практикой противодействия остается критически широким. Для его преодоления требуется перевод теоретических конструктов в измеримые переменные, диагностические методики и конкретные протоколы действий.

Это предполагает разработку диагностического комплекса для оценки индивидуальной и групповой уязвимости к когнитивным провокациям. Он должен включать методики оценки устойчивости смысловой сферы (адаптированные тесты смысложизненных ориентаций), анализа структуры концептов «Свой-Чужой»), оценки склонности к трансдискурсивным интерпретациям при предъявлении поликодовых стимулов.

Разработку и валидацию тренинговых программ когнитивной безопасности. Эти программы должны быть направлены на:

- а) развитие метакогнитивных навыков – осознания процессов собственного мышления и интерпретации;
- б) обучение критическому дискурс-анализу входящей информации, особенно в социальных сетях;
- в) укрепление смысловой согласованности профессиональной идентичности;
- г) формирование «когнитивного иммунитета» через преднамеренное ознакомление с техниками манипуляции в контролируемых условиях (принцип «прививки»).

Концепции осуществления провокационного воздействия. Провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел реализуется не как монолитная атака, а как комплекс взаимодополняющих стратегий, каждая из которых нацелена на определённый уровень человеческой психики и социального сознания.

Данный процесс структурно можно разделить на несколько взаимосвязанных стратегий, реализуемых в различных комбинациях:

1. Управляемое разрушение институциональных нарративов. Представленная стратегия нацелена на разрушение легитимирующих нарративов, на которых основана профессиональная деятельность сотрудника органа внутренних дел.

2. В настоящее время ключевыми целями воздействия могут выступать профессионализм сотрудника полиции, его гражданственность, выражающаяся в идентификации с целями и ценностями Отечества, и патриотизм, являющийся мировоззренческим стержнем самосознания сотрудника органа внутренних дел, предполагающий придание высшего значения интересам Родины, выступающий своеобразным нравственным фильтром, который не позволяет профессионализму превратиться в цинизм, а гражданственности – в формализм.

Используя теорию «когнитивных атак», разработанную на методологических основаниях когнитивной войны¹, противник целенаправленно создает и распространяет контент, ставящий под сомнение законность, справедливость и нравственность действий полиции в целом. Это не разовая «провоцирующая новость», а поток взаимосвязанных сообщений (в околопрофессиональных сообществах, социальных сетях, «разоблачительных» блогах, псевдодокументалистике), который формирует альтернативную реальность. Для этой реальности действия органов внутренних дел последовательно изображаются как репрессивные, коррумпированные и направленные против интересов общества.

Цель провокатора – не просто очернить, а сформировать когнитивный диссонанс у сотрудника между его представлением о себе как о защитнике и предлагаемым образом «плохого полицейского». Как отмечают исследователи, тактикой является эксплуатация существующих в обществе и внутри системы напряжений и их доведение до точки кипения через призму моральной паники².

¹ Cowles N., Verrall N. The Cognitive Warfare concept: A short introduction. Defence Science and Technology Laboratory, Salisbury, UK. DSTL/TR146721 v1. 2023.

² Hartley D.S., Jobson K.O. Cognitive Superiority. Springer Nature Switzerland. 2021.

3. Психоэмоциональная провокация. Данная стратегия рассчитана на вызов тревоги или гнева сотрудника, которые он не сможет правильным образом отреагировать¹. Например, организованные кампании на отдельных сотрудников в социальных сетях, направленные на них прямые угрозы, публикация их личных данных (доксинг) – всё это приводит к перманентной психологической мобилизации и, как следствие, к когнитивному истощению. Истощенный мозг более склонен к импульсивным действиям, ошибкам в оценке ситуации, снижению эмпатии и большей подверженности упрощенным, радикальным интерпретациям событий. Таким образом, противник добивается не только индивидуального страдания, но и операционного ущерба – снижения профессиональной эффективности целых подразделений.

4. Симуляция раскола и культивация недоверия сотрудников органов внутренних дел. Она реализуется через создание и усиление нарративов о внутреннем предательстве, некомпетентности или корыстности руководства, о противоречиях между различными подразделениями (например, патрульно-постовой службой и экономическими подразделениями) или между рядовым составом и командованием. Исследователи когнитивной войны подчеркивают, что конечной целью часто является «когнитивное господство», достигаемое через раскол общества и элит². В адаптации к органам внутренних дел это выглядит как целенаправленная «рассылка» дискредитирующей информации о конкретных руководителях, намеки на их связи с криминалом или политическими противниками, фабрикация свидетельств о том, что «верхи» бросают «низы» на произвол судьбы в конфликтных ситуациях. Цель – разрушить вертикальное и горизонтальное доверие, заменить солидарность подозрительностью, превратить коллектив в совокупность изолированных, уязвимых индивидов. В условиях утраченного доверия любая внутренняя критика, любой административный просчет мультиплицируются и воспринимаются как подтверждение враждебного нарратива.

¹ Noppe J. Are all police officers equally triggered? A test of the interaction between moral support for the use of force and exposure to provocation //Policing and society. – 2018. – Т. 28. – №. 5. – С. 605-618.

² Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. Cognitive Warfare – An Attack on Thought and Truth. Johns Hopkins University, Baltimore MD, USA. 2020.

5. Провокация дискредитирующих поведенческих реакций. Данная стратегия заключается в создании контролируемых ситуаций (провокаций), в которых сотрудник, уже находящийся под воздействием эмоционального напряжения и недоверия, с высокой вероятностью совершит действия, которые затем будут использованы для его дальнейшей дискредитации и усиления первой концепции. Это может быть организация массовых акций с участием агентов-провокаторов, целенаправленно оскорбляющих сотрудников и провоцирующих их на непропорциональное применение силы, заведомо невыполнимые требования, ложные вызовы с последующей фиксацией реакции. Полученное видео затем редактируется, лишается контекста и превращается в «доказательство» изначально насаждаемого нарратива о «полицейском произволе». Таким образом, система замыкается: созданный информационный фон повышает вероятность нужной реакции, а сама реакция служит «подтверждением» фона, усиливая когнитивный диссонанс как у самого сотрудника, так и у общества.

Анализ представленных стратегий позволяет детализировать и углубить применяемых в них тактик, обозначив их цели, методы и деструктивный эффект.

1. Искажение представлений сотрудника. Искажение представлений является наиболее глубоким уровнем воздействия, направленным на изменение «ментальной, цивилизационной основы общества противника»¹. Его цель не только смутить или обмануть сотрудника, а трансформировать систему его базовых представлений, связанных со служебной деятельностью.

- Навязывание нарратива институциональной несправедливости. Сотруднику последовательно внушается мысль, что органы внутренних дел, частью которых он является и с которыми идентифицирует себя и свое значение для государства и общества, является не инструментом защиты права и порядка, а частью коррумпированной, репрессивной или неэффективной системы. Этот нарратив активно продвигается через «разоблачительные» материалы, истории о «безнаказанности» и противопоставлении «честного сотрудника» «бездушной системе». Сотрудник начинает сомневаться не в отдельных коллегах или решениях руководства, а в морали самого института правоохранительной деятельности;

¹ Ильницкий, А. М. Ментальная война / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.

- Конструирование мифа о «предательстве». Эта тактика направлена на разрыв вертикали доверия. Через провокационные материалы формируется образ руководства МВД как силы, которая «не вникает в проблемы низов», «бросит своих», «не оценит жертв». У сотрудника снижется уверенность в том, что его усилия в определенной служебной ситуации будут оправданы, а позиция найдет поддержку со стороны руководства и, как следствие, повышается негативное отношение к руководству.

- Инъекция экзистенциального цинизма: крайним проявлением ментальной атаки является внушение идеи о бессмысленности службы как таковой. Героический нарратив «защитника» подменяется нарративом «винтика», «исполнителя», «безликого сотрудника». Это ведёт к глубокой деморализации, потере ответственности и инициативы.

2. Дезорганизация критического мышления. Поскольку инструменты когнитивной войны фокусируются на процессах восприятия, анализа и принятия решений, используя современные цифровые технологии для создания управляемого хаоса в информационной среде сотрудника, целесообразно описать основные методы их реализации в рамках провокационного воздействия.

- Провоцирующая дезинформация - целенаправленный вброс ложной информации о предстоящих изменениях в служебной деятельности, руководстве, действиях, прямо или косвенно затрагивающих служебное или личное благополучие сотрудника. Это ставит под сомнение достоверность любой поступающей информации, вынуждая сотрудника тратить ресурсы не на выполнение задачи, а на верификацию полученных сведений. Эмоционально-значимая информация порождает неофициальные обсуждения, перерастающие в деморализующие личный состав слухи.

- Подрыв доверия посредством синтетических медиа технологии искусственного интеллекта позволяют создавать убедительные подделки – видео, где начальник отдаёт незаконный приказ, или аудиозаписи, где коллеги обсуждают «сдачу» оперативного сотрудника. Такие материалы, даже будучи быстро разоблачёнными, наносят долгосрочный ущерб профессиональной идентичности, формируя недоверие к прямому и непосредственному руководству, каналам коммуникации и снижают уровень лояльности.

- Оспаривание легитимности органов внутренних дел: успехи в деятельности органов внутренних дел, связанные с выявлением

и пресечением преступлений могут сопровождаться параллельной информационной кампанией по их дискредитации. Для этого распространяются «альтернативные» трактовки событий, «свидетельства» очевидцев, «экспертные» заключения, ставящие под вопрос законность и адекватность действий сотрудников органов внутренних дел. Сотрудник, видя, как его профессионально выполненная работа публично объявляется преступной, испытывает когнитивный диссонанс и чувство несправедливости.

3. Размытие ценностных ориентиров и норм профессиональной этики. Эта стратегия нацелена на подмену фундаментальных ценностных координат, на которых основывается мотивация к службе в органах внутренних дел

- Трансформация «служения» в исполнение условий контракта: морально значимая для каждого сотрудника идея служения Закону и Отечеству последовательно вытесняется сугубо утилитарными, меркантильными мотивами. В информационном поле культивируется образ успешного сотрудника не как героя или профессионала, а как карьериста, «умеющего устроиться», или циника-коррупционера, «работающего на зарплату, но не живущего на неё». Служебный долг в представлении сотрудников подменяется личным комфортом и выгодой, связанной с «удачной» должностью.

- Пропаганда потребительства и индивидуализма. Коллективистские ценности взаимовыручки, поддержки и самопожертвования, традиционно главенствующие в служебных коллективах органов внутренних дел, подвергаются массовой критике как «пережитки». Им противопоставляется культ личного успеха, материального благополучия и гипертрофированного индивидуализма («спасай себя сам»). Подобная стратегия ведёт к размыванию сплоченности, распространению убеждения о неприемлемости рисковать своей жизнью или здоровьем ради долга.

- Легитимация цинизма как «здорового смысла». Циничное отношение к своей служебной деятельности, интересам общества и закону преподносится не как моральный изъян, а как признак «зрелости» и «прагматизма» сотрудника. В результате воздействия ответственность замещается попустительским отношением к интересам службы.

4. Отчуждение от традиций и исторической идентичности. Этот вид воздействия, называемый «исторической войной», направлен на

подрыв исторического фундамента, на котором основывается коллективная мораль профессионального сообщества сотрудников органов внутренних дел, дискредитацию как института правоохранительной деятельности и обесценивание его роли в жизни страны.

- Деконструкция позитивного исторического нарратива. История правоохранительных органов (милиции, современной полиции) переписывается с акцентом исключительно на репрессивные функции, освещению подвергаются случаи сотрудничества с карательными органами разных эпох, эпизоды коррупции и злоупотреблений властью. Все достижения органов внутренних дел, достигнутые в деле защиты Отечества от внутренних и внешних врагов, героизм сотрудников и их вклад в поддержание правопорядка в ключевые периоды истории замалчиваются или объявляются пропагандой. Цель – лишить сотрудников чувства причастности, заставить стыдиться, а не гордиться историей органов внутренних дел.

- Формирование образа «инструмента власти», «карательно-репрессивного органа». Через призму «исторических войн» на сотрудников органов внутренних дел переносится образ «жандарма» или «полицая». Это особенно активно используется в регионах с напряжённой этнополитической ситуацией. Такой нарратив не только дискредитирует органы внутренних дел в глазах части населения, но и наносит удар по самоидентификации самих сотрудников, особенно вновь принятых на службу, заставляя их воспринимать свою форму как символ несправедливости.

- Разрыв преемственности поколений. Обесценивание истории и достижений органов внутренних дел, дискредитация ветеранов (их могут представлять как «пережиток советской/репрессивной системы», «карьеристов», «ведомственных пенсионеров»), психоисторическая провокация разрушает механизм наставничества и передачи ценностей и опыта между поколениями. Молодой сотрудник в таком случае остаётся один на один с враждебным информационным полем, не имея внутренней опоры на авторитет традиции.

Синергетический эффект. Опасность описанных стратегий заключается в их взаимном усилении. Психоисторическая война готовит почву, лишая сотрудника гордости за прошлое. Смысловая война выбивает ценностные опоры в настоящем. Когнитивная война дезориентирует в повседневной оперативной деятельности. А ментальная война завершает процесс, предлагая новое, разрушительное мировоззрение,

в котором служба в ОВД предстаёт как бессмысленная, несправедливая и морально сомнительная деятельность. Комплексное противодействие поэтому должно быть нацелено на все четыре уровня одновременно: восстанавливая историческую правду, укрепляя ценностные ориентиры, защищая информационное пространство и формируя целостное, устойчивое профессиональное мировоззрение.

Объяснение проецированию на сотрудников органов внутренних дел подобного влияния может быть дано с позиций нескольких моделей. Рассмотрим их более подробно.

1. Модель когнитивной уязвимости. Сотрудники органов внутренних дел в силу характера оперативно-служебной деятельности находятся в состоянии хронического стресса, высокой ответственности, когнитивной перегрузки из-за потока информации и необходимости быстрого принятия решений в условиях неопределенности. Это создает «когнитивные швы» (cognitive seams) – зоны повышенной уязвимости для манипуляций, такие как усталость, эмоциональное выгорание, цинизм, упрощенные ментальные модели («мы – они»)¹.

2. Модель управления восприятием. Провокационное воздействие стремится не просто передать ложную информацию, а сформировать у сотрудника искаженную перцептивную реальность. Это достигается через:

(а) селективную подачу информации, в которой гиперболизируются единичные случаи ошибок или превышения полномочий, замалчиваются позитивные результаты, проявления сотрудниками героизма, долга и ответственности;

(б) фрейминг (обрамление): представление действий органов внутренних дел исключительно через деструктивные рамки («репрессивный аппарат», «силовики», «оккупанты»);

(в) контекстуальные манипуляции: организация информационных поводов (например, провокационные акции у отделов полиции) с расчетом на агрессивную реакцию, которая затем тиражируется как «норма поведения»².

¹ Леонтьев, Д. А., & Осин, Е. Н. Ресурсы и деформации личности в профессиональной деятельности сотрудников силовых структур. *Московский психотерапевтический журнал*, 2019, (3), 99–115.

² Почепцов, Г. Г. Коммуникационные технологии и управление восприятием. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2018. (5). С. 54–67.

3. Концепция социально-когнитивного конфликта. Воздействие направлено на обострение конфликта между профессиональной идентичностью сотрудника («защитник порядка») и навязываемыми негативными социальными ролями («палач», «прислужник режима»). Цель – вызвать когнитивный диссонанс, снижающий мотивацию и лояльность¹.

4. Теория рефлексивного управления. Провокатор, зная стандартные алгоритмы действий полиции (правовые основания, нормативы реагирования), искусственно создает ситуации, в которых любое действие сотрудника приводит к негативным последствиям: бездействие трактуется как слабость и беспомощность структуры, а действие – как жестокость и нарушение прав. Таким образом, инициатор воздействия «загружает» в сознание сотрудника и общества заранее подготовленные оценки его будущих поступков².

Иллюстрацией комплексного применения данных концепций может служить гипотетическая, но основанная на известных кейсах, кампания. Противник идентифицирует «когнитивный шов» – усталость и раздражение сотрудников от частых, но бесплодных вызовов по ложным сообщениям о минировании. Используя принципы рефлексивного управления, инициаторы через анонимные каналы запускают серию таких сообщений в разных районах города, перегружая работу специальных служб и дежурных частей. Одновременно через контролируемые ресурсы запускается нарратив о «некомпетентности полиции, которая держит в страхе город». В один из отделов полиции прибывает специально подготовленный провокатор с легендой «гражданского активиста» со скрытой камерой. Его провокационное поведение в отношении сотрудников дежурной части, оскорбления, отказ подчиняться законным требованиям сотрудников полиции нацелено на дестабилизацию эмоционального состояния личного состава и регистрацию их поведения в этот период.

Полученное видео специальным образом монтируется, удаляются провокационные реплики «активиста», остаются только гневные реакции сотрудника. Вирусный ролик тиражируется с хештегами #полицей-

¹ Петровский, В. А. Идентичность и конфликт в профессиональных группах повышенного риска. *Психологический журнал*. 2020. 41(1). С. 86–94.

² Липкан, В. А. Рефлексивное управление в информационном противоборстве: модели и методы. *Информационные войны*. 2021. (2). С. 120–128.

ский произвол #МВДбеззаконие. В комментариях посредством технологий программируемых собеседников (ботов) распространяют историю, дополняя ее другими, возможно, реальными, но частными случаями, создавая впечатление неслучайности, а практики подобных ситуаций

В результате провокации достигаются цели всех уровней: конкретный сотрудник получает дисциплинарное взыскание (индивидуальный уровень реакции), в его подразделении растет недовольство сложившейся ситуации и определенное опасение взаимодействия с гражданами (групповой уровень реакции); в обществе укрепляется стереотип об агрессивной и бесконтрольной силовой структуре (институциональный уровень реакции).

Подводя итоги, сформулируем основные выводы параграфа. Провокационное воздействие – это побуждение сотрудника органов внутренних дел, нацеленное на совершение действия в интересах конкретного лица под влиянием целенаправленно сконструированного им (в том числе, сформированного) в сознании сотрудника представления и (или) возникшего переживания. Ключевыми признаками провокационного воздействия выступает его целенаправленность – направленность на достижение необходимой субъекту провокационного воздействия цели, а также конструирующий характер провокационного воздействия, выражающийся в осознанном применении методов форм и средств для достижения необходимого влияния на представление и (или) переживание сотрудника.

Условиями эффективности подобных провокационных акций являются:

1. Информационная проницаемость среды: открытость социальных сетей и мессенджеров, которые являются основными каналами доставки контента, в том числе в личные устройства сотрудников.

2. Наличие реальных или потенциальных системных проблем внутри конкретных служебных коллективов и территориальных подразделений МВД России, которые могут быть гиперболизированы и использованы как «точка входа» для нарративов.

3. Отсутствие системной когнитивной подготовки и обучения взаимодействию в ситуациях провокации: неготовность личного состава к распознаванию манипулятивных техник, отсутствие навыков критического мышления в конфликтных ситуациях и в информационной среде.

4. Психозэмоциональное утомление и ответственность служебной деятельности: высокий уровень утомления, повышенная нагрузка и ответственность за порученный участок работы существенно сказывается на способности к саморегуляции и самоконтролю, адекватному реагированию на провокационные воздействия и когнитивные возможности противодействия различным информационным воздействиям, делает сотрудника более уязвимым.

Таким образом, провокационное воздействие на сотрудников ОВД, рассматриваемое как составной элемент когнитивной войны, представляет собой высокотехнологичную, многоуровневую атаку на самую основу их профессионального бытия – способность адекватно воспринимать реальность, доверять системе, в которой они служат, и действовать в рамках права, а не под влиянием навязанных эмоциональных и смысловых конструктов.

Противодействие этому требует не только технического контроля информационного пространства, но, в первую очередь, развития внутренней когнитивной устойчивости, укрепления корпоративной культуры, основанной на доверии и ценностях, и создания системы постоянного мониторинга психологического состояния личного состава с элементами превентивного «когнитивного иммунитета».

2.3. Девиантные и деструктивные последствия провокационного воздействия на сотрудников и служебные коллективы органов внутренних дел

Актуальность изучения девиантных и деструктивных последствий провокационного воздействия определяется его негативными проявлениями, оказываемыми на органы внутренних дел в микро- мезо и макро- аспектах их функционирования. Разработка мер противодействия им в рамках территориальных подразделений органов внутренних дел может осуществляться путем совершенствования морально-психологического обеспечения деятельности личного состава органов внутренних дел. Поэтому целесообразным является выполнение анализа массива последствий, сказывающихся как на отдельном сотруднике органов внутренних дел, так и на структурном подразделении и, в целом, на деятельности всего института.

Считая провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел негативным, имеющим преимущественно противозаконный и антиобщественный характер рассмотрим девиантные и деструктивные последствия, которые оно имеет для деятельности отдельных сотрудников служебных коллективов и общества, в целом.

Необходимо отметить, что авторы осознают ограниченность подхода к провокационному воздействию только в части выявления его негативных характеристик. Считая, что провокационное воздействие может преследовать позитивные цели, приводить к появлению эффективных практик деятельности и взаимодействия, развитию новых направлений деятельности органов внутренних дел методов и форм их осуществления, тем не менее подчеркнем, что в данной работе рассматривается исключительно негативный аспект провокации сотрудника органа внутренних дел. Такая позиция в целом свойственна современным исследователям данного вопроса [4].

Приступая к описанию последствий, в целях их полного анализа дифференцируем три уровня их изучения: индивидуальный (сотрудник органов внутренних дел), групповой (служебный коллектив территориального подразделения органа внутренних дел) и институциональный (отношение общества к деятельности органов внутренних дел). Подобное деление позволяет раскрыть ключевые последствия провокационного воздействия, а также выявить их специфическое значение для функционирования на разных уровнях ее организации.

К девиантным последствиям провокационного воздействия на сотрудника органов внутренних дел следует относить отклонение сотрудника от:

а) требований норм, правил и регламентов, выполнения им служебных обязанностей в рамках замещаемой должности,

б) требований к сотруднику органов внутренних дел и его поведению, установленных соответствующими федеральными законами, нормативными правовыми и локальными нормативными актами.

Таким образом, провокационное воздействие приводит к девиациям в служебном поведении, отношении к выполняемым служебным обязанностям, нарушениям законодательства. Подобное отклонение становится возможным в силу ряда искажений и ухудшений, наступающих вследствие провокационного воздействия. Это, прежде всего, демотивация, снижение нервно-психической устойчивости и, в случае если оно не является самостоятельной целью, а выступает сопутствующим эффектом, - ухудшение работоспособности.

Дезорганизация психической деятельности конкретного сотрудника является краткосрочной и наступает вследствие усиления стресса, провокации эмоций и неадекватных реакций. Как правило, при прекращении провокационного воздействия данные последствия угасают вследствие саморегуляции сотрудником своего психического состояния и не возобновляются в последующем.

К девиантным последствиям воздействия на служебные коллективы сотрудников следует относить комплекс проявлений, сопровождающихся нарушением взаимодействия и дезорганизацией деятельности. У членов служебных коллективов они проявляются в виде нескольких тенденций:

а) деморализация: в усилении межличностных противоречий и развитии проблем взаимодействия по линии «начальник-подчиненный», «сотрудник-сотрудник», выражающихся в снижении субъективного авторитета руководства. Следствием выступает краткосрочная дестабилизация управления, выражающаяся в нарушении сроков выполнения поручений, снижении качества, продуктивности и эффективности деятельности.

б) поляризация: в появлении внутригрупповых и межгрупповых противоречий внутри служебного коллектива по различным признакам (между рядовым составом и руководством, между подразделениями,

между новым поколением сотрудников и служащими продолжительное время. У членов служебных коллективов они проявляются во внутригрупповом фаворитизме и дискриминации других членов служебного коллектива;

в) демотивация: в снижении мотивации к совместному прохождению службы (сплоченности), демотивации и дезадаптации личного состава микрогрупп, отдельных групп сотрудников. Это находит выражение в дискредитации служебной деятельности, повышении риска увольняемости сотрудников.

В совокупности изложенного можно заключить, что провокационное воздействие на сотрудников органов внутренних дел негативно проявляется на психологическом состоянии индивидуального и группового субъекта. Это ставит вопросы об организации морально-психологического обеспечения деятельности, снижающем негативное воздействие провокационного воздействия и совершенствующим профилактику его последствий у личного состава¹.

К девиантным последствиям провокационного воздействия, находящихся на институциональном уровне относятся изменения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел. К наиболее значимым следует отнести:

а) снижение представления о легитимности деятельности сотрудников органов внутренних дел, замещаемое представлением о бесконтрольности и произвольности действий, приводящее к потере доверия у отдельных групп населения к органам внутренних дел;

б) краткосрочное и локальное усиление правового нигилизма населения, побуждаемого искаженным восприятием фактов нарушений служебной дисциплины и законности, и выражающееся в росте числа правонарушений;

в) локальное (на определенной территории) увеличение недоверия к конкретным территориальным подразделениям органов внутренних дел, их личному составу, выражающееся в ухудшении субъективного благополучия населения.

Подводя итоги, можно отметить, что девиантные последствия провокационного воздействия характеризуются краткосрочностью выражения, локализацией на определенной территории, прямо зависящей

¹ Шамионов, Р. М. Социально-психологические факторы дезорганизации профессиональных коллективов в условиях внешнего давления. Социальная психология и общество, 2019, 10(2), 60–73.

от распространения информации. Вместе с тем, ее последствиями являются не только негативные переживания конкретного сотрудника или нарушение сплоченности и сотрудничества конкретного служебного коллектива, но и определенные изменения в отношении населения к деятельности органов внутренних дел.

Последнее, транслируемое как незаконность действий органов внутренних дел, их пассивность и беспомощность, запечатлевается в общественном сознании как неспособность органов власти и государства в целом обеспечивать базовый правопорядок, что является стратегической целью, реализуемой посредством когнитивной войны¹.

К деструктивным последствиям провокационного воздействия следует относить нарушения в структуре процессов и взаимодействий, присущих сотруднику органа внутренних дел как субъекту служебной деятельности. Ими выступают нарушения процессов психоэмоциональной регуляции, регуляции профессиональной деятельности, регуляции служебного и внеслужебного взаимодействия с социальным окружением. Они направлены на подрыв самих основ профессиональной надежности сотрудника:

1. Нарушение процессов психоэмоциональной регуляции. Сотрудник, находящийся под постоянным или даже единичным, но мощным провокационным воздействием, пребывает в состоянии хронического стресса, когнитивного диссонанса и эмоциональной нестабильности. Искусственно навязанные ему переживания (тревога, обида, мнительность) разрушают его нервно-психическую устойчивость. Он теряет способность адекватно оценивать ситуации, контролировать свои эмоции, сохранять самообладание в критических моментах. Это состояние является прямой предпосылкой для принятия ошибочных решений и совершения поступков, несоответствующих требованиям законности.

2. Нарушение регуляции профессиональной деятельности. Деструкция на психоэмоциональном уровне находит отражение в профессиональной сфере. Снижается концентрация внимания, ухудшается память, затрудняется процесс анализа информации и прогнозирования развития событий. Профессиональная деятельность, требующая четкости, быстроты реакции и ответственности, начинает выполняться формально, некачественно и неэффективно.

¹ Thomas T. Russia's Reflexive Control Theory and the Military // Journal of Slavic Military Studies. 2004. Vol. 17, № 2. P. 237–256.

3. Нарушение регуляции служебного и внеслужебного взаимодействия. Провокационное воздействие часто целенаправленно разрушает социальные связи сотрудника с его окружением, а также служебным коллективом. Манипулятор может сеять недоверие между коллегами, подрывать авторитет начальства, провоцировать конфликты. Сотрудник, погруженный в сконструированную для него реальность заговора или несправедливости, замыкается в себе, становится конфликтным, подозрительным, теряет способность к конструктивному взаимодействию. Это разрывает горизонтальные и вертикальные связи внутри коллектива, уничтожая командный дух и взаимовыручку.

Таким образом, деструктивное провокационное воздействие на сотрудника органа внутренних дел нацелено на формирование двух кризисов отношений к служебной деятельности и себе:

1. Кризиса профессиональной идентичности, когда служебная деятельность и служебный коллектив теряет свой смысл, ценность и воспринимается как враждебная среда.

2. Кризиса личной идентичности, когда провокация разрушает значимые отношения за пределами службы и лишает человека личностной опоры.

Интенсивная служебная нагрузка и постоянный стресс в этой модели выступают не самостоятельной причиной, но условием, который истощает личностные ресурсы, необходимые для критического мышления, эмоциональной саморегуляции и противостояния манипулятивным атакам. Истощенный психически и морально сотрудник теряет способность распознавать сложные схемы провокационного воздействия и сопротивляться им.

Анализ деструктивного реагирования на провокационное воздействие на сотрудника органов внутренних дел. Анализ провокационного воздействия позволяет выявить не просто набор отдельных техник манипуляции, а сложную систему взаимосвязанных процессов, которые по усиливают друг друга, создавая критическую массу для «взлома» психологической защиты сотрудника и деформации его служебного поведения.

Механизм этого воздействия можно описать как «истощение когнитивной резистентности и разрушение профессиональной идентичности», где каждый элемент играет свою роль в разрушении внутреннего стержня сотрудника и его связи с корпоративными ценностями.

Первым механизмом является целенаправленное разрушение социально-психологического климата и отношений сотрудника с непосредственным руководством и коллегами. В контексте провокационного воздействия эти факторы используются манипулятором как триггер, который легитимизирует в сознании сотрудника саму возможность сомневаться в системе, ее справедливости и, в конечном счете, ее требованиях.

Когда с помощью различных провокационных воздействий непосредственный руководитель начинает восприниматься подчиненным как несправедливый, коррумпированный или неспособный оценить его преданность, это разрушает субъективный смысл служения. Любая служебная задача или приказ в такой ситуации начинают казаться бессмысленными или даже аморальными.

Непосредственный начальник в восприятии сотрудника превращается из компетентного руководителя во враждебно настроенного и несправедливого.

Аналогичным образом действует провокационно спровоцированная неудовлетворенность отношениями в коллективе. Провокатор, формируя в служебном коллективе недоверие и подозрения, разрывает горизонтальные связи взаимной поддержки. В условиях, где коллеги должны быть ресурсом психологической помощи и поддержки, разрушение этих связей оставляет сотрудника в состоянии информационного и эмоционального вакуума, лишая его последнего буфера, поглощающего стресс. Он остается один на один с навязанными ему переживаниями обиды, несправедливости и мнимой угрозы, что делает его психику крайне восприимчивой к дальнейшему влиянию извне.

Второй механизм деструкции фокусируется на сфере внутриличностной регуляции и семейных отношений. Если провокационные атаки на служебные отношения психологически «отталкивают» сотрудника от системы, то параллельное воздействие на его личную жизнь создает позитивный полюс притяжения для девиантных решений. Провокационное воздействие может целенаправленно усугублять психоэмоциональное состояние, провоцируя конфликты в семье, или, напротив, предлагать «простое решение» личных проблем (например, финансовых), которое связано с нарушением закона.

Отсутствие поддержки со стороны близких, спровоцированное искусственно созданными служебными обстоятельствами, и, более

того, очевидное негативное влияние службы на семейную жизнь лишает сотрудника его главного внутреннего тыла и морального оправдания тех тягот, которые он несет. Этот конфликт порождает устойчивое чувство экзистенциальной вины и фрустрации.

Следовательно, задача по противодействию провокационному воздействию заключается не в точечном устранении симптомов (например, в разовом разборе конфликта), а в укреплении личности сотрудника и его окружения с целью предотвращения этого распада.

Руководство должно работать над созданием и поддержанием среды служебного коллектива, ориентированной на ценности справедливости, взаимного доверия, признания и ясного смысла служебной деятельности. В то же время психологическая служба должна помогать сотрудникам сохранять личную целостность и нервно-психическую устойчивость, вооружая их навыками распознавания манипуляций, стрессоустойчивости и защиты семейных отношений от разрушительного давления профессии. Формирование у сотрудника устойчивой убежденности в его принадлежности к сильной и справедливой системе отношений, в возможности гармонично сочетать службу с полноценной личной жизнью, – и является центральной практической задачей профилактики деструктивных последствий провокационного воздействия.

Обобщая совокупность девиантных и деструктивных последствий можно описать ее в конкретных и измеримых негативных эффектах провокационного воздействия. К ним относятся:

1. Снижение эффективности: хроническая усталость, выгорание, повышенная тревожность снижают скорость реакции, качество принятия решений, увеличивают число ошибок. Постоянное ожидание провокации парализует инициативу и повышает уровень тревоги сотрудников, ответственно относящихся к выполнению порученных им обязанностей.

2. Рост социально-психологической конфликтности и текучести кадров: подрыв доверия к руководству и коллегам, ощущение несправедливости ведут к расколам в коллективах, увеличению числа увольнений по морально-психологическим причинам, особенно среди перспективных сотрудников.

3. Деформация профессионального сознания: формируются два крайних типа реакции: цинизм и полное отчуждение от службы («работа ради зарплаты») или, наоборот, агрессивная гипер-идентификация с ролью «осаждённой крепости», что ведёт к чрезмерной подозрительности и нарастанию враждебности по отношению к окружению.

4. Потеря легитимности: дискредитация отдельных сотрудников в результате успешных провокаций переносится общественным мнением на всё ведомство. Это затрудняет выполнение основной функции – защиту правопорядка при поддержке населения.

5. Риск вовлечения в противоправную деятельность: сотрудники, находящиеся в состоянии фрустрации и разочарования, с искаженной профессиональной идентичностью, становятся наиболее уязвимой мишенью для криминогенных лиц, предлагающих «справедливость», «понимание», а также материальную или иную выгоду от нарушения сотрудником законности.

С учетом оценки последствий видится целесообразным переход к превентивной модели предупреждения негативного влияния провокационного воздействия.

Данная модель ориентирована на психологическую подготовку личного состава органов внутренних дел, однако, для ее осуществления необходима научная разработка и апробация комплекса мер, в настоящее время не представленных в окончательном виде, но, как показывает анализ проведенной в данной главе, необходимых.

К ним следует отнести: систему мониторинга психологического состояния личного состава в текущих и особых условиях оперативно-служебной деятельности. Данная система должна позволять выявлять ранние признаки провокативного воздействия, а также их негативного влияния на когнитивное и психоэмоциональное состояние сотрудников органов внутренних дел. В этом ключе видится целесообразным использование современных психодиагностических методик личностных опросников, шкал эмоционального состояния, клинических шкал оценки благополучия для выявления деструктивных изменений.

Во-вторых, осуществить разработку обучающих программ «когнитивной гигиены», «психоэмоционального управления» и «психологического самоконтроля», позволяющих сотрудникам оценивать психические процессы и влиять на состояние, снижая уровень стресса,

фрустрации или негативных последствий конфликта. В результате их освоения сотрудники должны получить знания о типовых схемах провокационного воздействия, механизмах работы когнитивных искажений и методах эмоциональной саморегуляции.

Кроме того, на уровне структурных подразделений и, в целом, территориальных органов внутренних дел на районном уровне и выше, необходимо проведение учений, имитирующих провокационные воздействия на подразделение. Это позволит, во-первых, сформировать умения распознавать и противодействовать негативным последствиям провокационного воздействия на индивидуальном, групповом и организационном уровнях, сформировать действия подразделений в безопасной, контролируемой среде, создав необходимую устойчивость к информационному воздействию.

В-третьих, существенное значение для повышения устойчивости к провокационному воздействию имеет благоприятный социально-психологический климат в служебных коллективах сотрудников. Его совершенствование через развитие внутригрупповых отношений сотрудников, развитие ценностей доверия, поддержки и взаимовыручки, укрепление авторитета руководителей будет создавать необходимые предпосылки для стабилизации психоэмоционального состояния сотрудников, оказавшихся в состоянии провокационного воздействия.

ГЛАВА 3. ПРОВОКАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Генезис института провокации в деятельности правоохранительных органов

Провокационное поведение свойственно различным сферам жизни общества и в том числе правоприменительной и оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). В виду того, что именно в правоприменении и особенно в ОРД сталкиваются противоположные (а подчас – критические и даже экзистенциальные) интересы противоборствующих сторон, правомерное воздействие сотрудников оперативных подразделений на лицо (группу лиц) с целью совершить действия, выгодные правоохранительному органу, представляется важнейшим и действенным инструментарием, основанном на законах психологии, конфликтологии и рефлексивного управления. Таковыми принято считать коммуникативные способы получения интересующей информации от лиц, ее скрывающих, оперативные комбинации по созданию у респондента ошибочного убеждения в чем-либо, мнения о ситуации или желания поступить определенным образом. И здесь основными являются вопросы о допустимости той или иной формы воздействия на лицо и о границе между правомерным воздействием, представляющим дозволенную психологическую манипуляцию и неправомерным, а именно – провокацией преступления.

Современная Российская юридическая (и не только) общественность связывает провокацию в оперативно-розыскной деятельности в основном с проведением таких высокоэффективных оперативно-розыскных мероприятий, как «оперативный эксперимент» и «проверочная закупка». Эти мероприятия, не имевшие своего наименования и строгой ведомственной нормативной регламентации, активно применялись оперативными подразделениями задолго до выхода в свет Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, впервые сформулировавшего официальные названия оперативно-розыскных мероприятий в их современной редакции и провозгласившего их полный и окончательный (на тот момент) перечень. Сферами их

¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // «Российская газета» от 18 августа 1995 г. № 160.

применения были – борьба с карманными кражами и уличными грабежами, кражами из хранилищ, кражами и угонами автотранспорта, вымогательствами и дачами взяток, преступлениями в торговле, а позднее – борьба с незаконным оборотом оружия и наркотиков, выявление и задержание серийных преступников. Нередко проведение данных мероприятий сопровождалось и сопровождается использованием добровольной помощи потенциальных потерпевших, как разновидности негласного содействия, а также применением специальных химических веществ и химических ловушек для обеспечения доказательственной базы.

Несмотря на наличие в законе указанных ОРМ, допускающих создание оперативными подразделениями обстановки инициативного проявления заподозренным лицом своих преступных намерений с целью удостоверения в этом, обеспечения доказательств и задержания лица с поличным при совершении преступления, Федеральное законодательство по непонятным причинам не предоставило правоприменителям официального юридического определения понятия провокации с целью обеспечить исключительно правомерные действия организаторов, исполнителей и участников рассматриваемых оперативно-розыскных мероприятий и исключить коллизионность при толковании сторонами судопроизводства тех или иных действий лиц, в них вовлеченных. Единственным гипотетическим объяснением этому можно считать упоминание в законе об ОРД принципов «законности», «уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина», как некоего гаранта правомерных действий участников ОРД. Однако оперативно-розыскная и судебная практики наглядно показали недостаточность этих положений закона для безупречной регламентации правовых и функциональных аспектов проведения ОРМ «оперативный эксперимент», «проверочная закупка», «контролируемая поставка».

Как же происходил (и продолжает происходить) генезис социально-правового института «провокации преступления» и соответствующего ему одноименного термина в Российском и зарубежном правоприменении? Рассмотрим краткую ретроспективу этого процесса.

Общемировая и Российская военная, политическая, правоприменительная и пр. история изобилует многочисленными примерами использования провокации для решения самых разнообразных (тактических и стратегических) вопросов в экзистенциальных сферах жизни общества – вопросы Иуды Искарйота Иисусу Христу, как провокация последующего ареста и казни Христа, убийство эрцгерцога Франца

Фердинанда, как провокация первой Мировой войны, поджог здания Рейхстага, как провокация политических репрессий со стороны социал-националистов фашистской Германии и многое другое. Произведения же мировой литературы содержат еще более многочисленные примеры провокаций в жизни индивида, семьи и социумов.

Провокация в деятельности правоохранительных органов и специальных служб, как России, так и иностранных государств на протяжении длительного времени является темой острых дискуссий широкой юридической общественности, правоведов и практиков и основанием для споров сторон при рассмотрении дел в суде (вплоть до Европейского суда по правам человека), а также в процессе прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью и как явление, изучалась и продолжает изучаться представителями различных отраслей права в рамках фундаментальных научных исследований¹ и отдельных частных научных публикаций². При этом стоит отметить имеющиеся

¹ См., например: Бабыч С.А. Провокация взятки либо коммерческого подкупа: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дисс... канд. юрид. наук. М.: Российский государственный университет правосудия, 2006. – 215 с.; Сандаковский С.А. Уголовно-правовая оценка провокации взятки. Дисс... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД Российской Федерации, 2010. – 187 с.; Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права (проблемы теории и практики). Дисс... докт. юрид. наук. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД Российской Федерации, 2011. – 367 с.; Забелов А.Ю. Уголовно-правовая оценка провокации как преступления против интересов правосудия. Дисс... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. – 232 с.; Жарких И.А. Провокация преступления в уголовном праве России. Дисс... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – 252 с. и др.

² См., например: Шкабин Г.С. Некоторые вопросы провокации преступления при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Актуальные вопросы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в деятельности подразделений дознания; Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: актуальные вопросы теории и правоприменения. Материалы научно-практических семинаров. 2010, С. 306-308; Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: монография / Нижний Новгород, 2011; Головин А.Ю., Дубоносов Е.С. Провокация преступления в системе сыскной деятельности полиции (XIX - начало XX вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 71-77; Федюнин А.Е., Алферов В.Ю. К вопросу о правовой природе провокации преступления // Вестник Саратовской государственной юридической

принципиальные различия в подходах и законодателей, и правоприменителей России и некоторых иностранных государств, о которых будет сказано далее.

Будучи ограниченными объемом и форматом настоящей работы, сделаем лишь краткий ретроспективный анализ использования провокации и соответствующего ей термина в Российской правовой действительности и тезисно обозначим значимые аспекты.

История политического сыска России середины XIX – начала XX веков имеет яркие примеры целенаправленного использования провокации полицией и жандармерией того времени для максимально эффективного решения стоящих перед ними задач – выявление лиц, занимающихся революционной (т.е. антиправительственной, антимонархической) деятельностью, создание условий слепообразования в самом широком понимании этого термина, документирования деятельности революционеров и иных неблагонадежных лиц, задержание фигурантов с поличным и др.¹. Ретроспективные исследования наших коллег²

академии. 2019. № 3 (128). С. 152-160; Борков В.Н. Провокация преступления: уголовно-правовая оценка действий провокатора и спровоцированного // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 68-74; Семенцов В.А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности // Союз криминалистов и кримиологов. 2020. № 4. С. 45-53; Омелин В.Н. Оперативный эксперимент: понятие и правила проведения, исключающие провокацию преступления // Право и управление. 2024. № 9. С. 392-395 и др.

¹ См., например: Серебряков Е.А. Общество «Земля и Воля». Лондон, 1902. – 63 с.; Тун А. «История революционных движений в России» СПб., 1906; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-80-х гг. 19 в., М., 1912; Плеханов Г.В. Неудачная история партии «Народной воли», т. 24, М., 1924; Нечкина М.В. «Земля и Воля» 1860-х гг. (По следств. мат-лам) // История СССР. 1957, № 1; Воспоминания члена организации «Земля и воля» М.Р. Попова // Донской временник / Донская государственная публичная библиотека. Ростов-на-Дону, 1993–2015; Волк С.С. «Народная воля» (1879-1882), М., 1966; Дело провокатора Малиновского // сост. Б.И. Каптелов, И.С. Розенталь, В.В. Шелохаев. – М.: Республка, 1992; Письма Азефа: 1893-1917 / сост.: Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М.: Терра, 1994. 287 с.; Панфилец А.В., Федоров А.Б., Бредихин А.Л. Зарождение политического сыска России: от опричнины до Приказа тайных дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 37-43 и др.

² См., например: Вихарев А.В. К вопросу о «провокации» в деятельности органов политического сыска России в начале XX века // Вестник Чувашского

подтверждают вышеизложенное и кроме того, указывают, что сам термин «провокация», не имея официальной дефиниции, активно обсуждался политической и юридической общественностью России того времени, причем мнения участников официальных (в том числе правительственных) дискуссий о правомерности провокации были весьма полемичны¹.

Не касаясь неоднозначных во времени и в разных социумах морально-этических сторон использования подобных методов в полицейской деятельности того периода, следует объективно признать, что, во-первых, они были направлены на защиту существующего государственного строя и правящей монаршей особы, т.е. гипотетически и объективно должны быть оценены, как исключительно социально-полезные.

Во-вторых, юридически (законодательно) они не были запрещены, т.е. являлись легитимными, независимо от частных мнений политиков, чиновников и юристов того периода, сколь бы влиятельными и статусными они не были.

В-третьих, эти методы были действенны и рациональны в достижении правоохранными ведомствами конечных результатов своей деятельности минимальными усилиями (т.е. – решения задач правоохраны).

В-четвертых, принятие в будущем этих методов на «вооружение» правоохранными органами ряда отдельных государств и их активное использование в борьбе с организованной, экономической, коррупционной и «наркотической» преступностью свидетельствует об их эффективности, допустимости и реальных, а не эфемерных перспективах использования.

университета. 2008. № 1. С. 20-23; Гирько С.И., Харченко С.В. Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и провокации // Военное право. 2020. № 4 (62) – С. 149-153 и др.

¹ См., например: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. Л.: Госполитиздат, 1925. Т. 3. С. 211, 214; Николаевский Б.И. История одного предателя / Б.И. Николаевский. М.: ТЕРРА, 1991. С. 334-335; Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880-1917 / З.И. Перегудова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 6; Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов / А.П. Мартынов // Охранка: Воспоминания руководителей охранных отделений. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 217 и др.

В Советский период уголовное и уголовно-процессуальное законодательство СССР никак не регламентировало вопросы провокативного поведения в части допустимости или запрета его использования при решении задач сыска. И хотя нормы материального (уголовного) права упоминали термин «провокация», относился он к совершенно иным юридическим сферам.

Так, сначала УК РСФСР 1922 г.¹ в ст.115, упоминал провокацию в норме, регламентирующей уголовную ответственность за совершенно конкретный состав преступления – «провокацию взятки, т.е. заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку...». Позднее его правопреемник УК РСФСР 1926 г.², в ст. 119 фактически дублировал данную норму, определяя провокацию взятки, как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку». Сопоставляя тексты УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. и УК РФ 1996 г., представляется очевидным, что редакция указанной «старой» нормы если и не полностью идентична редакции аналогичной современной нормы (ст. 304 «Провокация взятки либо коммерческого подкупа» УК РФ), то весьма близка к ней и также обладает некоторыми уголовно-правовыми характеристиками, отличающими подобную провокацию от иных провокаций в сфере ОРД. Таковыми, по нашему мнению, являются следующие.

Во-первых, в норме не конкретизировано, должностное лицо какого именно органа является субъектом преступления. С одной стороны, это можно истолковывать расширенно и применительно к любому без каких-либо исключений должностному лицу. С другой стороны, вполне логично предполагать, что речь ведется только о должностных лицах, которым или от которых поступают соответствующие предложения (требования), что конечно же существенно сужает круг субъектов и даже исключает из него должностных лиц оперативных подразделений.

¹ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. № 15. – Ст. 153.

² Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года. 22.11.1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. № 80. – Ст. 600.

Во-вторых, рассматриваемая статья посвящена фактически одному преступлению – «даче взятки» и не охватывает собой многочисленные иные преступления, которые теоретически могут быть спровоцированы в целях искусственного создания доказательственной базы. Забегая вперед, можно констатировать, что перечисленные особенности рассмотренной статьи УК РСФСР 1926 г. были фактически продублированы законодателем в тексте ст. 304 «Провокация взятки либо коммерческого подкупа» ныне действующего УК РФ¹ с добавлением к составу преступления кроме взятки еще и коммерческого подкупа. То есть, рассматриваемая ст. 304 «Провокация взятки либо коммерческого подкупа» Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая уголовную ответственность за означенные деяния, не устранила пробелы законодательства в части определения понятия «провокация преступления», хотя именно в ней предпринята попытка разграничения провокации конкретного преступления (взятки или коммерческого подкупа) от конкретного оперативно-розыскного мероприятия – «оперативного эксперимента». Иных упоминаний провокации УК РСФСР 1922 г. и 1926 г. не содержали.

Еще один правопреемник рассмотренных выше нормативных правовых актов 1922 и 1926 годов УК РСФСР 1960 г.² тоже содержит в своем тексте рассматриваемый нами термин «провокация», однако делает это уже в совершенно ином контексте. По неизвестной нам причине и непонятной логике законодателей из кодекса была исключена (как оказалось – временно) вышерассмотренная статья о провокации взятки, но в то же время включена ст. 67 «Террористический акт против представителя иностранного государства», в которой этот термин использовался. Диспозиция указанной статьи определяла содержание террористического акта против представителя иностранного государства, связывая его с конкретной целью – «провокацией войны или международных осложнений». И хотя кодекс никак не раскрывает содержательный или деятельностный аспект понятия провокация, под этим можно понимать искусственное (путем убийства иностранного гражданина) создание напряженной международной ситуации, используе-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовный Кодекс РСФСР от 27.10.1960 б/н // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

мой одной из сторон (государством) как «Casus belli – основание, формальный повод объявления войны и начала военных действий»¹, то есть здесь провокацией является само убийство представителя иностранного государства. Сказанное опровергает возможность использовать рассматриваемый термин «провокация» в данном контексте применительно к провокации преступления в ОРД.

Следует сказать, что абсолютно аналогичная ситуация просматривается и в ныне действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации². Часть 2 ст. 360 «Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой» (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ) особо квалифицирует рассматриваемое преступление, если его целью являлась «провокация войны или осложнение международных отношений». При этом понятие провокации в рассматриваемом кодексе также не дается и под ней в данном конкретном случае следует понимать «нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой», осуществляемое с указанной целью. Очевидно, что деятельностный и юридический аспект данной нормы не имеет отношения к провокативным действиям в сфере оперативно-розыскной деятельности и сама норма не могла и не может быть реализована применительно в рассматриваемой теме.

Представляется интересной с функциональных и юридических позиций сложившаяся в то время и долго использовавшаяся практика оперативно-розыскного противодействия целому ряду серийных имущественных, на сексуальной почве и должностных преступлений (в том числе с применением химических ловушек) и ее юридической оценки представителями надзирающих органов и стороной защиты. В последних трех декадах XX века оперативные подразделения, специализирующиеся на борьбе с серийными изнасилованиями и убийствами, карманными кражами, кражами из хранилищ, уличными грабежами и разбоями, а также кражами / угонами автотранспорта

¹ Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / Автор-составитель М. Гамзатов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2002. – С. 70.

² Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

активно применяли так называемый метод «ловли на живца», который в дальнейшем в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» получил свое нынешнее название «оперативный эксперимент» и при фактически полном отсутствии нормативной правовой регламентации в то время полностью соответствовал тем требованиям, которые сегодня предъявляются к данному оперативно-розыскному мероприятию. Сказанное отражает функционально-прикладную оптимальность и универсальность разработанных практикой методов выявления, документирования и раскрытия перечисленных преступлений, что во многом продолжает использоваться и совершенствоваться в настоящее время.

Но при этом нельзя не отметить особенности ведомственной нормативной регламентации вопросов применения специальных химических веществ и химловушек в процессе этих мероприятий и практики оспаривания сторонами защиты, а порой прокуратурой и судом их правомерности. В условиях нормативного правового дефицита рассматриваемый аспект деятельности оперативных подразделений опосредованно регламентировался Приказом МВД РФ от 11 сентября 1993 г. № 423 «Об утверждении Инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной, частной собственности и собственности общественных объединений (организаций)»¹, допускающий использование химических ловушек для решения задач оперативных подразделений, под которыми как раз и понимался указанный метод. Его основой было создание оперативными сотрудниками внешне благоприятных (безопасных для преступника, по его субъективному убеждению) условий реализации заподозренным лицом своих преступных намерений, т.е. совершения преступления – получение взятки, хищение из хранилища, кража кошелька, уличный грабеж, изнасилование и пр. Использование специальных химических веществ (далее – СХВ) при этом было лишь частным и вспомогательным способом обеспечения слеодообразования.

¹ Об утверждении инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной частной собственности и собственности общественных объединений (организаций): приказ МВД России от 11 сентября 1993 г. № 423 // Бюллетень текущего законодательства. 1993. № 5.

В то же время в своих предшествующих работах¹ мы указывали, что оперативные подразделения, использовавшие метод «ловли на живца» (т.е. фактически – оперативный эксперимент) в практике выявления и задержания с поличным преступников, постоянно подвергались критике и обвинениям со стороны защиты в провоцировании подзащитного на совершение преступления. «Этим пользовалась сторона защиты, обвиняя потерпевшего (лицо, согласившееся принять участие в оперативном эксперименте), у которого была похищена химловушка, в провоцировании подзащитного на совершение преступления, якобы демонстративно беспечным поведением, демонстрацией наличия кошелька и т.п., что, конечно же, по нашему глубокому убеждению, не может быть квалифицировано, как провокация»². Нередко аналогичную позицию занимали надзирающие прокуроры и судьи, что постепенно привело к отказу оперативных сотрудников от использования химловушек активного типа, но не от самого метода.

Полагаем, что в случайной или даже целенаправленной демонстрации лицом наличия у него денежных средств, кошельков, дорогостоящих предметов одежды и аксессуаров, транспортных средств и пр., а также беззаботного поведения к обеспечению их сохранности или собственной безопасности не может быть ни малейших признаков провокативного поведения. Попытки же трактовать подобное как провокацию лица на совершение кражи (или иного преступления) является априори извращенной интерпретацией Конституционного права собственности и свободы правомерного поведения абсолютно любого лица. Убедительную поддержку нашим воззрениям находим в позиции ученых, считающих, что «нельзя считать провокацией выставление автомобилей-ловушек в местах, где наиболее часто совершаются кражи транспортных средств или имущества из них, и иные подобные дей-

¹ См., например: Тамбовцев А.И., Любас Р.А. Некоторые проблемы правового регулирования использования специальных химических веществ и химических ловушек в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 134-139; Тамбовцев А.И. Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 183-200.

² Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Оперативно-розыскной инструментарий: монография. – Москва: Проспект, 2024. – С. 140 (304 с.)

ствия сотрудников оперативных подразделений. Эти действия рассчитаны лишь на выявление определенной категории лиц, но никак не на склонение конкретных лиц к противоправному поведению. Провокация всегда конкретна. Объект провокаторов – конкретные лица или группы лиц. Сущность провокационных действий не в изменении объективной обстановки, а в стремлении изменить субъективные обстоятельства – психическое отношение провоцируемых к тем или иным условиям и обстановке (независимо от того, созданы они искусственным или естественным путем). Именно стремлением сделать невиновного человека виновным определяется опасность провокации, так же, как и тем, что ее цель – наступление вредных последствий для провоцируемых лиц»¹. И хотя в настоящее время использование химических ловушек активного типа ограничено, оперативный эксперимент и проверочная закупка продолжают активно применяться правоохранительными органами в их борьбе с широким рядом преступлений, в том числе с использованием специальных химических веществ, что рассматривается юридической общественностью, как наиболее действенные способы борьбы с указанными видами преступлений².

¹ Гирько С.И., Харченко С.В. Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и провокации // Военное право. 2020. № 4 (62) – С. 150

² См., например: Оперативный эксперимент: вопросы теории и практики: Сборник научных трудов. М.: Академия управления МВД России, 2005. – 103 с.; Шахматов А.В., Захарцев С.И., Спиридонов П.Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1 (25). С. 113-117; Чечетин А.Е. Правовые и организационно-тактические проблемы применения оперативного эксперимента в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 115-120; Невский Е.П. Особенности правовой фиксации результатов оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Инновационные подходы в современной науке. сборник статей по материалам XLI международной научно-практической конференции. 2019. С. 71-74; Яковец Е.Н. Характерные особенности так называемых «острых» оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» // Эпомен. 2021. № 54. С. 252-276; Бухаров Н.Н., Бозиев Т.О. Вопросы соотношения оперативного и следственного экспериментов //

Советская и Российская правоприменительная практика вообще и оперативно-розыскная в частности, характеризуются нормативно-выхолощенным подходом в юридических оценках самого понятия «провокация в оперативно-розыскной деятельности» и ее функциональных (деятельностных) аспектов. Проведенный анализ Советского и Российского законодательств убедительно и безальтернативно свидетельствует о фактическом отсутствии в нем до 2007 г. норм, целенаправленно предупреждающих провокацию преступлений со стороны правоприменительных органов и специальных служб в правоприменении. Такие законы и кодексы, регламентирующие деятельность вышеупомянутых субъектов, как Закон Союза Советских Социалистических Республик от 19 июля 1973 года № 4542-VIII «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»¹, Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-I «О советской милиции»², Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции»³, Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», Федераль-

Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы. Сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. 2022. С. 256-259 и др.

¹ Закон Союза Советских Социалистических Республик от 19 июля 1973 года № 4542-VIII «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» // «Ведомости Верховного Совета СССР» № 30, 25.07.1973.

² Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-I «О советской милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР от 20 марта 1991 г. № 12, ст. 319.

³ Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

ный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»¹, Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»², Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»³, Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»⁴, Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ⁵ не имели и не имеют до сих пор в своих текстах норм, определяющих само понятие провокации и содержащих предписания или запреты по ее недопущению в процессе непосредственного правоприменения соответствующим субъектом, не обязательно оперативным.

Справедливости ради следует отметить, два интересных момента.

Во-первых, вдобавок ко всем вышеперечисленным, ныне действующий Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» до введения соответствующих изменений в ст. 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ⁶, не имел в своих нормах положений, запрещающих органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность провоцировать кого бы то ни было на совершение преступлений – подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, что и было официально (в тексте закона) названо «провокацией». При этом, используя рассматриваемый термин «провокация», и тем самым придавая ему статус официально-юридического, закон об ОРД, тем не менее,

¹ Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // «Российская газета» от 12 апреля 1995 г. № 72.

² Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // «Российская газета» от 17 января 1996 г.

³ Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // «Российская газета» от 6 июня 1996 г. № 106.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

⁵ Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

⁶ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. № 165.

прямо не дает его понятия, оставляя правоприменителю возможность (необходимость) делать это опосредованно, основываясь на раскрывающих его сущность иных терминах, что конечно же нельзя признать оптимальным.

Во-вторых, закон о полиции, не упоминая термин «провокация», все-таки не полностью безмолвствует по этому вопросу. Часть 3 ст. 6 «Законность» рассматриваемого закона запрещает сотрудникам полиции (которыми безусловно являются все сотрудники оперативных подразделений) подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению противоправных действий, фактически дублируя вышеупомянутую норму закона об ОРД.

Очевидно, что тексты обоих нормативных правовых актов адресуют указанные предписания только и исключительно сотрудникам правоохранительных органов (а именно сотрудникам полиции и должностным лицам субъектов ОРД), но никак не упоминают лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, применительно к рассматриваемому контексту, что формально можно было бы рассматривать, как юридическое допущение провокации этими лицами. Однако, принимая во внимание, что деятельность лиц, оказывающих любые формы содействия оперативным подразделениям, есть лишь реализация (воплощение в жизнь) ими волеизъявления уполномоченных на то субъектов, полагаем, что в данном случае положения обоих Федеральных законов в части запрета действий, представляющих собой провокацию, должны истолковываться исключительно в «духе закона», то есть распространяться всецело и на лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД и на любых иных участников рассматриваемых ОРМ.

Таким образом, заканчивая ретроспективное рассмотрение юридических и функциональных аспектов социально-правового института провокации преступления, можно констатировать, что сыскные методы, основанные на искусственном создании условий инициативного проявления заподозренным лицом своих преступных намерений, не будучи регламентированными Федеральным законодательством, активно применялись правоохранительными органами России в рассматриваемом периоде (с конца XIX по настоящее время) и впервые были нормативно закреплены в положениях ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в виде оперативно-розыскных мероприятий «оперативный эксперимент», «проверочная

закупка» и «контролируемая поставка». В то же время используемый в тексте закона об ОРД термин «провокация» не имеет своей удовлетворяющей запросы правоприменительной практики дефиниции и строгого юридического понятия, что влечет многочисленные юридические коллизии.

3.2. Провокация как элемент оперативно-розыскной деятельности

Исследуя провокацию в деятельности правоохранительных органов вообще и оперативных подразделений ОВД в частности, следует определиться с понятием и содержанием этого весьма неоднозначного юридического и оперативно-розыскного термина, активно используемого в научно-теоретической и юридико-прикладной сферах с 1980-х годов прошлого столетия по настоящее время, и самого социально-правового феномена, имеющих критически важное значение для всех участников ОРД.

Несмотря на то, что понятие «провокация» в своем обобщенном и узкоспециализированном применительно к конкретному преступлению (например, провокация взятки) значении активно исследуется и обсуждается юридическим сообществом¹ длительное время, юриди-

¹ См., например: Говорухина Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве. Дисс... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. – 176 с.; Губанова О.В. Особенности расследования провокации взятки либо коммерческого подкупа. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – 24 с.; Агарков А.В. Использование провокации в деятельности органов политического сыска Российской Империи // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 233-235; Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности: монография. Сер. Библиотека криминалиста: БК. Москва, 2010. – 150 с.; Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права (проблемы теории и практики). Дисс... докт. юрид. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД Российской Федерации, 2011. – 367 с.; Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 332 с.; Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» /

ческие науки до сих пор не имеют легитимной и общепризнанной дефиниции этого понятия. К тому же, по убеждению целого ряда исследователей, появление в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» термина «провокация» в значении именно «провокация преступления» в 2007 году явилось не последовательным и объективным решением законодателя оптимизировать правоприменение вообще и борьбу оперативных подразделений с преступностью в частности, а вынужденной ответной реакцией на многочисленные решения Европейского суда по правам человека по делам «группы Ваньян»¹, считавшего отсутствие в Российском законодательстве норм, запрещающих провокацию, основанием для признания результатов ОРД и расследования в целом нелегитимным².

Считаем нужным сразу же акцентировать внимание на том, что Российское законодательство не имеет официального юридического термина «провокация», а современное правовое толкование этого понятия в юриспруденции и правоприменении является достаточно

под ред. проф. А.Е. Чечётина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 304 с. и др.

¹ См., например: Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. Дело «Ваньян против Российской Федерации (Vanyan V Russia)» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека, 2006. № 7; Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 октября 2006 г. Дело «Худобин против Российской Федерации (Khudobin V Russia)» (жалоба № 59696/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека, 2007. № 11; Постановление Европейского Суда по правам человека от 14 ноября 2010 г. Дело «Банников против Российской Федерации (Bannikov V Russia)» (жалоба № 18757/06) // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 4; Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 октября 2012 г. Дело «Веселов против Российской Федерации (Veselov V Russia)» (жалоба № 23200/10) // Бюллетень Европейского суда по правам человека, 2013. № 3 и др.

² См., например: Шкабин Г.С. Понятия провокации преступления и провокации взятки в законодательстве и судебной практике // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Сборник трудов конференции «Состояние противодействия коррупции и направления совершенствования борьбы с ней. Москва, 27-28 января 2015 года». М.: Российская криминологическая ассоциация. 2015. – С. 241; Кольцов Д.В. По существу пассивным путем: вопросы имплементации правовой позиции Европейского Суда по агентурной провокации // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 119–131;

сильно измененной трансформацией своего первоначального значения в Римском праве. «Под провокацией (*provocatio ad populum*) в Древнем Риме понимали право гражданина на обращение к народу для пересмотра вердикта высших властей. Этим правом обычно пользовались в случае вынесения на суде смертного приговора, реже – телесного наказания. Представители народного собрания не были связаны формулами закона и, при решении вопросов о наказании, как правило, руководствовались личными симпатиями и жизненным опытом. Поскольку жизнь нельзя свести без остатка к теории, а справедливость – к нормам позитивного права, у приговоренного возникал реальный шанс сохранить жизнь и свободу... Что касается гражданских дел, то провокацией (*provocatio ad agendum*) здесь называлось понуждение истца к предъявлению иска. Так, если один человек обвинял другого (например, в отказе от уплаты долга), и тем самым ставил под сомнение его репутацию, то последний мог понудить первого обратиться в суд с иском о взыскании долга. Если же обвинитель предпочитал уклониться от предъявления такого иска, он был обязан в дальнейшем воздерживаться от голословных обвинений»¹. Очевидно, что в современном значении применительно к правоприменению данный термин означает нечто совершенно иное, нежели в древнем Риме.

Отсутствие в Законе официального определения понятия «провокация преступления», по справедливому замечанию правоведов², вполне объяснимо влечет самые негативные последствия в юридических оценках как противоправной деятельности отдельных лиц (степени и формы их соучастия в вымогательстве или предложении взятки, незаконном сбыте оружия или наркотиков и т.п.), так и правоприменительной деятельности государственных органов и их должностных лиц в части проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий

¹ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки. Монография / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: ЦСПиМ, 2017. – С. (336 с.)

² См., например: Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 44-52; Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика, 2013, № 1 – С. 58-61; Дизер О.А. Провокация преступления: уголовно-правовой аспект. Дисс... канд. юрид. наук. Омск: ОМА МВД России, 2022. – 239 с. и др.

«проверочная закупка» и «оперативный эксперимент», направленных на выявление и документирование преступной деятельности. Иные же определения этого понятия представляются полемичными и не адаптируемыми к рассматриваемой области.

Так, специализированные узкодисциплинарные словари предлагают достаточно различные в виду адаптации под конкретную дисциплину дефиниции понятия «провокация», трудно или вообще не применимые к сфере юриспруденции:

«Толковый словарь Ожегова: провокация – предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия.

Социологический словарь: провокация (от лат. *provocatio* – вызов) – англ. *provocation*; нем. *Provokation*. 1. Подстрекательство, побуждение отдельных индивидов, социальных групп или организаций к действиям, наносящим ущерб кому-либо. 2. Предательские действия, проникших в какую-либо организацию агентов.

Толковый словарь Кузнецова: провокация – 1. Агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт. Военная провокация. Вооружённая провокация. Открытая провокация. Втянуть в провокацию кого-либо. Организовать провокацию. Столкновения вызваны провокацией на межнациональной почве. 2. Предательское поведение, подстрекательство кого-либо к действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия. Не поддаваться на провокацию»¹.

«Словарь конфликтолога: провокация конфликта – создание, конструирование и реализация повода для конфликта. Создается стороной, желающей развязать конфликт и через него реализовать свои интересы

Психологическая энциклопедия: провокация жестокого обращения – термин, обозначающий явление, когда некоторые дети провоцируют жестокое обращение со стороны своих родителей. Такому поведению могут способствовать чрезмерная плаксивость, физические недостатки, преждевременное развитие.

Медицинский словарь: Искусственное возбуждение, усиление каких-либо явлений, признаков болезни. Провокация гриппа. Провокация приступа лихорадки.

¹ Анцупов А.Я, Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. М.: Питер, 2006. – С. 343.

Сельскохозяйственный словарь-справочник: провокация семян сорняков – создание условий для быстрого и дружного прорастания сорняков с целью последующего уничтожения их всходов и проростков»¹.

В то же время многие юридические словари и энциклопедии конца XX-начала XXI веков алогично не содержат понятия «провокация» ни в правовом, ни в обобщенном, индифферентном к юриспруденции значении², либо соотносят его исключительно с конкретным уголовно-правовым деликтом – провокацией взятки или коммерческого подкупа, предусмотренным ст. 304 УК РФ³, что конечно же несовместимо с оперативно-розыскным значением этого термина и имеет свою ярко выраженную специфику.

Проведенный анализ целого ряда «типовых» дефиниций понятия «провокация», позволяет утверждать, что в самом нейтральном значении провокация представляет собой вид психологической манипуляции (воздействия), осуществляемой одним лицом (группой лиц) в отношении иного лица или группы лиц в собственных интересах с целью побуждения оппонентов к неким (как правило, ожидаемым) действиям, влекущим определенные последствия (обычно негативные для действующих субъектов, но в некоторых случаях опосредованно направленных на третьих лиц)⁴. При этом данный термин объективно

¹ Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки. Монография /А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: ЦСПиМ, 2017. – С. (336 с.)

² См., например: Юридический энциклопедический словарь. 2-е дополненное издание. / Гл. редактор А.Я. Сухарев. – М.: «Советская энциклопедия», 1987; Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 384 с.; Большая юридическая энциклопедия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 685 с. и др.

³ См., например: Юридический словарь. Том 2 О-Я. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956; Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1998. – С. 366 (526 с.); Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 790 с. и др.

⁴ См., например: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – С. 596 (928 с.); Большой словарь иностранных слов / Сост. А.Ю. Москвин. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «Полус», 2003. – 816 с. и др.

применим к различным сферам повседневной жизнедеятельности социума – военная, медицинская, социально-психологическая и пр. и в том числе к сфере правоприменения и юриспруденции.

В настоящее время Российские ученые считают, что в условиях отсутствия в материальном праве «самостоятельного» уголовно-правового состава «провокация преступления», под провокацией следует понимать разновидность подстрекательства, т.е. «уголовно-наказуемые действия, заключающиеся в склонении одним лицом (подстрекателем) другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ)»¹. Примечательно, что именно эта специфическая особенность (подстрекательство к какому-либо действию) наглядно просматривается во всех вышеприведенных узкодисциплинарных определениях, что и следует положить в основу рассуждений при формулировании дефиниции понятия «провокация» в оперативно-розыскном контексте. Хотя объективности ради следует признать, что, если уговор, подкуп или угроза, как некие побудительные к совершению лицом преступления действия, имеют достаточно понятное деятельностное содержание, то синтагма «другим способом» допускает практически бесконечное количество полемичных вариантов действий, которые в условиях правового умолчания нормы (и закона вообще) могут трактоваться обеими противостоящими сторонами в суде как допустимые или обязательные, а потому – изначально конфликтогенными.

При отсутствии в нормах УК РФ (материальном праве) положений, конкретно определяющих содержательный аспект провокации преступления², как социально-правового института, обратимся к иным нормативным правовым актам Российского законодательства, косвенно раскрывающим ее деятельностные аспекты.

Статья 5 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» ФЗ об ОРД гла-

¹ Оперативно-розыскная энциклопедия / Авт.-сост. проф. А.Ю. Шумилов. – М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2004. – С. 244-245 (364 с.).

² В данном случае мы не принимаем во внимание диспозицию ч. 4 ст. 33 УК РФ, частично раскрывающую деятельностный аспект подстрекательства, но не провокации преступления. (Отмечено нами – А.Т.)

сит, что «Органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается: подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)». Основываясь на данной терминологической конструкции, с некоторой долей условности можно считать, что под провокацией преступления со стороны сотрудников оперативных подразделений законодатель подразумевает подстрекательство, склонение или побуждение лица в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Идентичные положения находим в ст. 6 «Законность» ФЗ «О полиции», согласно которым «сотруднику полиции запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению противоправных действий». И в данном случае правоприменитель в очередной раз сталкивается с функциональной неопределенностью такого собирательного термина, как «побуждать в прямой или косвенной форме».

Деятельностное выражение подстрекательства, как одной из форм провокации представлены нами выше при анализе соответствующей нормы УК РФ. Полагаем, что и формы осуществления подстрекательства, перечисленные в ч. 4 ст. 33 Уголовного кодекса России, и действия сотрудников полиции и субъектов ОРД, перечисленные в вышепредставленных нормах закона о полиции и закона об ОРД (провокация), могут выражаться исключительно в активных действиях, т.е. провокация не может осуществляться путем бездействия.

Определенную ясность в толкование допустимых границ и способов осуществления оперативного эксперимента и проверочной закупки от провокации преступления в процессе их проведения может внести изучение и сопоставление позиций ученых, исследующих указанную проблематику и многочисленных (но при этом обобщенных) позиций Европейского суда по правам человека, представленных по целому ряду аналогичных дел (жалоб) граждан России и зарубежных государств. Будучи ограниченными объемом и форматом работы представим их тезисно.

Современные Российские ученые, изучающие проблемы провокации преступлений в процессе осуществления ОРД, в целом единодушны в своих определениях оперативного эксперимента:

Оперативный эксперимент – это оперативно-розыскное мероприятие, которое заключается в создании и обеспечении условий, необходимых для осуществления оперативными сотрудниками негласного контроля и фиксации действий лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, в том числе в условиях обстановки, максимально приближенной к реальности, вызывающей определенное событие, либо воспроизведение события, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без его уведомления об участии в оперативном эксперименте для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших¹.

Оперативный эксперимент – способ получения информации, заключающийся в негласном наблюдении и документировании поведения лица в искусственно созданных условиях с целью выявления его противоправной деятельности и получения доказательств².

Оперативный эксперимент – это ОРМ, которое заключается в создании и обеспечении контроля условий, необходимых для документирования подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, в том числе в условиях обстановки максимально приближенной к реальности, вызывающей определенное событие либо воспроизведение события под контролем оперативного подразделения, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности, без его уведомления об участии в оперативном эксперименте для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших³.

¹ Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. 2-е изд., перераб и доп. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. — С. 154 (276 с.)

² Хармаев Ю.В. Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. – С. 65 (152 с.)

³ Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 166 (378 с.)

Основываясь на аутентичных воззрениях (доктринальных определениях) ряда ученых¹, А.В. Агарков определяет оперативный эксперимент, как «мнимое поддержание преступной инициативы, осуществляемое и негласно контролируемое оперативным подразделением путем наблюдения и (или) действий лица, лично участвующего в проведении данного оперативно-розыскного мероприятия, для выявления и документирования преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений»².

Представляется интересным и важным использование правоведами аналогичного критерия «мнимости» при определении понятия «проверочной закупки», как ОРМ, также основанного на методах, граничащих с провокацией, что априори исключает виновность одного из участников «сделки», действующего на стороне оперативного подразделения. «Проверочная закупка – это ОРМ, заключающееся в совершении мнимой сделки купли продажи, либо оказания услуг с лицом, в отношении которого имеются сведения о подготовке или совершении им противоправного деяния, с целью проверки этих сведений, получения образца для сравнительного исследования, пресечения противоправной деятельности либо решения иных задач ОРД³. Очевидно, что в определении просматриваются обязательные условия проведения такого «провокативного» ОРМ – наличие сведений о преступной деятельности лица, направленность на решение задач ОРД, а также мнимый характер внешне противоправных действий участников со стороны оперативного подразделения, что исключает их из статуса субъектов соответствующего преступления.

¹ См., например: Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М., 2006. С. 119; Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы: в 2-х кн. Кн. II: Оперативно-розыскные мероприятия и меры: учеб.-практич. пособие. М., 2006. С. 116; Вагин О.А., Исиченко А.П., Шабанов Г.Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: монография. М., 2006. С. 31.

² Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография / А.В. Агарков; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. – С. 75 (92 с.)

³ Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – С. 109 (488 с.)

Основываясь на выше представленных дефинициях, можно в общем определить оперативный эксперимент, как искусственное создание контролируемой обстановки, способствующей проявлению заподозренным лицом своих преступных намерений, с целью выявления, предупреждения, раскрытия и документирования особо тяжких, тяжких и средней тяжести преступлений.

Полагаем, что выше представленные авторские дефиниции понятия «оперативный эксперимент» не выходят за пределы определения, данного Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 ноября 1996 г.: «Под оперативным экспериментом понимается воспроизведение действий, обстановки и иных обстоятельств противоправного события и совершение необходимых опытных действий в целях пресечения преступных деяний, выявления лиц, их готовящих и совершающих, а также проверки и оценки собранных данных о возможности совершения определенных уголовно наказуемых деяний или получения новых данных о противоправной деятельности»¹.

В то же время необходимо сопоставить указанные авторские воззрения с мнением ЕСПЧ о мировой, а не только Российской правоприменительной практике, чтобы понимать, что именно и в каких условиях отличает допустимые действия сотрудников оперативных подразделений (или их конфиденентов) от неправомерных, являющихся провокацией. При этом, предвзятое непосредственное исследование вышеуказанных аспектов, считаем обязательным обратить внимание читателей на следующее. Профессором В.А. Гусевым отмечен интересный факт, который, по нашему убеждению, является весьма серьезным правовым основанием для критического анализа и даже радикального пересмотра позиций ЕСПЧ в части определения понятия «провокация», однако не нашедший до сих пор отклика в научных публикациях, позициях ученых и особенно – Российского законодателя: «В оригинале рассматриваемого постановления ЕСПЧ, изложенном на английском языке, в п. 55 используется термин «incitement», который переводится,

¹ О рекомендательном законодательном акте «О борьбе с организованной преступностью: постановления Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 нояб. 1996 г. № 8-9 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 12.

как «подстрекательство»¹, а не «провокация», так как для ее определения имеется английский термин «provocation» (вызов). Это позволяет предположить, что ЕСПЧ не отождествляет эти понятия, а русская версия указанного постановления содержит неточности перевода. Следует отметить, что Российское законодательство также разграничивает «подстрекательство» (ст. 33 УК РФ) и «провокацию» (ст. 304 УК РФ), что не позволяет в юридическом смысле толковать их как синонимы². В контексте сказанного и в обстановке современной терминологической (категориальной) и от того – правовой неопределенности с понятием «провокация», мы оставляем пытливым читателям возможность придерживаться той или иной позиции и делать соответствующие выводы.

Судебная практика ЕСПЧ по жалобам граждан России и иных государств Европы, Северной и Южной Америк является слишком обширной для всестороннего самостоятельного рассмотрения в рамках нашей работы. В связи с этим, наши рассуждения будут строиться на признаваемых научным сообществом позициях целого ряда ученых, всесторонне и объективно исследовавших документы ЕСПЧ интересующей тематики, в которых нашли свое отражения обстоятельства и условия проведения полицейских операций, являющиеся неправомерными с позиции провокации преступлений.

Прежде всего отметим, что тайные полицейские операции (для Российской действительности – ОРМ), предполагающие элементы обмана и сотрудничества с лицами, причастными к преступной деятельности, являются неотъемлемой частью государственной борьбы с преступностью во всем мире, что отмечается нашими коллегами³ и не мо-

¹ Новый англо-русский словарь. М., 1997. – С. 364.

² Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30). С. 60.

³ См., например: Шмонин А.В., Семькина О.И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 7 (199). С. 71-81; Дикарев В.Г., Гаврюшкин Ю.Б. Некоторые особенности правового регулирования оперативного внедрения в странах Европы и США // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 1 (37). С. 97-101; Шкабин Г.С. Зарубежный опыт уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017.

жет не учитываться при анализе общемировой и Российской оперативно-розыскной практики. В контексте сказанного профессор В.А. Гусев совершенно обоснованно констатирует, что «ЕСПЧ не отрицает права полицейских органов использовать агентов под прикрытием, информаторов и тайные операции особенно в борьбе с коррупцией и организованной преступностью¹. Однако такое использование допустимо с учетом строгих ограничений и гарантий, при этом общественные интересы не могут служить оправданием для использования доказательств, полученных в результате провокации со стороны полиции, поскольку это создает риск нарушения с самого начала права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство². В итоге ЕСПЧ проходит к выводу, что «провокация со стороны полиции имеет место при участии сотрудников полиции – как сотрудников правоохранительных органов, так и агентов, действующих по их указаниям, – которые не ограничивают себя расследованием преступной деятельности в пассивной форме, но применяют воздействия такого характера, которое провоцирует совершение преступления и которое в ином случае не было бы совершено, с целью установления преступления, то есть получения доказательств и возбуждения уголовного преследования»³. Кроме того, по мнению ЕСПЧ, правоохранительные органы должны

№ 4. С. 15-18; Гусев В.А., Невский Е.П. Правовое регулирование организации и проведения тайных операций Федеральным Бюро Расследований США // Оперативно-розыскное право. 2022. № 1. С. 56-70 и др.

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» (п. 49) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Постановление Европейского суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» (п. 54) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Постановление Европейского суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» (п. 55) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

иметь достаточные основания для подозрения лица, в отношении которого проводится полицейская операция^{1»2}. Аналогичной позиции придерживаются и иные исследователи данной проблематики³.

Основаниями, достаточными для проведения оперативного эксперимента в соответствии с позицией ЕСПЧ, по мнению профессора В.А. Гусева, являются: «сведения о подготавливаемых, совершенных или совершаемых этим лицом преступлениях, полученных как из гласных, так и из негласных источников информации. Кроме того, это могут быть сведения, полученные при проведении ОРМ в соответствии с ч.ч. 2 и 3 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» (например, о недостоверности сведения, предоставляемых лицами, замещающими государственные должности). В качестве оснований для проведения оперативного эксперимента по проверке должностного лица на причастность к взяточничеству, по мнению некоторых исследователей этой проблемы, могут быть признаны любые сведения, указывающие на его коррумпированность, в том числе: жизнь не по средствам (превышение расходов чиновника

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» (п.п. 56, 60) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30). С. 60.

³ См., например: Вагин О.А. Правомерность оперативно-розыскных мероприятий и оценка действий лиц, их осуществляющих (на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека) // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 4 (52); Кольцов Д.В., Шахматов А.В. К вопросу о возможных путях решения требований Европейского Суда по правам человека по санкционированию проведения оперативно-розыскных мероприятий «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент» (на примере оперативных подразделений полиции) // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3; Железняк Н.С., Леонтьева Ю.В. О побуждении к совершению противоправных действий в процессе проверочной закупки наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34); Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография / И.Д. Шатохин, А.Е. Чечётин. Барнаул, 2020 и др.

и членов его семьи над официальными доходами, которые им декларируются); сигналы о том, что он курирует родственный бизнес и т.п.¹ Таким образом, можно предположить, что основанием для проведения оперативного эксперимента является достаточная совокупность сведений, прямо или косвенно указывающих на причастность должностного лица к преступной деятельности. Мы понимаем, что достаточность сведений является весьма субъективным оценочным критерием, однако и ЕСПЧ в своих постановлениях не смог дать четких ориентиров по этому вопросу. Полагаем, что в своем единстве эти сведения должны внушать оперативным сотрудникам (а в дальнейшем и суду) обоснованные сомнения в правомерном и законопослушном поведении должностного лица, в отношении которого планируется проведение оперативного эксперимента»².

Основываясь на целом ряде решений и предложений Европейского суда по правам человека, Российскими учеными была предложена достаточно логичная и понятная система критериев, отграничивающих правомерное проведение ОРМ от провокации преступления. Так в соответствии с научными воззрениями доцента Т.В. Трубниковой к таковым относятся:

«Критерий наличия объективных подозрений устанавливает наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения оперативного эксперимента или проверочной закупки...

Критерий этапа преступной деятельности означает, что суду необходимо установить этап преступления, на котором оперативные сотрудники «присоединились» к совершению уголовно наказуемого деяния, о подготовке или начале совершения которого им стало известно от частных лиц, не являющихся гласными или негласными сотрудниками правоохранительных органов, или же данные органы сами спровоцировали (инициировали) его...

¹ Александрова И.А, Шевелев А.В. К вопросу о пересмотре границы между провокацией и оперативным экспериментом // Вестник МВД России. № 1. С. 48.

² Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30). С. 61.

Критерий добровольности. В рамках данного критерия должен быть выяснен вопрос о том, вынуждалось ли лицо к совершению преступления...

Критерий осуществления надлежащего надзора за производством оперативно-розыскных мероприятий. Необходимость наличия ясного и предсказуемого порядка получения разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий, а также осуществления за ними надлежащего надзора со стороны суда или иного независимого органа»¹.

Старший научный сотрудник НИИ ФСИН России Р.Г. Налбандян, на наш взгляд, обоснованно дополняет этот перечень следующими критериями:

«Критерий наличия умысла – предназначен для установления судом или другими компетентными органами наличия у лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, умысла на его совершение. В случае, если умысел на совершение преступления принадлежит лицу, заподозренному в совершении преступления, то оснований квалифицировать действия сотрудников оперативных подразделений как провокация нет...

Критерий объективных условий совершения преступления. Судебным и другим компетентным органам при решении вопросов, связанных с отграничением провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия, необходимо установить было бы совершено преступление, если бы не вмешательство сотрудников оперативных подразделений»².

В своих целевых исследованиях проблем провокации в полицейских операциях доцент Д.В. Кольцов, отчасти дублирует указанные критерии, но при этом подробно раскрывает их содержание в тексте работы:

¹ Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 44-52

² Налбандян Р.Г. Проблемы провокации преступлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // «III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»». (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8-ми томах. 2017. С. 125-129.

«Критерий объективного подозрения, предполагающий наличие у правоохранительного органа на момент начала мероприятий проверенной оперативно-розыскной информации, свидетельствующей о том, что объект проведения негласной агентурной операции причастен к преступной деятельности или предрасположен к совершению уголовно-наказуемого деяния...

Критерий допустимой тактики проведения негласной агентурной операции. Одним из ключевых условий правомерности используемых тактических приемов является неприменение такого метода воздействия (давления) на объект проведения негласной агентурной операции, как провоцирование к совершению преступления, которое иначе не могло быть совершено, имеющего целью выявление уголовно-наказуемого деяния, то есть возбуждение уголовного дела и обеспечение сбора источников доказательств...»¹.

Им же отмечается, что согласно одному из постановлений ЕСПЧ², недопустимыми действиями со стороны правоохранительных органов (т.е. провокацией преступления) считаются: «...любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования, повышение цены по сравнению с обычной или обращение к состраданию заявителя с упоминанием абстинентного синдрома...»³.

Фактически ЕСПЧ формулирует некий «обязательный для оперативных служб» функционально-правовой стандарт «essentially passive

¹ Кольцов Д. В. Требования прецедентной практики Европейского Суда по правам человека к проведению оперативно-розыскных мероприятий «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент» // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).

² Veselov and others v. Russia [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 08.12.2020).

³ Кольцов Д.В. «По существу пассивным путем»: вопросы имплементации правовой позиции Европейского Суда по агентурной провокации // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 119–131.

manner» (англ. «по существу пассивным путем»), который последовательно упоминается во всех ключевых постановлениях Европейского Суда, затрагивающих вопросы «агентурной провокации» и означает деятельность правоохранительных органов, выражающуюся в пассивной тактике проведения оперативного эксперимента (полицейской / агентурной операции). Однако, как уже упоминалось выше, Европейский суд по правам человека не отрицает категорично возможность именно активного участия сотрудника полиции или конфидентов в полицейских операциях, но при этом не предоставляет правоприменителю четких и определенных критериев оценки тех или иных действий, а оперирует в своих же документах неоднозначными формулировками, недопустимыми для сферы юриспруденции.

В то же время, основываясь на фундаментальных положениях закона об ОРД и ряде решений Конституционного Суда РФ¹ о законности активной формы проведения ОРМ, профессор А.Е. Чечётин в своей доктринальной позиции считает возможным опровергнуть сформированное под воздействием решений ЕСПЧ и бытующее среди определенной части правоведов мнение о допустимости проведения оперативного эксперимента исключительно путем «пассивного контроля поведения»², что следует признать совершенно правильным.

¹ См., например: Определения Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1093-О; от 26 марта 2020 г. № 801-О; от 27 февраля 2020 г. № 319-О; № 75-О от 29 января 2019 г.; от 17 июля 2018 г. № 2022-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.12.2025); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лапина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 2, 5, 6, 8 и 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», главы 16 и статьи 125 УПК РФ, а также постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 1398-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.12.2025).

² Чечётин А. Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55).

Подводя итог всему вышеизложенному, считаем возможным и целесообразным согласиться с профессором А.Е. Чечетиным, утверждающим, что основываясь на результатах анализа вышеприведенных правовых позиций Российских ученых и Европейского суда по правам человека, можно сделать вывод, что провокация исключается, если оперативно-розыскные мероприятия преследуют цель решения задач ОРД, проводятся при наличии законных оснований, а умысел объекта ОРМ сформировался независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений или лиц, оказывающих им содействие. Приведенные положения корреспондируют позициям Европейского Суда по правам человека¹, который исключает провокацию в том случае, если объект проверочной закупки и оперативного эксперимента был готов и согласен совершить преступление и без вмешательства правоохранительных органов².

¹ Пункт 49 постановления ЕСПЧ по делу «Ваньян против Российской Федерации» от 15 декабря 2005 г.; пункт 145 постановления ЕСПЧ по делу «Давитдзе против России» от 30 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А.Е. Чечётина. – Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2022. – 304 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение и осмысление провокационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел является актуальной научно-практической потребностью, соответствующей цели совершенствования их деятельности, в том числе - повышения эффективности оперативно-служебной деятельности в контексте противостояния негативным последствиям провокаций, совершенствования морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел в повседневных и особых условиях ее осуществления, повышения качества взаимодействия органов внутренних дел, граждан и общественных объединений.

Решению всего комплекса задач способствует научно-обоснованное, целенаправленное и последовательное противодействие негативным последствиям провокационного воздействия на индивидуальном, групповом и общественном уровнях его организации. Отчасти этому способствует выполненное научное исследование и его воплощение в виде монографии, в котором рассматриваются вопросы современной социокультурной специфики воздействия, видов и форм его осуществления, девиантного поведения и деструктивных последствий, сказывающихся в индивидуально-психологическом, групповом и общественном контекстах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты, постановления судов¹:

1. Уголовный Кодекс РСФСР от 27.10.1960 б/н // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
2. Закон Союза Советских Социалистических Республик от 19 июля 1973 года № 4542-VIII «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30.
3. Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-I «О советской милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 12. Ст. 319.
4. Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.
5. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Российская газета. 1995. № 72.
6. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. № 160.
7. Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // Российская газета. 1996.
8. Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // Российская газета. 1996. № 106.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996г. № 25. Ст. 2954.
10. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.
11. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» // Российская газета. 2007. № 165.

¹ Представляется в соответствии со справочно-правовой системой «Консультант-Плюс».

12. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

13. Приказ МВД России от 11 сентября 1993 г. № 423 «Об утверждении инструкции о порядке применения химических ловушек в раскрытии краж имущества, находящегося в государственной, муниципальной частной собственности и собственности общественных объединений (организаций)» // Бюллетень текущего законодательства. 1993. № 5.

14. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. Дело «Ваньян против Российской Федерации (Vanuyan V Russia)» (жалоба № 53203/99) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. № 7.

15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 октября 2006 г. Дело «Худобин против Российской Федерации (Khudobin V Russia)» (жалоба № 59696/00) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2007. № 11.

16. Постановление Европейского Суда по правам человека от 14 ноября 2010 г. Дело «Банников против Российской Федерации (Bannikov V Russia)» (жалоба № 18757/06) // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 4.

17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 октября 2012 г. Дело «Веселов против Российской Федерации (Veselov V Russia)» (жалоба № 23200/10) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2013. № 3.

18. Veselov and others v. Russia [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 08.12.2025).

Учебная, научная и справочная литература:

1. Агарков А.В. Использование провокации в деятельности органов политического сыска Российской Империи // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 233-235.

2. Актуальные проблемы информационной безопасности личности сотрудника органов внутренних дел в контексте вызовов и угроз XXI века / С. Ю. Чимаров, Г. В. Марченко, А. Д. Косолапов, А. А. Алек-

сеев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – 160 с. – ISBN 978-5-91837-915-8. – EDN LVWVMK.

3. Алаудинов, А. А. Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны / А. А. Алаудинов, А. В. Манойло // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14, № 2(102). – С. 583-591. – DOI 10.35775/PSI.2024.102.2.021.

4. Александрова И.А, Шевелев А.В. К вопросу о пересмотре границы между провокацией и оперативным экспериментом // Вестник МВД России. № 1. С. 48.

5. Алексеев, А. П. Информационная война в информационном обществе / А. П. Алексеев, И. Ю. Алексеева // Вопросы философии. – 2016. – № 11. – С. 5-14.

6. Анцупов А.Я, Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. М.: Питер, 2006. – С. 343.

7. Бабыч С.А. Провокация взятки либо коммерческого подкупа: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дисс... канд. юрид. наук. М.: Российский государственный университет правосудия, 2006. – 215 с.

8. Базавлук С.В., Ковалев А.А. Информационное противоборство в многополярном мире // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 236–250

9. Бартош, А. А. "Трение" и "износ" гибридной войны / А. А. Бартош // Военная мысль. – 2018. – № 1. – С. 5-13.

10. Бережнова, Л. Н. Организация работы курсантов военных институтов войск национальной гвардии с провокационной информацией / Л. Н. Бережнова, Е. А. Маклачков // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2022. – № 3(20). – С. 77-81. – EDN IWZJRZ.

11. Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-80-х гг. 19 в., М., 1912; Плеханов Г.В. Неудачная история партии «Народной воли», т. 24, М., 1924.

12. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 685 с.

13. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф: ООО «Полюс», 2003. – 816 с.

14. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 790 с.

15. Борисова, С. Е. Коммуникативная провокация агрессивно настроенных блогеров и совершенствование профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения / С. Е. Борисова, Ф. Н. Зейналов // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 51-63. – DOI 10.17759/psylaw.2020100404. – EDN CEKAAB.
16. Борков В.Н. Провокация преступления: уголовно-правовая оценка действий провокатора и спровоцированного // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6. С. 68-74;
17. Бухаров Н.Н., Бозиев Т.О. Вопросы соотношения оперативного и следственного экспериментов // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы. Сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. 2022. С. 256-259.
18. Вагин О.А. Правомерность оперативно-розыскных мероприятий и оценка действий лиц, их осуществляющих (на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека) // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 4 (52).
19. Вагин О.А., Исиченко А.П., Шабанов Г.Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: монография. М., 2006. С. 31.
20. Винникова Т. А. Когнитивные модели понимания кинотекста // Омский научный вестник. 2013. № 3 (119). С. 114-117.
21. Вихарев А.В. К вопросу о «провокации» в деятельности органов политического сыска России в начале XX века // Вестник Чувашского университета. 2008. № 1. С. 20-23.
22. Волк С.С. «Народная воля» (1879-1882), М., 1966; Дело провокатора Малиновского / сост. Б.И. Каптелов, И.С. Розенталь, В.В. Шелохаев. – М.: Республика, 1992.
23. Ворошилова М. Б. Креолизированный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73-78.
24. Ворошилова, М. Б. Психолингвистические методы исследования креолизованного текста / М. Б. Ворошилова // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 126-137. – EDN ZAFKWH.
25. Воспоминания члена организации «Земля и воля» М.Р. Попова // Донской временник / Донская государственная публичная библиотека. Ростов-на-Дону, 1993-2015.

26. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-ministerstva-vnutrennikh-del-020424/> (дата обращения: 01.12.2025).
27. Выходец, Р. С., Панцеров, К. А. (2022). Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства. Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 16(4), 139–148.
28. Гарманова, О. В. Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции преодолению речевых провокаций со стороны граждан / О. В. Гарманова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3(99). – С. 184-195. – DOI 10.35750/2071-8284-2023-3-184-195. – EDN FMZCNH.
29. Гирько С.И., Харченко С.В. Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и провокации // Военное право. 2020. № 4 (62) – С. 149-153.
30. Гирько С.И., Харченко С.В. Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и провокации // Военное право. 2020. № 4 (62) – С. 150.
31. Гладченко И. А. Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // Terra Linguistica. – 2019. – Т. 10. – №. 2. – С. 30-43.
32. Говорухина Е.В. Понятие и правовые последствия провокации в уголовном праве. Дисс... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. – 176 с.
33. Губанова О.В. Особенности расследования провокации взятки либо коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – 24 с.
34. Губин П.А., Золотилев В.А., Петина Т.М. Политические провокации в СМИ как средство манипулирования массовым сознанием // Юность и знания – гарантия успеха. 2015. С. 283–286.
35. Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1. С. 58-61.
36. Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30). С. 60.

37. Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30). С. 60.
38. Гусев В.А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1 (30). С. 61.
39. Гутнер Г.Б. Трансдисциплинарность как трансдискурсивность // Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы. – М.: Навигатор, 2015. С. 263-281.
40. Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография / А.В. Агарков; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. – 92 с.
41. Дизер О.А. Провокация преступления: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск: ОМА МВД России, 2022. – 239 с.
42. Дикарев В.Г., Гаврюшкин Ю.Б. Некоторые особенности правового регулирования оперативного внедрения в странах Европы и США // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 1 (37). С. 97-101.
43. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки. Монография / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: ЦСПиМ, 2017. – 336 с.
44. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки: монография / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – М.: ЦСПиМ, 2017. – 336 с.
45. Дмитриев, А. В. Провокация : Введение в теорию / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2020. – 264 с. – (Открытая наука). – ISBN 978-5-534-08045-2. – EDN VXJHAA.
46. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997.–344 с.
47. Доценко Е.Л. Манипуляция: феномены, механизмы и защита. М. : Юрайт, 2000. – 344 с.

48. Духновский, С. В. Информационно-психологическая уязвимость сотрудников органов внутренних дел разным уровнем устойчивости и утомленности / С. В. Духновский, К. В. Злоказов // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 50-67. – DOI 10.17759/psylaw.2024140404. – EDN WBUMNH.

49. Духновский, С. В. Темпоральные особенности утомленности сотрудников органов внутренних дел / С. В. Духновский, Л. Т. Бородавко, В. А. Корзунин // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2025. – Т. 30, № 2(101). – С. 130-136. – DOI 10.24412/1999-6241-2025-2101-130-136. – EDN UKZXZY.

50. Дьяченко Н. Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013. № 3. С. 56.

51. Жарких И.А. Провокация преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – 252 с.

52. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 332 с.

53. Железняк Н.С., Леонтьева Ю.В. О побуждении к совершению противоправных действий в процессе проверочной закупки наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34).

54. Забелов А.Ю. Уголовно-правовая оценка провокации как преступления против интересов правосудия: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2021. – 232 с.

55. Злоказов К. В., Липницкий А. В. Насилие в креолизованном тексте: исследование закономерностей понимания // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 135–143.

56. Злоказов, К. В. Восприятие экстремистского текста субъектами с различным уровнем деструктивной установки / К. В. Злоказов // Политическая лингвистика. 2014. № 1(47). С. 265-272.

57. Злоказов, К. В. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны / К. В. Злоказов, А. Г. Караяни, Н. С. Прокурова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 246-256.

58. Ильницкий, А. М. Ментальная война / А. М. Ильницкий // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.

59. Ильницкий, А. М. Ментальная война / А. М. Ильницкий // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
60. Ильницкий, А. М. Ментальная война / А. М. Ильницкий // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
61. Ионкина, Е. Ю. Некоторые особенности коммуникативного поведения адресата как объекта провокационного воздействия в интервью-портрете (на материале немецкого языка) / Е. Ю. Ионкина, Е. А. Литвинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. № 8-1(38). С. 87-90. EDN SEKGBZ.
62. Ионкина, Е. Ю. Реализация коммуникативной тактики провокации в интервью-портрете: основные сценарии речевого поведения адресата (на материале немецкой прессы) / Е. Ю. Ионкина, В. В. Тихаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 91-113. DOI 10.17223/19986645/71/6. EDN LPIWUJ.
63. Ионкина, Е. Ю. Реализация коммуникативной тактики провокации в интервью-портрете: основные сценарии речевого поведения адресата (на материале немецкой прессы) / Е. Ю. Ионкина, В. В. Тихаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 91-113. DOI 10.17223/19986645/71/6. EDN LPIWUJ.
64. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М., 2002. – С. 160.
65. Иссерс О.С., Плотникова О.А. Провоцирующие речевые тактики в публичном интервью // Вопросы культуры речи : сб. статей / под ред. А.Д. Шмелева. Т. 10. М., 2011. – С. 334–340.
66. Иссерс О. С. Провоцирующие речевые тактики в публичном интервью / О. С. Иссерс, О. А. Плотникова // Вопросы культуры речи. Том 10. – Москва, 2011. – С. 334-340. – EDN PYINZT.
67. Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / О. С. Иссерс // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 2(18). – С. 92-104. – EDN MTBBID.
68. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
69. Клаузевиц К. фон. О войне: [перевод с немецкого] / К. Клаузевиц. Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард, 2007. - 861 с.
70. Клейберг Ю. А. Провокативное поведение: психолого-девиантологический дискурс // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9. – №. 1А. – С. 269-277

71. Клузель Ф. Когнитивная война // Innovation Hub Warfighting 2040 Project Report [Электронный ресурс]. NATO, 2020. URL: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

72. Клузель Ф. Когнитивная война // Innovation Hub Warfighting 2040 Project Report [Электронный ресурс]. NATO, 2020. URL: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

73. Козлов А. Е., Саженин И. И. Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа // Science for Education Today. 2015. – №. 5 (27). С. 142–155.

74. Кольцов Д. В. Требования прецедентной практики Европейского Суда по правам человека к проведению оперативно-розыскных мероприятий «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент» // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).

75. Кольцов Д.В. «По существу пассивным путем»: вопросы имплементации правовой позиции Европейского Суда по агентурной провокации // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 119–131.

76. Кольцов Д.В. По существу пассивным путем: вопросы имплементации правовой позиции Европейского Суда по агентурной провокации // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 119–131.

77. Кольцов Д.В., Шахматов А.В. К вопросу о возможных путях решения требований Европейского Суда по правам человека по санкционированию проведения оперативно-розыскных мероприятий «Проверочная закупка» и «Оперативный эксперимент» (на примере оперативных подразделений полиции) // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3.

78. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 488 с.

79. Кравченко С.А. Жизнь в условиях «нормальной аномии»: становление инсценированного доверия // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики. – 2016. – С. 58–65.

80. Красноперова, Ю. В. Дискурсивные стратегии участников интервью : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических

наук / Красноперова Юлия Валерьевна. – Иркутск, 2005. – 19 с. – EDN NIEMLL.

81. Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 13-18.

82. Кузнецов И.И. Технологии политических провокаций в Рунете // Теория и практика общественно-научной информации. 2004. – № 19. – С. 197–211.

83. Кулягин И.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа формирования личности, устойчивой к влиянию террористической и иных деструктивных идеологий // Обзор. НЦПТИ. 2023. № 2 (33). С. 7-16

84. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / Автор-составитель М. Гамзатов. – СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2002. – С. 70 (508 с.)

85. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

86. Леонтьев, Д. А., & Осин, Е. Н. Ресурсы и деформации личности в профессиональной деятельности сотрудников силовых структур. Московский психотерапевтический журнал. 2019. (3). С. 99–115.

87. Липкан, В. А. Рефлексивное управление в информационном противоборстве: модели и методы // Информационные войны. 2021. (2). С. 120–128.

88. Мантуров, О. С. Обеспечение защиты личного состава от негативного информационно-психологического воздействия: монография / О. С. Мантуров. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 118 с.

89. Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов / А.П. Мартынов // Охранка: Воспоминания руководителей охранных отделений. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 217.

90. Маршак А. Л. Культура и провокации / А. Л. Маршак // Провокация: сферы коммуникативного проявления. – Москва : Русайнс, 2016. – С. 103-116. – EDN VMZGGJ.

91. Маршак А. Л. Провокация как форма проявления экстремизма в культуре / А. Л. Маршак // Противодействие экстремизму

и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 06 ноября 2015 года / Краснодарский университет МВД России. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 9–14. – EDN WKQDUD.

92. Маршак, А. Л. Провокация: социокультурные реалии и социологические смыслы / А. Л. Маршак // Провокация: экспертное измерение. – Москва : Новый хронограф, 2017. – С. 130–159. – EDN YBTYTS.

93. Матыцина М. С. Критический дискурс-анализ: теоретико-методологические подходы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. №. 3. С. 206–216.

94. Медушевский, А. Н. (2023). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 2). Вопросы теоретической экономики. (3). С. 92–107.

95. Мухина Р. П. Развитие сознания и самосознания в контексте пересечения реалий условий бытия в исторической динамике / Р. П. Мухина // Мир психологии. 2012. № 2(70). С. 77–91. – EDN PEYIGH.

96. Назаров А.Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности: монография. Сер. Библиотека криминалиста: БК. Москва, 2010. – 150 с.

97. Назаров М. М. Коммуникационное пространство как среда «общества спектакля» // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 6. – С. 259–275.

98. Налбандян Р.Г. Проблемы провокации преступлений при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // «III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»». (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8-ми томах. 2017. С. 125–129.

99. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А.Е. Чечётина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 304 с.

100. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. проф. А.Е. Чечётина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 304 с.

101. Невский Е.П. Особенности правовой фиксации результатов оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Инновационные подходы в современной науке. сборник статей по материалам XLI международной научно-практической конференции. 2019. С. 71-74.
102. Нечкина М.В. «Земля и Воля» 1860-х гг. (По следств. материалам) // История СССР. 1957. № 1.
103. Николаевский Б.И. История одного предателя / Б.И. Николаевский. М.: ТЕРРА, 1991. С. 334-335.
104. Новикова, Т. Ф. Приемы нейтрализации вербальной агрессии в составе средств речевого воздействия / Т. Ф. Новикова, П. Ю. Смирнов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 2. – С. 194-203. – DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-2-194-203. – EDN XQZHBV.
105. Новый англо-русский словарь. М., 1997. – С. 364.
106. О рекомендательном законодательном акте «О борьбе с организованной преступностью: постановления Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 2 нояб. 1996 г. № 8-9 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 12.
107. Овчинский А.С. Угрозы информационной безопасности в условиях ментально-когнитивных войн // Информация и безопасность. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 313–320.
108. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
109. Ольшанский И.Г. Концептуальные признаки и когнитивные синонимы как фрагменты картины мира // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф. Тамбов: ТГУ, 2003. С. 34-36.
110. Омелин В.Н. Оперативный эксперимент: понятие и правила проведения, исключающие провокацию преступления // Право и управление. 2024. № 9. С. 392-395 и др.
111. Оперативно-розыскная энциклопедия / авт.-сост. проф. А.Ю. Шумилов. – М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2004. – 364 с.
112. Оперативный эксперимент: вопросы теории и практики: Сборник научных трудов. М.: Академия управления МВД России, 2005. – 103 с.

113. Основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – 378 с.
114. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7 т. Л.: Госполитиздат, 1925. Т. 3. С. 211, 214.
115. Панокин, А. М. Пересмотр судебных решений в Древней Греции и Древнем Риме / А. М. Панокин // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10(71). С. 138-146. – DOI 10.17803/1994-1471.2016.71.10.138-146. – EDN XQODDF.
116. Панфилец А.В., Федоров А.Б., Бредихин А.Л. Зарождение политического сыска России: от опричнины до Приказа тайных дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 37-43.
117. Патент РФ 2018126712. Метод рефлексивного наблюдения в профессиональном воспитании военнослужащих / Бережнова Л.Н. Заявл. 2018. Опубл. 2020.
118. Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917 / З.И. Перегудова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 6.
119. Петровский, В. А. Идентичность и конфликт в профессиональных группах повышенного риска. Психологический журнал. 2020. 41(1). С. 86–94.
120. Письма Азефа: 1893-1917 / сост.: Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М.: Терра, 1994. – 287 с.;
121. Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. Кино – инструмент когнитивной войны // Обозреватель–Observer. 2024. № 1. С. 41–57.
122. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
123. Почепцов Г. Г. Коммуникационные технологии и управление восприятием. Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 2018, (5), 54–67.
124. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография / И.Д. Шатохин, А.Е. Чечётин. Барнаул, 2020.
125. Провокационное воздействие на человека в информационном пространстве / Л. Н. Бережнова, О. И. Белоус, С. А. Воронов

[и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. – 180 с. – ISBN 978-5-600-02615-5. – EDN MADMBE.

126. Провокация: сферы коммуникативного проявления. – Москва : Русайнс, 2016. – 158 с. – ISBN 978-5-4365-0690-6. – DOI 10.15216/978-5-4365-0690-6. – EDN VMZFZV.

127. Провокация: экспертное измерение. – Москва : Новый хронограф, 2017. – 208 с. – ISBN 978-5-94881-400-1. – EDN YBPQFI.

128. Психолого-лингвистический анализ трансформации смыслов вербальных и невербальных компонентов конфликтогенного поликодового текста экстремистской направленности в молодежной среде / К. В. Злоказов, М. Н. Лату, Ю. Р. Тагильцева, М. Р. Бабилова // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4. № 1. С. 66-75. – DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-66-75.

129. Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права (проблемы теории и практики): дис. ... докт. юрид. наук. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. – 367 с.

130. Головин А.Ю., Дубоносов Е.С. Провокация преступления в системе сыскной деятельности полиции (XIX - начало XX вв.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 71-77.

131. Румянцев О.Г., Додонов В.Н. Юридический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 384 с.

132. Рябов М. А., Боченкова Н. А. Социальные аспекты анализа агрессивного сетевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2021. – Т. 5. – №. 2. – С. 170-178.

133. Сандаковский С.А. Уголовно-правовая оценка провокации взятки: дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД Российской Федерации, 2010. – 187 с.

134. Свенцицкий, А. Л. Психология манипулятивного воздействия в условиях социальной нестабильности // Вопросы психологии. 2017. (4). С. 75–85.

135. Семенцов В.А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 4. С. 45-53.

136. Серебряков Е.А. Общество «Земля и Воля». Лондон, 1902. – 63 с.
137. Сивораक्षा М.А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 44. С. 452-457.
138. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. №. 1. С. 42-50.
139. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180-186.
140. Степанов В. Н. Провокационный вопрос с точки зрения прагмалингвистики //Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 6. №. 2. С. 157-180
141. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. / В. Н. Степанов – СПб.: СПбГУ, 2004. – 380 с.
142. Степанов, Валентин Николаевич. Провокативный дискурс массовой коммуникации : автореферат дис. ... д-ра филологических наук : 10.01.10 / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2005. – 37 с.
143. Тамбовцев А.И. Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 183-200.
144. Тамбовцев А.И., Любас Р.А. Некоторые проблемы правового регулирования использования специальных химических веществ и химических ловушек в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 134-139.
145. Тамбовцев А.И., Павличенко Н.В. Оперативно-розыскной инструментарий: монография. – Москва: Проспект, 2024. – С. 140.
146. Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. 2-е изд., перераб и доп. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2019. – 276 с.
147. Титова, А. С. Провокация преступления в уголовном праве: исторический анализ и зарубежный опыт / А. С. Титова // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9(130). С. 124-132. – DOI 10.17803/1994-1471.2021.130.9.124-132. – EDN HCUHNS.

148. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М., 1998. – 526 с.
149. Третьякова, В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения / В. С. Третьякова // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 112-120. – EDN VQHDWP.
150. Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 44-52.
151. Трубникова Т.В. Отграничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс. 2012. № 12. С. 44-52.
152. Тумский, С. В. Провокация как социальное действие: определение феномена в контексте кроссдисциплинарного анализа / С. В. Тумский // Социодинамика. 2017. № 8. С. 1-11. – EDN ZDNFSZ.
153. Тун А. «История революционных движений в России». СПб., 1906.
154. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. 22.11.1926 // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
155. Федюнин А.Е., Алферов В.Ю. К вопросу о правовой природе провокации преступления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3 (128). С. 152-160.
156. Хабекирова З.С. Стратегия дискредитации в политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-1 (54). С. 194-197.
157. Хайруллина И. Г. Теория социального конфликта по Р. Дарендорфу и её прикладное значение для анализа социальных процессов в обществе // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2021). 2021. С. 191-195.
158. Хармаев Ю.В. Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. – 152 с.
159. Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил: Коммуникации в экономике. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 89-97
160. Чечётин А. Е. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55).

161. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. – М., 2006. С. 119.

162. Чечетин А.Е. Правовые и организационно-тактические проблемы применения оперативного эксперимента в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 115-120.

163. Чигоряев Е. А. Прогнозирование вероятности оказания сопротивления со стороны правонарушителей при их задержании / Е. А. Чигоряев, Д. В. Литвин, И. В. Герасимов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27, № 1(88). – С. 95-101. – DOI 10.24412/1999-6241-2022-188-95-101. – EDN SYFCYN.

164. Шамионов, Р. М. Социально-психологические факторы дезорганизации профессиональных коллективов в условиях внешнего давления. Социальная психология и общество. 2019. 10(2). 60–73.

165. Шаповал В. А., Курдюкова В. Ю. Источники и приемы негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конференции. СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2020. С. 532.

166. Шахматов А.В., Захарцев С.И., Спиридонов П.Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1 (25). С. 113-117.

167. Шкабин Г.С. Зарубежный опыт уголовно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 15-18; Гусев В.А., Невский Е.П. Правовое регулирование организации и проведения тайных операций Федеральным Бюро Расследований США // Оперативно-розыскное право. 2022. № 1. С. 56-70

168. Шкабин Г.С. Некоторые вопросы провокации преступления при раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Актуальные вопросы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в деятельности подразделений дознания; Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: актуальные вопросы теории

и правоприменения. Материалы научно-практических семинаров. 2010, С. 306-308.

169. Шкабин Г.С. Понятия провокации преступления и провокации взятки в законодательстве и судебной практике // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Сборник трудов конференции «Состояние противодействия коррупции и направления совершенствования борьбы с ней. Москва, 27-28 января 2015 года». М.: Российская криминологическая ассоциация. 2015. – С. 241.

170. Шмонин А.В., Семыкина О.И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 7 (199). С. 71-81.

171. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы: в 2-х кн. Кн. II: Оперативно-розыскные мероприятия и меры: учеб.-практич. пособие. М., 2006. С. 116.

172. Экстремистский текст и деструктивная личность / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова [и др.]. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-7186-0621-8. – EDN VSFUGT.

173. Юридический словарь. Том 2 О-Я. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956.

174. Юридический энциклопедический словарь. 2-е дополненное издание / гл. редактор А.Я. Сухарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987.

175. Яковец Е.Н. Характерные особенности так называемых «острых» оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» // Эпомен. 2021. № 54. С. 252–276.

Иностранная литература:

1. Allen J. J., Anderson C. A., Bushman B. J. The general aggression model // Current opinion in psychology. – 2018. – Т. 19. – С. 75–80.

2. Awan I. Cyber-extremism: Isis and the power of social media // Society. – 2017. – Т. 54. – №. 2. – С. 138-149.

3. Baumeister R. F. Self-regulation, ego depletion, and inhibition // Neuropsychologia. – 2014. – Т. 65. – С. 313-319.

4. Berkowitz L. A cognitive-neoassociation theory of aggression // Theories of Social Psychology. – 2012. – Т. 2. – С. 99-117.

5. Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. Cognitive Warfare – An Attack on Thought and Truth. Johns Hopkins University, Baltimore MD, USA. 2020.
6. Claverie B., Du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // Innovation Hub Sponsored by NATO Allied Command Transformation. – 2022. – T. 2.
7. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / Eds. B. Claverie, B. Prebot, N. Buchler and F. Du Cluzel. Bordeaux: INP, 2022. № 2 – 2. P. 2–3.
8. Cowles N., Verrall N. The Cognitive Warfare concept: A short introduction. Defence Science and Technology Laboratory, Salisbury, UK. DSTL/TR146721 v1. 2023.
9. Dodge K. A. et al. Aggression and antisocial behavior in youth // Child and adolescent development: An advanced course. – 2008. – C. 437-472.
10. Emmott C., Alexander M. Schema Theory // The Routledge Companion to Literature and Cognitive Studies. – Routledge, 2025. – C. 83-96.
11. Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
12. Fauconnier G., Turner M. Conceptual blending, form and meaning // Recherches en communication. – 2003. – T. 19. – C. 57-86.
13. Fillmore C. J. et al. Frame semantics // Cognitive linguistics: Basic readings. – 2006. – T. 34. – C. 373-400.
14. Hartley D.S., Jobson K.O. Cognitive Superiority. Springer Nature Switzerland. 2021.
15. John Hopkins University & Imperial College London. (2021). Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience. NATO Review. Retrieved from <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html>
16. Johnson-Laird P. N. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. – Harvard University Press, 1983. – №. 6.
17. Kahneman D. et al. Before you make that big decision // Harvard business review. – 2011. – T. 89. – №. 6. – C. 50-60.
18. Kolobara R. Information Operations as a Means of Cognitive Superiority-Theory and Term Research in Bosnia and Herzegovina (Volume 24, No. 2, 2023.).

19. Kott, A., Corpac, P. S., & Albright, L. D. An Introduction to Cognitive Warfare. In *Cognitive Warfare: An Attack on Knowledge and Knowing* (pp. 43–62). NATO STO, 2021.
20. Lakoff G. Conceptual metaphor // *Cognitive linguistics: Basic readings*. – 2006. – Т. 34. – С. 185-238.
21. Laureiro-Martínez D., Brusoni S. Cognitive flexibility and adaptive decision-making: Evidence from a laboratory study of expert decision makers // *Strategic Management Journal*. – 2018. – Т. 39. – №. 4. – С. 1031-1058.
22. Laurent B. *Democratic experiments: Problematizing nanotechnology and democracy in Europe and the United States*. – The MIT Press, 2017.
23. Le Guyader H. Cognitive domain: A sixth domain of operations // *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance*. – 2022. – С. 3, 1-5.
24. Metcalfe J., Mischel W. A hot/cool-system analysis of delay of gratification: dynamics of willpower // *Psychological review*. – 1999. – Т. 106. – №. 1. – С. 3.
25. Miller N. et al. A theoretical model of triggered displaced aggression // *Personality and Social Psychology Review*. – 2003. – Т. 7. – №. 1. – С. 75-97.
26. Moscovici S., Marková I. Presenting social representations: A conversation // *Culture & psychology*. – 1998. – Т. 4. – №. 3. – С. 371-410.
27. Munoz, J. R. The Cognitive Domain: The Next Battlespace. *Joint Force Quarterly*, 2020, 97, 10–19.
28. Noelle-Neumann E. The spiral of silence a theory of public opinion // *Journal of communication*. – 1974. – Т. 24. – №. 2. – С. 43-51.
29. Noppe J. Are all police officers equally triggered? A test of the interaction between moral support for the use of force and exposure to provocation // *Policing and society*. – 2018. – Т. 28. – №. 5. – С. 605-618.
30. Overextending and unbalancing Russia: assessing the impact of cost-imposing options [Электронный ресурс] : report / J. Dobbins [et al.] ; RAND Corporation. Santa Monica (Calif.) : RAND Corp., 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения: 09.12.2025).
31. Reisenzein R. Varieties of cognition-arousal theory // *Emotion Review*. – 2017. – Т. 9. – №. 1. – С. 17-26.
32. Slovic P. et al. The affect heuristic // *European journal of operational research*. – 2007. – Т. 177. – №. 3. – С. 1333-1352.

33. Smith, B.L., Cothren, J., Roberts, P., Damphousse, K.R. Geospatial Analysis of Terroristic Behavior // Criminal Justice Studies. 2009. Vol. 22, № 1. P. 91–103.
34. Snow D. A. et al. Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation //American sociological review. – 1986. – C. 464-481.
35. Stanovich K. E., Stanovich P. J. A framework for critical thinking, rational thinking, and intelligence //Innovations in educational psychology: Perspectives on learning, teaching and human development. – 2010. – C. 195-237.
36. Thomas T. Russia's Reflexive Control Theory and the Military // Journal of Slavic Military Studies. 2004. Vol. 17, № 2. P. 237–256.
37. Tsur R. Aspects of cognitive poetics //Cognitive Stylistics. – John Benjamins Publishing Company, 2008. – C. 279-318.
38. Turner, J.C., Hogg, M.A., Oakes, P.J., Reicher, S.D., Wetherell, M.S. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1987.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Анкета для рефлексивного наблюдения за сотрудником

Ознакомьтесь с нижеописанными фрагментами поведения и, определив свойственны ли они оцениваемому Вами сотруднику по шкале (постоянно, часто, редко, нейтрально), обозначьте свой ответ в строке с соответствующим номером в прилагаемой Карте рефлексивного наблюдения.

Например, в строке 1 Карты рефлексивного наблюдения крайняя левая ячейка (постоянно) полностью соответствует суждению, приведенному в левом столбце; а крайняя правая ячейка (постоянно) точно соответствует суждению, приведенному в правом столбце. Для суждений, занимающим промежуточное положение предусмотрена ячейка (нейтрально).

Блок А		
1.	Старается быть незаметным, внешне пассивен	Активен, все время на виду
2.	Не проявляет интереса к жизни подразделения, групповым формам работы, взаимодействия с другими сотрудниками	Проявляет интерес к жизни подразделения, принимает активное участие в обсуждении значимых вопросов, взаимодействует с другими сотрудниками
3.	Круг общения ограничен, мнение о себе зависит от окружающих	Свободно общается с другими сотрудниками, прислушивается к их мнению о себе, самокритичен
4.	Избегает общения, замкнут	Активно общается, проявляет инициативу в общении
5.	В общении с начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет	В общении с начальниками (руководителями) и другими сотрудниками прояв-

	беспокойство, теряется, часто сбивается	ляет уверенность и сосредоточенность, соблюдает субординацию
6.	Болезненно переживает критические замечания в свой адрес и затруднения в служебной деятельности	Спокойно относится к критическим замечаниям в свой адрес, затруднения в служебной деятельности воспринимает спокойно, оценивает как преодолимые
7.	Уверен в своей непривлекательности, неинтересности для окружающих, избегает обращения за помощью, не проявляет инициативы в коллективных делах	Уверен в своей привлекательности для других, интересности для окружающих, расположен к оказанию и принятию помощи, проявляет инициативу в коллективных делах
Блок Б		
8.	Желает, но не может быть объектом внимания, вызывать к себе интерес, чаще ожидает сочувствия	Склонен производить впечатление, в коллективе является яркой личностью
9.	В сложных ситуациях ведет себя осторожно, теряется, переключает свое внимание с достижения цели на личные переживания	В сложных ситуациях мобилизуется, стремится достигнуть цели
10.	Старается оправдать ожидания начальников (руководителей), соответствовать их требованиям, угадывать их желания	Стремится достичь максимальных результатов в служебной деятельности
11.		Страх «потерять лицо» перед другими сотрудниками повышает личную ответственность, активность
12.		Считает себя предрасположенным к службе в органах

		внутренних дел, неудачи компенсирует игнорированием того, что у него не получается
13.		Страх быть отвергнутым мотивирует к развитию личных и профессиональных качеств
14.		При наличии соперничества между сотрудниками в подразделении сосредотачивается на собственных силах и возможностях, дисциплинирует себя
15.	Страх «потерять лицо» перед другими сотрудниками приводит к повышению веселости, шутливости, подыгрыванию окружению	
16.	Считает службу в органах внутренних дел для себя чуждой, направляет усилия на поддержание отношений с другими сотрудниками, а не на выполнение служебных обязанностей	
17.	Страх быть отвергнутым побуждает, подстраиваться под тех, кто проявляет хоть какой-то интерес к нему, самоизменяться	
18.	При наличии соперничества между сотрудниками в подразделении проявляет тревожность, неуверенность в своих силах	

Блок В		
19.	Старается быть важной фигурой в подразделении, от помощи другим уклоняется, проявляет скупость	Расположен к оказанию помощи другим, делиться тем, что умеет и знает, чем обладает
20.	Склонен высмеивать других, подшучивать над их недостатками	К другим сотрудникам проявляет уважение, справедливое отношение
21.	Неуспех воспринимает агрессивно, выражает несогласие оценкой результатов работы, проявляет завистливость и злопамятство	Способен признать собственный неуспех, радуется достижениям других сотрудников, склонен миролюбиво разрешать разногласия
22.	Проявляет недоверие к другим сотрудникам, скрытность, неискренность	Проявляет добродушие, доверие, открытость и искренность в общении с другими сотрудниками
23.	Обидчивый, конфликтный, открыто выражает недовольство по любому поводу	Проявляет отходчивость, бесконфликтность
24.	Склонен к подавлению окружающих, жесткий	Не терпит насилия над собой и над другими
25.	Игнорирует просьбы других сотрудников	Проявляет внимание к просьбам других сотрудников
Блок Г		
26.	В недостижении желаемых результатов в служебной деятельности обвиняет всех, кроме себя: других сотрудников, обстоятельства или завышенные требования начальника (руководителя)	Критично и адекватно ситуации оценивает свои достижения
27.	Проявляет безответственность	Проявляет требовательность к себе

28.	Сосредоточен на личных достижениях и переживаниях, в служебной деятельности не стремится к самореализации	Видит в своих достижениях не только свои заслуги, но и заслуги других сотрудников, стремится в служебной деятельности к самореализации
29.	Имеет узкий или ограниченный круг интересов	Имеет широкий круг интересов
30.	Профессиональная деятельность не является ценностью	Личные перспективы связывает с достижениями в служебной деятельности
31.	Служебную деятельность воспринимает как деятельность с большим количеством обязанностей и ограничений	Относится к служебной деятельности как к важному и ответственному делу
32.	В служебных делах и в подразделении проявляет сильную зависимость, приспособление	В служебных делах и в подразделении проявляет инициативу и самостоятельность
Блок Д		
33.	В служебной деятельности боится выглядеть беспомощным, помощь других сотрудников игнорирует, стремится избегать ответственности	В служебной деятельности проявляет усердие, не боится нести ответственность за свои дела и поступки
34.	В отношениях начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет излишнее упрямство	В отношениях начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет дипломатичность
35.	В конфликтных ситуациях проявляет эгоистичность и напористость	В конфликтных ситуациях проявляет деликатность
36.	В отношениях с другими сотрудниками проявляет расчетливость	В отношениях с другими сотрудниками проявляет порядочность

37.	Проявляет властность в дружеских отношениях	Проявляет дружелюбие и доброжелательность
38.	Склонен в поведении к авантюризму, подвержен негативному влиянию	Имеет твердые убеждения, проявляет устойчивость к негативному влиянию
39.	Проявляет деспотичность и стремится к обесцениванию других	Проявляет великодушие и уважение прав других сотрудников
Блок Е		
40.	В поступках придерживается собственных взглядов на ценности и правила поведения, отличающиеся от общепринятых	В поступках придерживается общепринятых взглядов на ценности и правила поведения
41.	Не имеет ни одно дело, которое считает делом жизни	Имеет одно или несколько дел, которые считает делом (делами) жизни
42.	Трудится на пределе и сверх своих возможностей	Трудится в меру своих возможностей
43.	Имеет вредные для здоровья привычки	Не имеет вредных для здоровья привычек
44.	Правила личной безопасности игнорирует, пренебрегает установленными требованиями	Правила личной безопасности соблюдает, следует установленным требованиям
45.	Во взаимоотношениях с другими сотрудниками стремится отстаивать свои принципы (даже во вред себе), способен на провокации, склонен к поведению «назло»	Во взаимоотношениях с другими сотрудниками ведет себя корректно и конструктивно
46.	Достижения связывает с удачным стечением обстоятельств, а неудачи – со своими неправильными действиями	Достижения связывает со своими правильными действиями, а неудачи – со стечением обстоятельств

Анкета для рефлексии сотрудником своего поведения

Ознакомьтесь с нижеописанными фрагментами поведения и, определив свойственны они Вам или нет по шкале (постоянно, часто, редко, нейтрально), обозначьте свой ответ в строке с соответствующим номером в прилагаемой Карте рефлексивного наблюдения.

Например, в строке 1 Карты рефлексивного наблюдения крайняя левая ячейка (постоянно) полностью соответствует суждению, приведенному в левом столбце; а крайняя правая ячейка (постоянно) точно соответствует суждению, приведенному в правом столбце. Для суждений, занимающим промежуточное положение предусмотрена ячейка (нейтрально).

Блок А		
1.	Старается быть незаметным, внешне пассивен	Активен, все время на виду
2.	Не проявляет интереса к жизни подразделения, групповым формам работы, взаимодействия с другими сотрудниками	Проявляет интерес к жизни подразделения, принимает активное участие в обсуждении значимых вопросов, взаимодействует с другими сотрудниками
3.	Круг общения ограничен, мнение о себе зависит от окружающих	Свободно общается с другими сотрудниками, прислушивается к их мнению о себе, самокритичен
4.	Избегает общения, замкнут	Активно общается, проявляет инициативу в общении
5.	В общении с начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет беспокойство, теряется, часто сбивается	В общении с начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет уверенность и сосредоточенность, соблюдает субординацию

6.	Болезненно переживает критические замечания в свой адрес и затруднения в служебной деятельности	Спокойно относится к критическим замечаниям в свой адрес, затруднения в служебной деятельности воспринимает спокойно, оценивает как преодолимые
7.	Уверен в своей непривлекательности, неинтересности для окружающих, избегает обращения за помощью, не проявляет инициативы в коллективных делах	Уверен в своей привлекательности для других, интересности для окружающих, расположен к оказанию и принятию помощи, проявляет инициативу в коллективных делах
Блок Б		
8.	Желает, но не может быть объектом внимания, вызывать к себе интерес, чаще ожидает сочувствия	Склонен производить впечатление, в коллективе является яркой личностью
9.	В сложных ситуациях ведет себя осторожно, теряется, переключает свое внимание с достижения цели на личные переживания	В сложных ситуациях мобилизуется, стремится достигнуть цели
10.	Старается оправдать ожидания начальников (руководителей), соответствовать их требованиям, угадывать их желания	Стремится достичь максимальных результатов в служебной деятельности
11.		Страх «потерять лицо» перед другими сотрудниками повышает личную ответственность, активность
12.		Считает себя предрасположенным к службе в органах внутренних дел, неудачи

		компенсирует игнорированием того, что у него не получается
13.		Страх быть отвергнутым мотивирует к развитию личных и профессиональных качеств
14.		При наличии соперничества между сотрудниками в подразделении сосредотачивается на собственных силах и возможностях, дисциплинирует себя
15.	Страх «потерять лицо» перед другими сотрудниками приводит к повышению веселости, шутливости, подыгрыванию окружению	
16.	Считает службу в органах внутренних дел для себя чуждой, направляет усилия на поддержание отношений с другими сотрудниками, а не на выполнение служебных обязанностей	
17.	Страх быть отвергнутым побуждает, подстраиваться под тех, кто проявляет хоть какой-то интерес к нему, самоизменяться	
18.	При наличии соперничества между сотрудниками в подразделении проявляет тревожность, неуверенность в своих силах	

Блок В		
19.	Старается быть важной фигурой в подразделении, от помощи другим уклоняется, проявляет скупость	Расположен к оказанию помощи другим, делиться тем, что умеет и знает, чем обладает
20.	Склонен высмеивать других, подшучивать над их недостатками	К другим сотрудникам проявляет уважение, справедливое отношение
21.	Неуспех воспринимает агрессивно, выражает несогласие оценкой результатов работы, проявляет завистливость и злопамятство	Способен признать собственный неуспех, радуется достижениям других сотрудников, склонен миролюбиво разрешать разногласия
22.	Проявляет недоверие к другим сотрудникам, скрытность, неискренность	Проявляет добродушие, доверие, открытость и искренность в общении с другими сотрудниками
23.	Обидчивый, конфликтный, открыто выражает недовольство по любому поводу	Проявляет отходчивость, бесконфликтность
24.	Склонен к подавлению окружающих, жесткий	Не терпит насилия над собой и над другими
25.	Игнорирует просьбы других сотрудников	Проявляет внимание к просьбам других сотрудников

Блок Г		
26.	В недостижении желаемых результатов в служебной деятельности обвиняет всех, кроме себя: других сотрудников, обстоятельства или завышенные требования начальника (руководителя)	Критично и адекватно ситуации оценивает свои достижения
27.	Проявляет безответственность	Проявляет требовательность к себе
28.	Сосредоточен на личных достижениях и переживаниях, в служебной деятельности не стремится к самореализации	Видит в своих достижениях не только свои заслуги, но и заслуги других сотрудников, стремится в служебной деятельности к самореализации
29.	Имеет узкий или ограниченный круг интересов	Имеет широкий круг интересов
30.	Профессиональная деятельность не является ценностью	Личные перспективы связывает с достижениями в служебной деятельности
31.	Служебную деятельность воспринимает как деятельность с большим количеством обязанностей и ограничений	Относится к служебной деятельности как к важному и ответственному делу
32.	В служебных делах и в подразделении проявляет сильную зависимость, приспособление	В служебных делах и в подразделении проявляет инициативу и самостоятельность

Блок Д		
33.	В служебной деятельности боится выглядеть беспомощным, помощь других сотрудников игнорирует, стремится избегать ответственности	В служебной деятельности проявляет усердие, не боится нести ответственность за свои дела и поступки
34.	В отношениях начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет излишнее упрямство	В отношениях начальниками (руководителями) и другими сотрудниками проявляет дипломатичность
35.	В конфликтных ситуациях проявляет эгоистичность и напористость	В конфликтных ситуациях проявляет деликатность
36.	В отношениях с другими сотрудниками проявляет расчетливость	В отношениях с другими сотрудниками проявляет порядочность
37.	Проявляет властность в дружеских отношениях	Проявляет дружелюбие и доброжелательность
38.	Склонен в поведении к авантюризму, подвержен негативному влиянию	Имеет твердые убеждения, проявляет устойчивость к негативному влиянию
39.	Проявляет деспотичность и стремится к обесцениванию других	Проявляет великодушие и уважение прав других сотрудников

Блок Е		
40.	В поступках придерживается собственных взглядов на ценности и правила поведения, отличающиеся от общепринятых	В поступках придерживается общепринятых взглядов на ценности и правила поведения
41.	Не имеет ни одно дело, которое считает делом жизни	Имеет одно или несколько дел, которые считает делом (делами) жизни
42.	Трудится на пределе и сверх своих возможностей	Трудится в меру своих возможностей
43.	Имеет вредные для здоровья привычки	Не имеет вредных для здоровья привычек
44.	Правила личной безопасности игнорирует, пренебрегает установленными требованиями	Правила личной безопасности соблюдает, следует установленным требованиям
45.	Во взаимоотношениях с другими сотрудниками стремится отстаивать свои принципы (даже во вред себе), способен на провокации, склонен к поведению «назло»	Во взаимоотношениях с другими сотрудниками ведет себя корректно и конструктивно
46.	Достижения связывает с удачным стечением обстоятельств, а неудачи – со своими неправильными действиями	Достижения связывает со своими правильными действиями, а неудачи – со стечением обстоятельств

Карта рефлексивного наблюдения

Составитель:

Специальное звание, фамилия инициалы

Подразделение

Сведение о наблюдаемом сотруднике:

Специальное звание, фамилия инициалы

Подразделение

		по- сто- янно	ча- сто	редко	нейтрально	редко	ча- сто	по- сто- янно		
Блок А	1								1	Блок А
	2								2	
	3								3	
	4								4	
	5								5	
	6								6	
	7								7	
Блок Б	8								8	Блок Б
	9								9	
	10								10	
	11								11	
	12								12	
	13								13	
	14								14	
	15								15	
	16								16	
	17								17	
	18								18	
	19								19	

Блок В	20								20	Блок В
	21								21	
	22								22	
	23								23	
	25								25	
Блок Г	26								26	Блок Г
	27								27	
	28								28	
	29								29	
	30								30	
	31								31	
	32								32	
Блок Д	33								33	Блок Д
	34								34	
	35								35	
	36								36	
	37								37	
	38								38	
	39								39	
Блок Е	40								40	Блок Е
	41								41	
	42								42	
	43								43	
	44								44	
	45								45	
	46								46	

Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (Violent Extremism Attitude Scales – VEAS)

(Давыдов Д.Г., Хломов К.Д.)¹

Опросник направлен на выявление диспозиций к насильственному экстремизму. Он может использоваться для диагностики склонности к разным видам экстремизма и для оценки риска других сходных форм асоциального поведения: вовлечения в террористическую деятельность, организованного футбольного хулиганства и т. п. Однако данный инструментарий не предназначен для оценки фактов вовлеченности в экстремистские группы и не имеет доказательной силы в отношении совершения правонарушений. Методика может применяться в следующих целях:

- выявление лиц с повышенной склонностью к экстремистскому поведению;
- уточнение личностных особенностей предрасположенности к экстремизму для последующей коррекционно-профилактической работы;
- оценка группового уровня предрасположенности к экстремизму среди подростков и молодежи (учебный коллектив, образовательная организация, территориальное образование);
- оценка эффективности работы по профилактике экстремизма в подростковой молодежной среде (сдвиг установок).

Предполагаются следующие сферы использования методики: среднее и высшее образование, государственное и муниципальное управление, политика, оборона и государственная безопасность, наука.

Опросник может применяться для обследования лиц старше 14 лет, владеющих русским языком на уровне разговорного и имеющих образование не менее шести классов средней школы. Методика не имеет шкал защиты, в связи с чем необходимо обеспечить создание доверительной обстановки для проведения обследования.

¹ Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Психологическая диагностика 2017. Том 14. № 1. С. 78-97.

Инструкция: Пожалуйста, оцените степень своего согласия с утверждениями, используя шкалу ответов от 1 до 5, где:

- 1 – категорически не согласен,
- 2 – частично не согласен,
- 3 – затрудняюсь ответить,
- 4 – частично согласен,
- 5 – полностью согласен.

Текст вопросов

1. Все люди делятся на сильных и слабых.
2. Если меня кто-то оскорбит, я могу действовать очень жестко.
3. К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться.
4. Мне всегда важно, чтобы обидчик был наказан, а жертва отомщена.
5. Вполне возможно, что эта серия войн и конфликтов раз и навсегда будет остановлена землетрясением, наводнением или иной катастрофой, которая уничтожит мир.
6. Есть знаки, в которых скрыто особое знание.
7. Безопаснее всего предполагать, что в каждом человеке есть злые черты, которые вылезут на поверхность при возможности.
8. В наше время требуется больше увлеченных романтиков и энтузиастов.
9. Нам нужны не программы и законы, а несколько храбрых, неутомимых и преданных лидеров, в которых люди могут верить.
10. Бизнесмен или хороший менеджер сейчас важнее для общества, чем художник или профессор.
11. Если точку зрения разделяет большинство моих друзей, значит, она верная.
12. Добро должно быть с кулаками, уметь защитить себя.
13. Часто попадают люди, которые раздражают меня одним своим присутствием.
14. Каждый человек либо хороший, либо плохой.
15. Многие социальные проблемы будут решены, если мы избавимся от аморальных и малодушных людей.
16. В нашем обществе нет смысла быть честным и заботиться о среде обитания – все равно другие продолжают обманывать и все портить.

17. Каждый должен верить в свое предназначение, идти дорогой, которая предначертана судьбой.
18. Все продается и все покупается, вопрос только в цене.
19. Люди, у которых нет планов преобразовать наше общество, кажутся мне странными.
20. Правы люди, которые всегда следуют пословице: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».
21. Нашему народу нужно меньше рассуждать и больше заниматься конкретными делами.
22. Обычно я делаю то, о чем меня просят друзья, даже если это не нравится другим.
23. Исконный образ жизни моего народа можно защитить только силой.
24. Иногда невозможно удержаться от драки.
25. Мой принцип: «Никогда не доверять «чужакам»».
26. Прежде всего, нашему обществу нужна дисциплина и решительность в борьбе за наши исконные ценности.
27. Сегодня везде царит неуверенность, мы должны быть готовы к кризисам, жестким конфликтам и переворотам.
28. Люди не осознают, что наша жизнь управляется заговорами и тайными организациями.
29. Мне не нравятся большинство окружающих меня людей и вообще мир вокруг.
30. Известности и признания заслуживают только смелые люди, действующие наперекор пассивному большинству.
31. Среди тех, кто сидит в тюрьме, многие – настоящие герои.
32. Никому не интересны переживания разных интеллигентов.
33. Я всегда поддерживаю своих друзей, даже если общество против них.
34. Люди не будут хорошо трудиться, если их не заставлять.
35. Надписи на стенах – приемлемый способ выразить свое недовольство, если нет других путей.
36. Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные.
37. Оскорбление чести и достоинства всегда нужно карать.
38. Наше общество стоит на пороге гибели.
39. Наука не всегда полезна, поскольку существует много такого, что человеческий разум не в силах понять.
40. Человек человеку волк, и все заботятся лишь о себе.

41. Худший недостаток – быть занудным человеком, который всегда действует по инструкции.

42. Только слабые и трусливые люди стремятся выполнять все правила и законы.

43. Обсуждение разных взглядов только запутывает людей – решение многих социальных проблем лежит на поверхности.

44. Я часто развлекаюсь в компании с друзьями, хотя мне не совсем по душе некоторые наши проделки.

45. При общении с приезжими надо показывать, кто в доме хозяин.

46. Не стоит церемониться с людьми, которые тебе не нравятся.

47. Я могу представить человека другой расы своим близким другом.

48. В нашем обществе добиться справедливости важнее, чем проявлять жалость к отдельным людям.

49. Нет смысла в напряженной учебе или работе – все равно все достается тем, кого устроят родители.

50. От символов, которые используют люди, часто зависит их судьба.

51. Чем больше возможностей, тем вероятнее, что человек ступит на плохой путь.

52. Человека, который много сделал для человечества, можно простить за жесткие поступки и неуживчивый характер.

53. Законы у нас принимают для того, чтобы в стране был порядок.

54. Слишком часто люди выносят свою личную жизнь наружу.

55. Драться за честь своей команды – почетнее, чем быть успешным индивидуалистом.

56. Почти все разногласия можно решить с помощью переговоров.

57. Человека можно понять, если его разозлили, а он ударил в ответ или сломал какую-либо вещь.

58. Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей.

59. Некоторые преступления заслуживают более тяжкого наказания, чем тюрьма: иногда преступников следует публично казнить.

60. Я отлично знаю, что в этом обществе от меня ничего не зависит.

61. Тот, кто понимает тайное значение древних символов, может влиять на других людей.

62. Со всеми людьми можно найти общий язык.

63. Я считаю, что люди должны быть способны отдать жизнь за свои идеи.

64. Работа полицейских всегда заслуживает уважения.

65. Рассказы, повествующие о мыслях и чувствах, читать интереснее, чем те, где описываются поступки или приключения.

66. Надо пройти через опасности и испытания, чтобы тебя приняли в команду настоящих друзей.

Ключ:

Шкала «Культ силы»: прямые пункты: 1, 12, 23, 34, 45; обратные пункты: 56.

Шкала «Допустимость агрессии»: прямые пункты: 2, 13, 24, 35, 46, 57.

Шкала «Интолерантность»: прямые пункты: 3, 14, 25, 36; обратные пункты: 47, 58.

Шкала «Конвенциональное принуждение»: прямые пункты: 4, 15, 26, 37, 48, 59. Шкала «Социальный пессимизм»: прямые пункты: 5, 16, 27, 38, 49, 60.

Шкала «Мистичность»: прямые пункты: 6, 17, 28, 39, 50, 61.

Шкала «Деструктивность и цинизм»: прямые пункты: 7, 18, 29, 40, 51;

обратные пункты: 62.

Шкала «Протестная активность»: прямые пункты: 8, 19, 30, 41, 52, 63.

Шкала «Нормативный нигилизм»: прямые пункты: 9, 20, 31, 42; обратные пункты: 53, 64.

Шкала «Антиинтрацепция»: прямые пункты: 10, 21, 32, 43, 54; обратные пункты: 65.

Шкала «Конформизм»: прямые пункты: 11, 22, 33, 44, 55, 66.

Таблица расчета баллов для прямых и обратных пунктов

Значение ответа	категори- чески не согласен	частично не согла- сен	затрудня- юсь отве- тить	частично согласен	полно- стью со- гласен
Прямой пункт	1	2	3	4	5
Обрат- ный пункт	5	4	3	2	1

Описание шкал

Культ силы. Эта диспозиция связана с восприятием насилия как предпочитаемого способа достижения своих целей и разрешения противоречий. Проявлением данной диспозиции являются: восприятие реальности в таких категориях, как «сильный – слабый» и «господство-подчинение», вера в эффективность культа силы как средства решения социальных проблем, допустимость агрессии как способа снятия фрустрации; «ценность насилия» – его связь со статусом, авторитетом, честью. Этой диспозиции свойственна идентификация себя с образами, воплощающими силу, выставление напоказ своей силы и крепости.

Допустимость агрессии. Диспозиция предполагает не только осуществление насилия, но и личную готовность совершить его. Разнообразные трудности (финансовые проблемы семьи, безработица, отсутствие возможности социального продвижения, завышенные ожидания на фоне навязчиво транслируемых в СМИ ценностей потребления и успеха) ведут к фрустрации. Естественным следствием фрустрации является агрессия. Не проявляясь на непосредственно фрустрирующие объекты (школа, родители, государство и т. д.) агрессивные импульсы «смещаются» на какой-либо другой объект, например, мигрантов, бездомных и т. д.

Интолерантность. Диспозиция характеризуется стремлением к однозначности образа мира, неприятием отличий других людей, отрицанием возможности инакомыслия и стремлением навязать окружающим свои взгляды любой ценой. Так, для лиц, склонных к экстремистскому поведению, характерно отрицание ценностей универсализма. Потребность, лежащая в основе интолерантности, отражает

необходимость избегать когнитивного диссонанса, имея простой и однозначный образ мира. Отказ от толерантности позволяет индивиду снять ответственность за оценку других и выбор своего отношения к неоднозначным социальным ситуациям. Противоположностью этой диспозиции выступает терпимость к противоречиям, готовность согласиться с правом другого на иную точку зрения, готовность принять возможную неправильность своей собственной позиции.

Конвенциональное принуждение. Диспозиция выражается в приоритете ценности восстановления справедливости над другими гуманистическими ценностями, причем осуществление этой цели предполагается путем повышения жесткости требований к себе и другим и введением цензуры. Важным моментом является постоянная необходимость «знать своего врага». Механизм формирования этой диспозиции соответствует модели «фрустрация-агрессия». Индивид, подавляя враждебные чувства по отношению к себе или авторитетам своей группы, переносит «плохие» качества – воображаемую непорядочность, корыстность, властолюбие – на группы чужаков. Придя к убеждению, что есть люди, заслуживающие наказания, индивид находит отдушину, в которую может направлять свои агрессивные импульсы и считать себя при этом вполне правильным человеком.

Социальный пессимизм. Диспозиция описывает предрасположенность воспринимать мир как мрачный, непредсказуемый и опасный, верить в пессимистические прогнозы. Характерны эсхатологизм, негативный взгляд в будущее, ожидание катастрофы.

Мистичность. В основе этой диспозиции – уход от ответственности и потребность в защите от страха перед реальностью, стремление к объяснению явлений окружающего мира простыми, но эмоционально яркими схемами, потребность в романтизации и потребность в устранении логических противоречий в своем поведении. Прежде всего, это тенденция индивида перекладывать собственную ответственность на внешние, неподвластные личному контролю силы. Суеверность, увлечение астрологией и любовь к символам сочетается с опорой на мистическое откровение или интуицию, заменяющую рациональное познание и логическое рассуждение. Диспозиция может проявляться в виде веры в мистическое предначертание собственной судьбы и особую миссию своей социальной группы, что, в свою очередь, сочетается с установками национального (расового и т. д.) шовинизма и ксенофобии.

Деструктивность и цинизм. Диспозиция проявляется в циничном отношении к людям вообще и в очернении различных человеческих проявлений (дружба, брак, секс и т. п.). Характерный признак – подозрительность при интерпретации поведения других, преимущественное объяснение поведения окружающих низменными мотивами. Диспозиция проявляется как в снижении ценности жизни противников, так и в невысокой ценности собственной жизни. Своя жизнь и жизнь окружающих с легкостью приносятся в жертву «идее». Своих идеологических противников экстремисты не воспринимают в качестве нормальных людей и не применяют к ним нормы человеческих отношений.

Протестная активность. Основой подобной диспозиции служат потребности в неадаптивной активности, поисковом поведении, поиске ощущений. Прежде всего, это стремление к героическим действиям, к неизвестному, к приключениям и преобразованиям, готовность к риску, готовность жертвовать собой ради идеи.

Нормативный нигилизм. Диспозиция отражает игнорирование законов и социальных норм поведения, убежденность в том, что ради дела можно переступить через принятые в обществе нормы поведения. Здесь речь идет о демонстративном игнорировании социальных норм «большинства» и противопоставлении им своих норм или норм малой социальной группы. Часто это сопровождается демонстрацией презрения к людям, соблюдающим законы.

Антиинтрацепция. Диспозиция выражается в неприятии субъективных проявлений: интроспекции, фантазии, чувственных переживаний и т. д. Важными являются акцентирование значимости физической реальности, ориентация на простые идеи, непосредственные действия. Характерный признак этой диспозиции – демонстративное пренебрежительное отношение к гуманитарным наукам и психологии, к отдельным направлениям в художественной литературе, визуальном искусстве (например, к авангардизму, символизму, абстракционизму). В основе такой диспозиции лежит боязнь проявления подлинных чувств, избегание личной свободы (ответственности быть субъектом) и связанных с ней неопределенности и угроз своему Я.

Конформизм. Диспозиция отражает подверженность давлению группы сверстников, слабость внутренних регуляторов поведения, готовность совершить правонарушение «за компанию». Основой диспозиции является потребность в принадлежности к «своей» социальной

группе, «групповой сплоченности» и в высокой самооценке. «Групповая сплоченность» в свою очередь приводит к подверженности давлению «своей» социальной группы (чаще всего это группа сверстников).

Оценка результатов

Общий показатель склонности к экстремистским формам поведения вычисляется путем суммирования всех полученных баллов. Чем больший суммарный балл получает испытуемый, тем в большей степени проявляется склонность к экстремизму.

Вербальный тест диагностики слияния идентичности (А. Gomez и др., 2011) (перевод и адаптация С.М. Ситяевой и С.В. Яремчук)¹

Данная методика помогает выявить степень слияния идентичности человека со страной и склонность человека к экстремальным и жертвенным действиям во имя своей страны.

Инструкция: В какой степени вы согласны со следующими утверждениями? (от 0 – полностью не согласен, до 6 – полностью согласен)»

Степень согласия

- | | |
|--|---------------|
| 1. Моя страна – это я. | |
| 2. Я един со своей страной. | 0 1 2 3 4 5 6 |
| 3. Я чувствую себя частью своей страны. | 0 1 2 3 4 5 6 |
| 4. У меня глубокая эмоциональная связь с моей страной. | 0 1 2 3 4 5 6 |
| 5. Я силен, потому что я гражданин своей страны. | 0 1 2 3 4 5 6 |
| 6. Я бы сделал для моей страны больше, чем кто-либо из других членов группы. | 0 1 2 3 4 5 6 |
| 7. Я делаю свою страну сильной. | 0 1 2 3 4 5 6 |

Оценка результатов

Для оценки результатов необходимо подсчитать сумму баллов по всем пунктам и вычислить средний балл, поделив сумму на 7.

¹ Ситяева С.М., Яремчук С.В. Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи: монография. – Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2019. – 166 с.

Средние значения, полученные на российской выборке 204 испытуемых от 15 до 30 лет (средний возраст $18,3 \pm 2,74$), из них 72 юношей и 125 девушки (студенты педагогического университета и студенты ссузов) – $2,57 \pm 1,44$ балла, следовательно, средний балл выше 4 свидетельствует о повышенном уровне слияния идентичности со страной.

В исследуемой выборке число молодых людей со слитой идентичностью со страной оказалось 15 %.

Анкета «Оценка взаимодействия и взаимоотношений членом служебного коллектива»

Инструкция: пожалуйста, отметьте, насколько представленные утверждения соответствуют Вашему представлению о служебном коллективе. Для ответа на вопрос прочитайте утверждение, по порядку, из текста утверждений. Найдите в бланке для ответов его номер и оцените, насколько это утверждение совпадает с Вашей позицией. Оценивать следует по следующему ключу:

- 5 – Полностью согласен, совпадает.
- 4 – Скорее согласен, чем не согласен.
- 3 – Нельзя ни согласиться, ни опровергнуть.
- 2 – Скорее не согласен, чем согласен.
- 1 – Полностью не согласен, не совпадает.

Поставьте балл вашего ответа в соответствующую клеточку в бланке для ответов. Просим Вас отвечать максимально точно и искренне. На заполнение анкеты вам потребуется 10 мин.

Утверждение	Ответ
1. Ваша повседневная деятельность соответствует должностному регламенту по замещаемой должности.	
2. Общение с коллегами утомляет Вас.	
3. Вам удастся достичь лучших результатов, работая совместно с коллегами из подразделения.	
4. Ваших коллег нельзя считать профессионалами в своем деле.	
5. Вам легко удастся найти общий язык с коллегами из подразделения.	
6. Вы негативно оцениваете коллектив, в котором работаете.	

7. Ваша деятельность выходит за пределы обязанностей, предусмотренных регламентом по замещаемой должности.	
8. Взаимодействие с коллегами делает Вас энергичным	
9. Ваши результаты ухудшаются, если приходится взаимодействовать с коллегами из подразделения.	
10. Ваших коллег можно считать профессионалами в своем деле	
11. Вам трудно взаимодействовать с коллегами из подразделения.	
12. Вы положительно оцениваете коллектив, в котором работаете.	
13. Ваши функциональные обязанности соответствуют замещаемой Вами должности.	
14. Необходимость общаться с коллегами ухудшает Ваше настроение	
15. Вы эффективнее действуете, если взаимодействуете с коллегами из своего подразделения.	
16. Вам не интересно знать мнение коллег относительно рабочих вопросов.	
17. Коллеги из Вашего подразделения легко откликаются на Ваши просьбы.	
18. Вам не нравится считать себя частью коллектива, с которым Вы работаете.	
19. Вы выполняете обязанности, не соответствующие замещаемой Вами должности.	
20. Общение с коллегами улучшает Ваше настроение.	
21. Ваша эффективность снижается из-за необходимости взаимодействовать с коллегами.	
22. Вам важно знать мнение коллег по рабочим вопросам, на которые Вы не знаете ответа	
23. Коллеги из Вашего подразделения игнорируют Ваши просьбы.	
24. Вам нравится причислять себя к коллективу, в котором работаете.	
25. Содержание Вашей деятельности соответствует подразделению, в котором Вы проходите службу	

26. Взаимодействие с коллегами вызывает у Вас неприятные чувства.	
27. Ваша продуктивность увеличивается при участии коллег	
28. Вы не доверяете своим коллегам в служебных делах	
29. Вам с коллегами по коллективу легко удастся координировать совместные действия	
30. Ваше мнение о себе снижается, когда окружающие узнают о коллективе, в котором Вы работаете	
31. Вы привлекаетесь для выполнения деятельности несвойственной Вашему подразделению	
32. Взаимодействие с коллегами придает Вам чувство уверенности	
33. Совместная деятельность с коллегами негативно влияет на Вашу продуктивность.	
34. Вы доверяете своим коллегам в решении рабочих вопросов	
35. Вам не удастся действовать совместно с коллегами из подразделения	
36. Ваша самооценка повышается, когда люди узнают, в каком коллективе Вы работаете	

Ключ анкеты «Оценка взаимодействия и взаимоотношений членом служебного коллектива»

Показатели	Критерии и пункты анкеты
1. Нормативная регламентация деятельности члена служебного коллектива (НР)	Благоприятный: 1, 13, 25 Неблагоприятный: 7,19,31
2. Продуктивность совместной деятельности члена служебного коллектива (ПР)	Благоприятный: 3,15,27 Неблагоприятный: 9,21,33
3. Координация взаимодействия члена служебного коллектива (ОК))	Благоприятный: 5,17,29 Неблагоприятный: 11,23,35
4. Психоэмоциональное состояние в коллективе (ПЭ)	Благоприятный: 8,20,32 Неблагоприятный: 2,14,26
5. Отношение к членам служебного коллектива (ОУ)	Благоприятный: 10,22,34 Неблагоприятный: 4,16,28
6. Отношение к себе как члену служебного коллектива (СО)	Благоприятный: 12,24,36 Неблагоприятный: 6,18,30

Рекомендации по обработке результатов обследования.

Для вычисления значения по каждому показателю благоприятный и неблагоприятный критерии рассчитываются отдельно. Для этого подсчитывается сумма баллов, полученная для каждого из них. Итоговое значение вычисляется путем вычитания суммы значения благоприятных критериев из неблагоприятных.

Например, по шкале «Нормативная регламентация взаимодействия участников служебного коллектива» обследуемый ответил на вопрос № 1 – 5 баллов, вопрос № 13 – 4 балла, вопрос № 27 – 5 баллов.

Соответственно, сумма баллов, набранных по благоприятным критериям, составляет 14 баллов.

На вопрос № 7 он ответил 2 балла, вопрос № 19 – 1 балл, вопрос № 31 – 2 балла. Сумма баллов, набранных по неблагоприятным критериям, составляет 5 баллов.

Вычитаем из суммы значений по благоприятным критериям сумму неблагоприятных критериев. 14 баллов – 5 баллов = 9 баллов.

2. Полученные значения отмечаются на профиле члена служебного коллектива (см. рис 17).

Профиль члена служебного коллектива

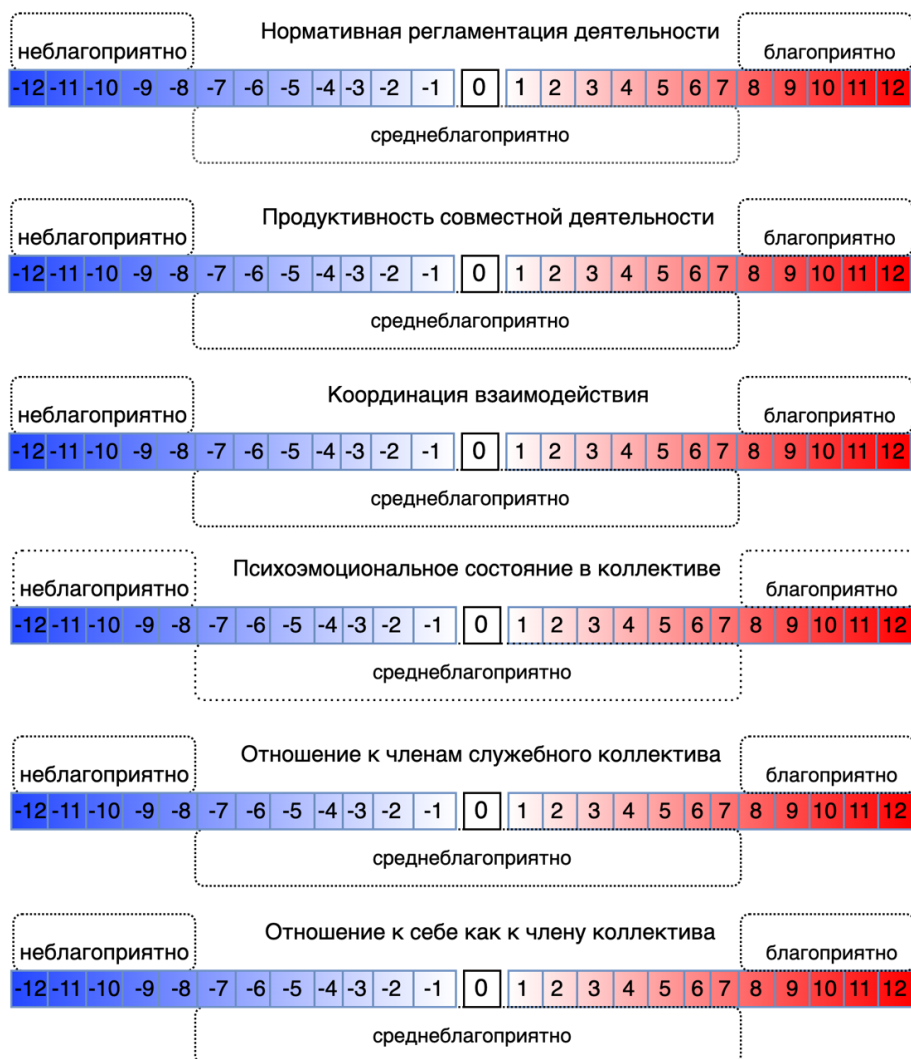


Рис. 17. Профиль члена служебного коллектива

3. Для оценки социально-психологического климата рассчитываются средние значения показателей взаимодействия и взаимоотношений всех обследованных членов коллектива.

Для этого высчитываются средние значения показателей взаимодействия и взаимоотношений каждого обследованного члена коллектива по формулам:

$$\text{Взаимодействие (ВД)} = (\text{НР} + \text{ПР} + \text{ОК}) / 3$$

$$\text{Взаимоотношения (ВО)} = (\text{ПЭ} + \text{ОУ} + \text{СО}) / 3$$

Полученный результат отмечается на координатной сетке состояний членов служебного коллектива в виде точки с координатами (ВД; ВО).

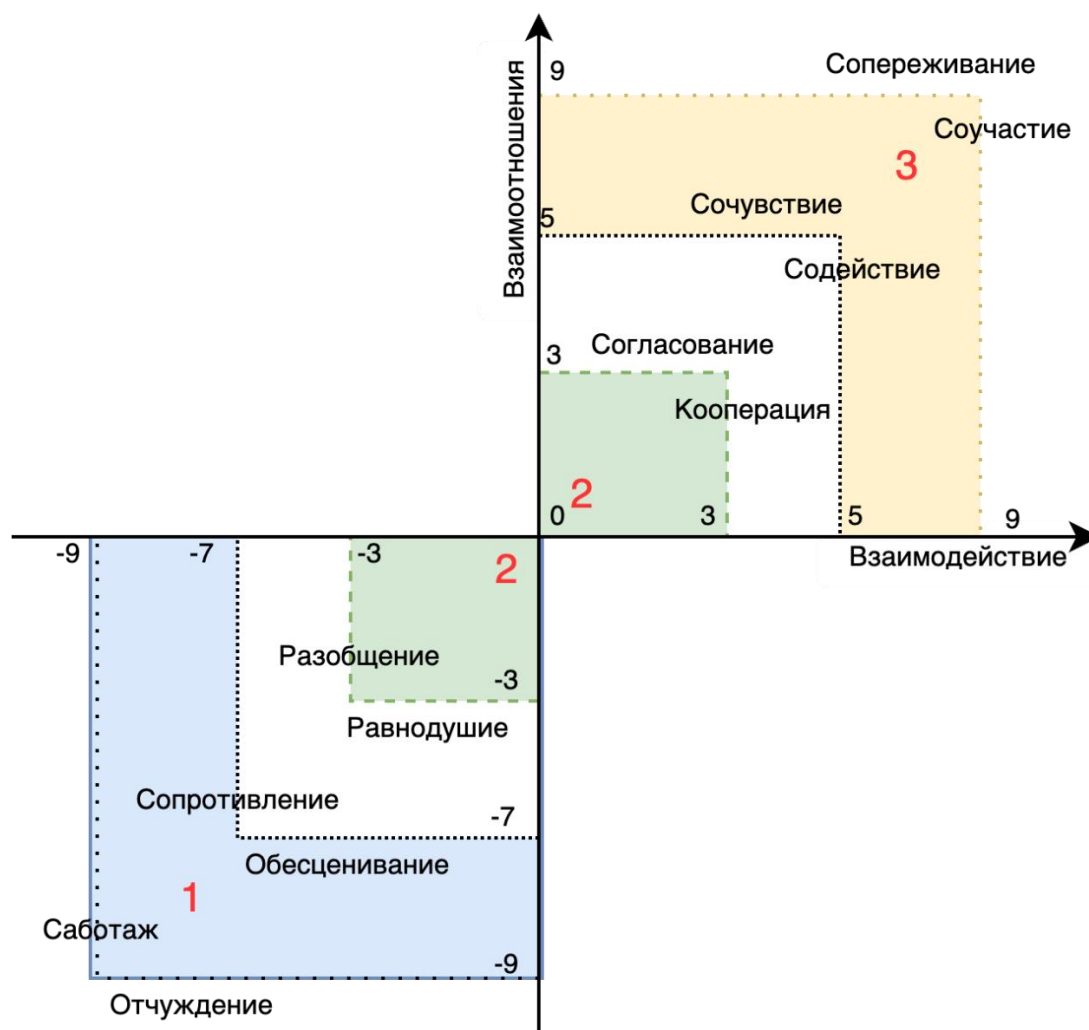


Рис. 18. Пространство социально-психологического климата служебного коллектива.

Примечание: 1) - зона неблагоприятного климата; 2) - зона среднеблагоприятного климата; 3) - зона благоприятного климата.

На схеме социально-психологического климата наносятся положения членов служебного коллектива исходя из их усредненных оценок взаимодействия и взаимоотношений. Следует отметить, что зоны социально-психологического климата маркируются с учетом выражения взаимодействия и взаимоотношений в конкретных формах поведения членов коллектива. На рис. 18 определены только базовые зоны социально-психологического климата, отражающие типичные положения членов коллектива во внутригрупповых отношениях.

Наряду с ними могут быть выявлены позиции членов служебного коллектива, чья оценка взаимодействий и взаимоотношений, характеризуется противоречиями. Они выражаются несоответствием в оценке

совместной деятельности и отношений членами коллектива. Объяснение подобным группам видится в дисгармонии субъективных представлений члена коллектива и преодолевается разъяснением данной им оценки. Как правило, подобные проявления характерны членам коллектива, ощущающим проблемы в коллективе, но не желающих приступить к их разрешению.

Для маркирования зон социально-психологического климата на схеме (рис. 18) используются три области, характеризующиеся разными формами проявления.

Зона **неблагоприятного климата** (обозначена как зона 1) выражается во взаимодействии проявлениями сопротивления (несотрудничества, уклонения) вплоть до саботажа указаний и распоряжений либо иных форм отказа от выполнения действий. Во взаимоотношениях членов коллектива неблагоприятный климат выражается в проявлениях обесценивания коллег вплоть до отчуждения в отношениях (разрыва, исключения).

Зона **среднеблагоприятного климата (зона 2)** характеризуется колебаниями во взаимодействии членов коллектива от разобщения до кооперации, а во взаимоотношении от равнодушия до согласованности отношений членов коллектива по определенным вопросам.

Зона **благоприятного климата (зона 3)** проявляется во взаимодействии содействием членам коллектива в выполнении ими служебных задач и может распространяться вплоть до соучастия и во внеслужебных делах. Взаимоотношения при благоприятном социально-психологическом климате характеризуются сочувствием (проявлением чувств членами коллектива) вплоть до сопереживания (схожего эмоционального состояния).

Поскольку топологическая модель социально-психологического климата позволяет характеризовать положения членов служебного коллектива, схожих по оценке их деятельности и отношений, целесообразным является анализ их положения в единой системе координат служебного коллектива. Это позволит установить сотрудников, находящихся в схожих условиях деятельности, даст возможность раскрыть предпосылки трудностей и конфликтов, создаст задел для совершенствования и развития внутригрупповых отношений.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Бережнова Людмила Николаевна,
доктор педагогических наук, профессор;
Гайдамашко Игорь Вячеславович,
доктор психологических наук, доцент;
Злоказов Кирилл Витальевич,
доктор психологических наук, доцент;
Тамбовцев Андрей Иванович,
доктор юридических наук, доцент;
Рожков Антон Алексеевич,
кандидат педагогических наук, доцент;
Федотов Андрей Юрьевич,
доктор психологических наук, профессор

ПРОВОКАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Монография

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Мамедова А. Х.*

ISBN 978-5-00277-038-0



9 785002 770380 >

EDN: YCOUFI



Подписано в печать 30.11.2025. Формат 60×84 ¹/₁₆

Печать цифровая. Объем 11,0 п. л. Заказ № 159/25.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.)

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1